С. А. АЗИМДЖАНОВА

ГОСУДАРСТВО БАБУРА В КАБУЛЕ И В ИНДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. АБУ РЕЙХАНА БЕРУНИ

С. А. АЗИМДЖАНОВА

ГОСУДАРСТВО БАБУРА В КАБУЛЕ И В ИНДИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(M)1
А35

Ответственный редактор
К. З. АШРАФЯН

В книге исследуется история образования в Кабуле и в Индии государства Захир-ад-дина Бабура, положившего начало династии Великих Моголов в Индии. Рассматривается экономическая и социальная политика Бабура, большое внимание уделяется изучению его мемуаров — блестящего образца средневековой мемуарной литературы.

А $\frac{10605\text{-}198}{013(02)\text{-}77}$ 76-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ВВЕДЕНИЕ

Первая треть XVI в. — важный период в истории Средней Азии, Афганистана и Индии. Основной особенностью социально-политической жизни в государствах этого региона было появление определенной тенденции к преодолению феодальной раздробленности.

Феодальные междоусобицы и раздоры пагубно влияли на положение широких социальных слоев, прежде всего крестьянства. Налоговый гнет обескровливал крестьянские хозяйства. Нелегко приходилось и трудящимся слоям городского населения — ремесленникам. В связи с этим в конце XV в. наблюдается обострение социальной борьбы, выразившееся в росте волнений сельского и городского населения, в усилении сектантских движений, появлении многочисленных религиозных учений, направленных против ортодоксального ислама и индуизма.

От междоусобиц страдали также торговые круги, терпевшие большие убытки из-за разбоя на караванных путях и сокращения торгового оборота. Это в значительной мере определило их участие в антифеодальных выступлениях.

Феодалам, многие представители которых были разорены в результате сокращения доходов от переживавшего упадок крестьянского хозяйства, необходима была консолидация классовых сил для защиты позиций своего класса и подавления антифеодальной оппозиции. В связи с этим первая половина XVI в. ознаменовалась усилением центростремительных тенденций, которые привели к образованию на территории Ирана и Южного Азербайджана Сефевидского государства, государства кочевых узбеков Шейбани-хана в Средней Азии и, наконец, государства Бабура в Кабуле и в Северной Индии.

В настоящей работе исследуется история образования государства Бабура, явившегося важным этапом в политической консолидации Индии на феодальной основе, которая продолжалась и при преемниках Бабура. В ней рассматриваются некоторые особенности социально-экономических отношений и политического развития в период, предшествующий установлению власти Бабура.

До настоящего времени Бабур был представлен в большинстве исследований главным образом как завоеватель и поэт-мемуарист. На основании привлеченных исторических материа-

лов мы стремились показать также административную деятельность Бабура, его политику по отношению к племенам и знати Афганистана и Индии, социально-экономические отношения в его государстве.

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность научным сотрудникам Отдела Индии, Шри Ланки и Непала и Отдела Пакистана и Бангладеш ИВ АН СССР, а также сотрудникам ИВ АН УзССР и другим коллегам за ценные замечания, сделанные во время обсуждения настоящей работы. Автор с глубокой благодарностью вспоминает академика АН УзССР И. М. Муминова и профессора А. М. Дьякова, оказавших ему большое содействие своими советами.

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В качестве источников для этой работы послужили прежде всего труды средневековых хронистов, характеризующие феодальную среду периода последних Тимуридов, в которой жил и формировался как государственный деятель Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (1483—1530), уроженец Андижана. В произведениях придворных историков приводятся сведения о политической, экономической и культурной жизни разных стран и районов: Мавераннахра, где родился и впервые вступил на политическое поприще Бабур; Афганистана (так называемого Кабульского удела Тимуридов), куда он прибыл, потерпев неудачу в борьбе за власть со своими родственниками и Шейбани-ханом; наконец, Северной Индии, где им была основана империя Великих Моголов.

Авторы использованных нами многочисленных источников придерживаются различных ориентаций: протимуридской (сам Бабур, Хондемир, Мухаммад Хайдар), прошейбанидской (Рузбехан Исфахани, Бенаи, Мухаммад Салих), проиранской (Искандар Мунши) и афгано-лодийской (Абдуллах, Аббас-хан Сарвани). К протимуридской ориентации относятся и индийские персоязычные хроники, составленные при дворе Великих Моголов, а также различные документы государственных деятелей Индии.

Сравнительное изучение всех этих произведений потребовало от исследователя критического осмысления порой весьма разноречивых и даже противоречащих друг другу данных. В то же время, располагая столь разнородным материалом, автор этих строк имел возможность дополнять данные одной группы источников данными другой, выявить более достоверные сведения, отклонить то, что представлялось тенденциозным и не соответствующим действительности.

Огромное количество фактов, приводимых в источниках, однобокий подход к освещению политических и других явлений, вычурность стиля, затемнявшая смысл, значительно затрудняют выделение больших проблем из массы мелких и второстепенных, осложняют исследование исторической и социально-экономической подоплеки каждого события. Объективный

анализ истории народов Мавераннахра, Афганистана, Индии XV—XVI вв. возможен лишь на основе применения марксистско-ленинской методологии. Только руководствуясь методом исторического материализма, и в частности марксистско-ленинским учением о развитии формаций, историк может выявить на материале средневековых источников те особенности общественного, экономического и политического строя стран Востока этого периода, которые позволяют характеризовать средневековую историю как время зарождения и развития феодальных отношений.

Несомненно, что в центре внимания исследователя, изучающего эпоху Бабура, находятся прежде всего его выдающееся творение — мемуары «Бабур-наме», а также поэтические диваны «Мубайин» и «Рисала-и Валидия», обладающие замечательными литературными достоинствами. Сочинения Бабура поставили имя их создателя в один ряд с именами лучших средневековых поэтов Востока.

«Бабур-наме» как источник получил заслуженное признание исследователей разных поколений и времен. По мнению крупнейшего русского востоковеда В. В. Бартольда, «Бабур-наме» — одно из лучших произведений тюркской прозы [1]. Труд Бабура содержит в высшей степени важный материал для историков, этнографов, географов, изучающих общественный строй, быт и экономику феодального государства Тимуридов в Мавераннахре, Хорасане и Индии. Большую ценность представляет он также для филологов и лингвистов, интересующихся средневековыми литературными и историческими сочинениями, написанными на староузбекском, или чагатайском, как он называется в дореволюционных работах русских и западноевропейских ученых, языке. Как по своей информативности, так и по художественным достоинствам «Бабур-наме» намного превосходит исторические хроники, составленные придворными летописцами тимуридской эпохи.

Язык Бабура ярок, сочен, богат метафорами, идиомами; отсутствие вычурности, стилистических ухищрений придает его книге своеобразную свежесть, как бы оживляет ее героев, создавая впечатление полной достоверности.

Известный исследователь «Бабур-наме» Аннет Беверидж, автор самого полного научного перевода его на английский язык, резко критиковала другого видного ученого, профессора У. Эрскина, за то, что он в своем переводе «Бабур-наме» не сохранил стиль оригинала. А. Беверидж считает образный язык Бабура одной из важнейших отличительных особенностей произведения и придает большое значение точной передаче стилистической манеры автора. Переводчик, по ее мнению, должен уподобиться гончару, который придает сосуду форму, соответствующую определенной модели. Поэтому А. Беверидж не стала даже редактировать перевод Эрскина, а подготовила

новый перевод «Бабур-наме» (на основе хайдарабадского списка).

Изучение и осмысление деятельности и творчества Бабура началось сразу после его смерти. Царственные потомки Бабура — Хумаюн, Акбар, Джахангир, Шах Джахан и Аурангзеб — проявляли большой интерес к его литературному наследию, и в особенности к его мемуарам «Бабур-наме», именно потому, что они отразили его огромный политический опыт — опыт борьбы за укрепление верховной власти и против своеволия феодалов. В этом труде Бабур всесторонне раскрыл свои методы управления государством вплоть до чисто психологического объяснения политических конфликтов его времени. Не удивительно, что его потомки не расставались с «Бабур-наме» даже во время походов; так поступал, например, Хумаюн.

Огромное значение мемуарам своего деда придавал Акбар. Поскольку официальным языком Могольской империи был фарси, Акбар дал указание о переводе «Бабур-наме» на персидский язык. Этот перевод получил название «Вакиат-и Бабури». Первым переводчиком «Бабур-наме» был видный ученый Шейх Зейн. Он перевел сначала только одну часть мемуаров Бабура, в которой рассказывалось о его пятом походе в Индию [2].

Авторы индийских хроник никак не объясняют, почему Шейх Зейн перевел именно этот раздел «Бабур-наме». Однако можно предположить, что за этим выбором скрывалось желание Акбара глубже изучить военную тактику Бабура, принесшую ему успех в битве при Панипате. Вполне допустимо, что, готовясь к походам с целью присоединения к своей империи новых территорий, Акбар интересовался полководческим опытом своего деда.

Историк Бадауни в сочинении «Мунтахаб ат-таварих» сообщает, что перевод Шейх Зейна выполнен «в изысканной манере» [3]. Переводчик отказался от простоты стиля, свойственной манере письма Бабура, и ориентировался на вкусы придворной верхушки. По сведениям Бадауни, Шейх Зейн составил еще комментарий к «Мубайин». К сожалению, его пока не удалось обнаружить в хранилищах рукописей ни у нас в стране, ни за рубежом, при том, что отношение такого крупного знатока социальных проблем XVI в., как Шейх Зейн, к экономическим и политическим взглядам Бабура, изложенным в «Мубайин», представляет для нас большой интерес.

Специальное письмо Бабура в стихах, отправленное законоведам Мавераннахра с просьбой прокомментировать «Мубайин» (сохранившееся в рукописи этого дивана, которая находится в рукописном фонде Ленинградского отделения ИВ АН СССР [4]), дает нам основание предположить, что этот труд был написан для наставления наследника престола Хумаюна по вопросам управления государством.

Вот текст письма Бабура, приводимый согласно ленинградскому списку «Мубайин»:

Законоведы Мавераннахра
Пусть слушают эти слова.
Сложил я стихи о законе,
Рассказал об этом сколько мог.
И если эти идеи полезны
И их сочтут правильными и законоведы,
И все те, кто считает себя искушенным
В законах [и] сведущим в науке,
То просьба моя к ним только одна:
Прочитать «Мубайин», чтобы сказать
свое мнение
И изложить его на языке фарси,
Объяснив суть.

В отличие от других списков «Мубайин» ленинградский заканчивается следующими словами: «Написал ничтожный, не достигший цели грешник». Если предположить, что последняя фраза заключает в себе намек на неудачу Бабура при Кули-Малике, то, очевидно, именно эта рукопись является самым ранним прижизненным списком. Три других списка «Мубайин» хранятся в Ташкенте [5].

Действительно, «Бабур-наме» и «Мубайин» рассматривались при дворе первых Моголов не только как литературные произведения, имеющие, кроме того, чисто познавательное значение, но прежде всего как практическое руководство в государственных делах. Историк Сейид Мир Сиддик писал о том, что диван «Мубайин» пользовался в Индии большой популярностью [6].

Списков той части «Бабур-наме», которая была переведена Шейх Зейном, немного. Один из них хранится в индийском городе Рампуре, в библиотеке Риза, второй принадлежит Британскому музею, а третий — Национальной библиотеке в Париже и описан в каталоге Э. Блоше [7].

Следующая попытка перевести «Бабур-наме» на персидский язык была сделана Мирзой Паянде Хасаном Газневи. Однако он не смог довести до конца свою работу, над завершением которой потом трудился Мухаммад Кули Хисари. Правда, последний допустил в своем переводе фактические неточности и искажения стиля оригинала.

Только перевод, осуществленный Абдуррахим-ханом, сыном Байрам-хана, получил признание современников. Выполненный на высоком профессиональном уровне, сохранивший специфику языка Бабура, этот перевод быстро обрел широкую популярность [8].

Как указывает Аннет Беверидж, перевод Абдуррахим-хана был сделан по приказу Акбара, с тем чтобы его собственный летописец Абул-Фазл мог дать правильную оценку деяниям Бабура на страницах «Акбар-наме», а также чтобы облегчить

чтение «Бабур-наме» в Хиндустане[9]. Кроме того, Акбар, согласно Абул-Фазлу, высоко ценил труд своего деда, как полезное наставление в управлении государством, ср.: «Книга его (Бабура. — *С. А.*), охватывающая периоды его царствования от начала до конца, написанная ясным, совершенным стилем, применялась в качестве руководства по управлению страной и носила характер закона»[10]. Перевод Абдуррахим-хана был завершен в ноябре 1589 г., в год паломничества Акбара в Кабул, к гробнице Бабура.

Свою лепту в популяризацию и изучение «Бабур-наме» внес также Джахангир (1605—1628). Согласно «Тузук-и Джахангири», он решил восполнить временные лакуны в «Бабур-наме». Однако остается неясным, какие именно части были им дополнены. А. Беверидж предполагает, что это относится к событиям 1527 г. и к последним месяцам жизни Бабура, т. е. к 1529 г.[11]. Все же ввиду того, что вставки Джахангира внесены от первого лица, определить их пока не представляется возможным.

В богатой библиотеке страстного любителя книг Шах Джахана (1628—1658) «Бабур-наме» занимало, естественно, самое почетное место. За это время «Бабур-наме» не подвергалось никаким изменениям. Автограф Шах Джахана на последней странице рукописи индийского дивана Бабура, ныне хранящейся в библиотеке Рампура[12], свидетельствует о его большом интересе к литературному наследию Бабура, основателя Могольской империи.

По мнению А. Беверидж, лучший список «Бабур-наме», так называемая хайдарабадская рукопись, относится к времени правления Аурангзеба (1658—1707). Оформлением хайдарабадской рукописи в 1700 г. и устанавливается окончательный вариант «Бабур-наме», сочинения, занимающего одно из самых почетных мест среди источников по истории Средней Азии, Афганистана и Южноазиатского субконтинента в средние века.

Характерно, что средневековые авторы исторических хроник, среднеазиатских и индийских, чрезвычайно широко используют труд Бабура. Как установил, например, Н. Д. Миклухо-Маклай, целый ряд материалов из хроники Гияс-ад-дина Хондемира заимствован из «Бабур-наме»[13]. Мы склонны полагать, что сравнение некоторых данных «Бабур-наме» со сведениями большинства исторических хроник (Мухаммада Хайдара[14], Абул-Фазла[15], Феришты[16], Низам-ад-дина Херави[17], Бадауни[18], Хинди Мурхи[19]) позволяет выявить разную степень зависимости каждого из названных авторов от «Бабур-наме».

А. Беверидж, которой принадлежит ряд скрупулезных текстологических исследований различных списков «Бабур-наме», считает, что для периода с 1700 г. (год составления хайдарабадской рукописи при Аурангзебе) до 1810 г. (когда М. Элфинстон приобрел в Пешаваре неизвестный ранее список «Ба-

бур-наме») характерен относительный спад в изучении творчества и деятельности Бабура и только первая четверть XIX в. несколько выделяется благодаря работам Дж. Лейдена, У. Эркина и М. Элфинстона, содействовавшим росту известности Бабура в Европе [20].

Работы названных выше ученых, действительно, сыграли большую роль в ознакомлении европейской науки с содержанием «Бабур-наме». Однако в том, что касается целенаправленного изучения наследия Бабура как источника сведений по конкретному периоду истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии, нельзя не отметить вклад нашего отечественного дореволюционного востоковедения.

Еще в 1714 г. Тимур Пулат во время своей поездки в Бухару приобрел так называемую бухарскую рукопись «Бабур-наме» и в 1725 г. передал ее в Коллегию иностранных дел. В дальнейшем эта рукопись использовалась Георгом-Якобом Кером в качестве учебного пособия по тюркскому языку. Георг-Якоб Кер также подготовил ряд копий с этой рукописи [21]. В 1857 г. текст «Бабур-наме» был опубликован в Казани Н. Ильминским [22]. Все это открыло большие перспективы для изучения «Бабур-наме» в России.

В 1824 г. Петербург посетил Назарбай Туркестани, у которого имелся список «Бабур-наме» [23] под названием «Вакаинаме-йе падшахи», подготовленный якобы муллой Абд ал-Вахабом, учителем из Гиждувана. Согласно О. Сенковскому, этот список был завершен 13 августа 1709 г., а копия — 4 мая 1824 г. Однако А. Беверидж сомневается в подлинности этого списка, считая его компиляцией Назарбая Туркестани, так как его название было несколько необычным. Но сами факты приобретения рукописных экземпляров «Бабур-наме» с начала XVIII в. говорят, что отечественные востоковеды заинтересовались жизнью и деятельностью Бабура одними из первых в мировой ориенталистике.

Интерес западноевропейской науки XIX — начала XX в. к истории и культуре народов Востока неразрывно связан с колониальной политикой крупнейших капиталистических держав. Многие видные востоковеды были одновременно политическими деятелями и чиновниками колониальной администрации.

«Пристальное изучение ими местных языков, истории, обычаев, а главным образом земельно-налоговой системы было подчинено чисто утилитарным целям организации управления завоеванной страной, что с самого начала наложило отпечаток тенденциозности на характер исследований большинства представителей английской историографии» [24]. Подобной тенденциозности не были лишены и первые английские исследователи текста «Бабур-наме» Р. Колдикот, С. Лен-Пул, Г. М. Эллиот, А. Денисон Росс, а также А. Беверидж.

Так, в предисловии А. Беверидж к ее переводу «Бабур-

наме» проявилась недооценка значения работ русских ученых над этим памятником. А. Беверидж высказала, в частности, сомнение в подлинности списка Георга-Якоба Кера, положенного в основу публикации Н. Ильминского, и подчеркнула роль английских исследователей в утверждении литературной известности Бабура в западном мире [25].

Большинство ученых, использовавших материалы «Бабур-наме», дали высокую оценку Бабуру как даровитому, многогранному, критически мыслящему историку. По стилю и манере изложения Бабура сравнивали с Юлием Цезарем (А. Н. Самойлович). При этом предпочтение все же отдавалось Бабуру. «Записки Бабура, — пишет автор статьи „Бабур" в энциклопедии „Larousse", — возбуждают в читателе такой же интерес, как и комментарии Цезаря, с которыми мы находим значительное и своеобразное сходство. У обоих авторов-воинов мы находим ту же динамичность в повествовании, ту же упоенность описанием военных операций, ту же точность и лаконичность в изложении географических данных о странах, в которых им пришлось побывать. Мы считаем даже, что индивидуальное, неповторимое начало у татарского (т. е. тюркского. — *С. А.*) автора еще более выражено, чем у латинянина» [26].

В настоящее время записки Бабура все более привлекают внимание специалистов различных стран мира. Ценность сведений, приведенных в «Бабур-наме», искренность и самокритичность автора, достоверность фактического материала получили единодушное признание ученых. Данные «Бабур-наме» вошли неотъемлемой частью в сводные труды по истории народов Афганистана, Индии и Средней Азии.

Большой интерес советских ученых к истории и культуре эпохи Тимуридов, ряду ее проблем, связанных, в частности, с изучением поэтического наследия основоположника узбекской литературы Алишера Навои, выразился в создании многих общих работ, посвященных истории народов Средней Азии XV—XVI вв. Независимо от того, были ли они историческими (В. В. Бартольд, А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, М. Е. Массон, А. А. Молчанов, А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский), литературоведческими (Е. Э. Бертельс, В. Ю. Захидов, Н. Малаев, Х. Сулайманов, А. Каюмов) или лингвистическими (А. К. Боровков, А. Н. Кононов, Х. Назарова и др.), сведения, приведенные в «Бабур-наме», занимали в трудах упомянутых ученых центральное место среди источников, которые они привлекали для исследования истории культуры и литературы эпохи Тимуридов.

В переводе на русский язык произведения Бабура впервые появились в период Великой Отечественной войны. Это был небольшой сборник его газелей [27]. Впоследствии сборники стихов Бабура (на узбекском и русском языках) выходили вновь и познакомили с его поэзией широкие круги читателей [28].

В 1947 г. в Советском Союзе широко отмечалось 500-летие со дня рождения Алишера Навои. К этой дате наши ученые подготовили крупные исследования, посвященные жизни и деятельности великого поэта. При описании культурной жизни Герата и Самарканда, городов, с которыми Алишер Навои был тесно связан, ученые, безусловно, не могли пройти мимо фактов, изложенных в «Бабур-наме», где, как известно, ярко и образно описаны жизнь узбекского поэта и культурная среда его времени [29].

Вот почему в УзССР в 40-е годы появился ряд работ, в которых освещался политический путь Бабура, подверглись разбору и его литературные произведения. Описание некоторых характерных черт эпохи Бабура содержалось в предисловии к узбекскому изданию «Бабур-наме» акад. Я. Г. Гулямова и Р. Набиева [30]. Поэтическое творчество Бабура было позднее предметом исследования А. Каюмова, Э. Рустамова, Н. Малаева [31].

В 1948 г. Институтом истории и археологии АН УзССР была осуществлена публикация «Бабур-наме» в двух томах. Тогда же в журнале «Звезда Востока» появились первые переводы на русский язык М. Салье и отдельное издание его же сокращенного перевода «Бабур-наме» с кратким послесловием. Полный и переработанный вариант этого текста был издан в 1958 г. под редакцией и с предисловием С. Азимджановой. На узбекском языке «Бабур-наме» выходило также в 1960 и 1965—1966 гг.

На первой Всесоюзной конференции востоковедов в 1957 г. в Ташкенте В. Ю. Захидовым был зачитан доклад, содержавший оценку политической и литературной деятельности Бабура [32]. Он же написал обширное предисловие к узбекскому изданию «Бабур-наме», где дал мировоззренческий анализ поэтического творчества Бабура [33]. Интересные данные о жизни и деятельности Бабура были приведены на состоявшейся в 1958 г. в Андижане выездной сессии АН УзССР, посвященной 475-й годовщине со дня его рождения.

В 1966 г. автором этих строк была напечатана работа «Индийский диван Бабура», в которой в историческом аспекте анализируется единственный список дивана Бабура, хранящийся в библиотеке рампурского наваба [34]. Новые данные о деятельности Бабура зачитывались на XXV и XXVI Международных конгрессах востоковедов в Москве (1960) и Дели (1964) [35]. Некоторые из этих сообщений были впоследствии опубликованы в зарубежной научной периодике [36].

В изучение творчества Бабура внесли свой вклад и пакистанские специалисты. В последние годы появилось несколько переводов «Бабур-наме» на язык урду. Один из переводчиков, Рашид Ахтар Надви [37], положил в основу своего труда опубликованный в 1965 г. в Лахоре персидский список «Бабур-наме»,

который хранится в Национальной библиотеке Пенджаба. Именно с него Мирза Мухаммад Ширази, издатель персидского списка, снял опубликованную им копию [38].

Публикация Рашида Ахтара Надви представляет значительный интерес. Автор перевода написал к нему небольшое предисловие и составил хронологический указатель важнейших событий жизни Бабура [39]. Рашид Ахтар Надви отмечает незаслуженное забвение этого памятника пакистанскими учеными, не понимавшими до недавнего времени его значения как исторического источника. Он осуждает как ошибочное мнение о том, что Бабур был для Индии только завоевателем и якобы не оказал существенного воздействия на социальную, экономическую и культурную жизнь страны, а также что подъем ее экономики, значительные достижения ее искусства и культуры связаны с именами лишь последующих могольских правителей.

Отметив достоинства Бабура — государственного деятеля, Рашид Ахтар Надви называет его затем «государем слова», т. е. непревзойденным писателем и искусным поэтом. Как считает пакистанский ученый, мемуары Бабура значительно выделяются среди трудов аналогичного характера [40].

Другой перевод «Бабур-наме» на урду, опубликованный в Карачи в 1962 г., принадлежит Мирзе Насир-ад-дину Хайдару [41]. Это издание снабжено кратким предисловием Убайдуллы Кудсия. В отличие от других комментаторов Убайдулла Кудсий обращает внимание на относительно мало изученные стороны деятельности Бабура, а именно на его административные мероприятия в качестве правителя Индии. Большой интерес вызывают приводимые здесь сведения о снижении Бабуром налоговых ставок, о значении, которое Бабур придавал развитию скотоводства [42].

В предисловии Убайдуллы Кудсия использованы труды Мухаммада Хайдара «Тарих-и Рашиди» и Абул-Фазла «Акбарнаме». Судя по отдельным выдержкам из работ Г. Эллиота и других ученых, Убайдулла Кудсий достаточно хорошо знаком с исследованиями европейских специалистов о Бабуре и его мемуарах. Он считает «Бабур-наме» важным пособием для изучения тюркского языка и ценным историческим источником. Отметим, что, как и в других переводах, в данной работе некоторые термины, имена и географические названия переданы неправильно; например, Юнус-хан, дед Бабура, назван Юланханом, город Аксы — Акши и др. Перевод Мирзы Насир-ад-дина Хайдара снабжен подробным комментарием.

Важным этапом в политической деятельности Бабура был период его правления в Кабуле. К сожалению, в «Бабур-наме» это время освещено не полностью из-за имеющихся в тексте лакун. Этот пробел, охватывающий 11-летний период правления (1508—1519 гг. н. э.) Бабура, сказался и в произ-

ведениях хронистов протимуридской ориентации, в том числе Гияс-ад-дина Хондемира и Мухаммада Хайдара. Названные историки, служившие при дворе Тимуридов (Хондемир в Герате — у Султана Хусейна, Мухаммад Хайдар в Кабуле — у Бабура), ряд сведений о жизни и деятельности Бабура заимствовали из его мемуаров [43]. Поэтому восстановить пробел, относящийся к времени правления Бабура в Кабульском уделе, они не смогли [44].

Причины отсутствия в «Бабур-наме» информации о деятельности Бабура в Кабуле неоднократно были предметом острых дискуссий [45]. Одни исследователи видели в этом нежелание Бабура рассказывать о перипетиях его военного союза с шахом Исмаилом Сефеви. Однако это предположение было убедительно опровергнуто А. Беверидж.

Изучение фактов, имеющихся в «Бабур-наме», сравнение их с другими материалами, относящимися к этому периоду, приводят нас к выводу, аналогичному мнению А. Беверидж, а именно: лакуны в «Бабур-наме» отнюдь не связаны с намерением автора скрыть свои политические просчеты и военные неудачи. К тому же подобная уловка противоречила бы характерному для его мемуаров духу откровенности и самокритичности [46]. Примечательно, что современник Бабура Мухаммад Хайдар не утаил допущенные Бабуром ошибки в битве при Кули-Малике и последствия его необдуманного союза с шахом Исмаилом Сефеви. Тот факт, что придворный историк Бабура откровенно описал политические и военные неудачи своего патрона, говорит о многом.

Историком прошейбанидской ориентации, подробно осветившим последний поход Бабура в Мавераннахр и битву у Кули-Малика, был Рузбехан Исфахани. Он создал интересные произведения — «Михман-наме-и Бухара» и «Сулук-ул-мулук» [47]. Данные Рузбехана, несмотря на некоторую предвзятость автора по отношению к Бабуру, являются бесценным восполнением лакун «Бабур-наме».

Абдал-Хайр Фазлуллах ал-Хунджи ал-Исфахани (ибн Рузбехан) был уроженцем Хунджа, небольшого городка в области Фарс. Будучи суннитом шафиитского толка, он после объявления шиизма официальной религией в Иране и Азербайджане вынужден был покинуть родину и поселиться в Мавераннахре, где служил при дворе Султана Хусейна и Шейбани-хана, который, кстати, также был ревностным суннитом. Являясь приближенным Шейбани-хана, Рузбехан принимал активное участие в собраниях и диспутах ученых, которые тот устраивал.

После того как в результате похода Бабура в союзе с шахом Исмаилом Сефеви в Мавераннахр власть кочевых узбеков была там временно ликвидирована, возникла возможность утверждения враждебных Шейбанидам иранских феодалов-

шиитов. Эти события не могли не насторожить ревностного суннита Рузбехана. Битва при Кули-Малике, окончившаяся неожиданным поражением Бабура, в результате чего в Мавераннахре утвердилась власть Убайдуллы-хана Шейбанида, и побудила его написать «Сулук-ул-мулук». В своем сочинении Рузбехан более подробно, чем другие историки, описывает ход сражения и причины поражения Бабура [48]. Сведения, приведенные в «Сулук-ул-мулук», отсутствуют в сочинениях историков протимуридской ориентации. Рузбехан сообщает о разношерстности армии Бабура, ее численности, дает характеристику настроениям различных социальных слоев Мавераннахра. В то же время Рузбехану не была известна политическая подоплека союза Бабура с шахом Исмаилом Сефеви.

Рузбехан писал: «В 916 г. х. Мухаммад Шейбани-хан был убит, и Бабур-падишах с помощью еретиков-красношапочников прибыл в Самарканд и Бухару. Его войско, состоящее из чагатайцев, моголов, туркмен, бадахшанцев и даже хиндустанцев, насчитывало шесть лакхов [49] всадников. Звезды приверженцев религии (ислама) потускнели, а огни безбожников возгорелись ярким пламенем» [50]. Несмотря на предвзятость, Рузбехан не мог не отметить достоинств Бабура. В этом отношении показательны следующие стихи:

Сражавшиеся на берегу [реки] Кул друг с другом
были молоды, сильны [и] были богатырями [50а].

Авторы позднейших хроник, используя в качестве первоисточника сочинение Рузбехана, естественно, находились под его влиянием. В их числе можно назвать Махмуда бен Вали с его капитальным трудом «Бахр ал-асрар», созданным в XVII в. (на персидском языке) [51], и Насруллахи, несколько позднее написавшего «Зубдат ал-асар» (на староузбекском языке) [52]. Эти авторы явно принимают точку зрения Рузбехана, особенно в том, что касается отношений Бабура с первыми Шейбанидами. Махмуд бен Вали и Насруллахи сообщают также об отдельных фактах из истории Мавераннахра начала XVI в., заимствованных ими из не дошедших до нас источников. «Бахр ал-асрар» и «Зубдат ал-асар» не избежали влияния и ранних исторических сочинений протимуридской ориентации. Сличение этих источников между собой и с данными Мухаммада Хайдара в «Тарих-и Рашиди» приводит к выводу, что позднейшие авторы во многом ориентировались на труд Хайдара. Естественно, что сочинение непосредственного очевидца борьбы за власть Бабура и Шейбанидов, каковым и являлся Мухаммад Хайдар, приобретало в глазах потомков особую ценность.

Мухаммад Хайдар (1493—1551) был двоюродным братом Бабура. Его труд «Тарих-и Рашиди» — единственный в своем роде источник по истории кашгарских ханов — обессмертил

имя автора. По словам Мухаммада Хайдара, его отец Мухаммад Хусейн Гурган, один из влиятельнейших могольских эмиров, служил у Султана Махмуда, брата Шейбани, и принимал участие в битве за Кундуз [53]. В захваченном войсками Шейбани-хана городе Гурган среди знатных пленных нашел своего малолетнего сына. Эта встреча произошла в 1503/04 г. [54]. Затем Мухаммад Хайдар вернулся в Шахрисабз ко двору Шейбани-хана [55].

После смерти Султана Махмуда отношение Шейбани-хана к Мухаммаду Хусейну Гургану резко изменилось. Поверив наговорам своих придворных, Шейбани-хан заподозрил его и других могольских эмиров в измене. Опасаясь репрессий, Мухаммад Хусейн Гурган с сыном и группой могольских эмиров бежал в Хорасан, воспользовавшись отсутствием Шейбани-хана, который отправился завоевывать Хорезм. Как свидетельствует автор «Тарих-и Рашиди», всего эмиров было 16, и они командовали 30-тысячным могольским отрядом, входившим в армию Шейбани-хана [56].

По прибытии в Герат отец Мухаммада Хайдара был приглашен его правителем Султаном Хусейном на службу. Но так как Султан Хусейн был стар, очень болен и не пользовался авторитетом у сыновей [57], Мухаммад Хусейн Гурган отказался от приглашения и отправился в Бадахшан, где принял покровительство Мирзы-хана — правителя Бадахшана и двоюродного брата Бабура. Оттуда он и отправил своего сына, которому тогда исполнилось всего 11 лет, в Кабул, к Бабуру [58]. Мухаммад Хайдар продолжал оставаться в Кабуле и после неудавшегося заговора против Бабура в 1505/06 г., к которому был причастен его отец. Правитель не питал к нему злобы. Более того, Мухаммад Хайдар был окружен заботой и вниманием не только самого Бабура, но и его двора. В дальнейшем Мухаммад Хайдар имел, по-видимому, доступ к рукописям Бабура и использовал для своей хроники не дошедший до нас полный список «Бабур-наме». Об этом упоминает и сам Мухаммад Хайдар, об этом говорят и многочисленные цитаты из «Бабур-наме» в «Тарих-и Рашиди». Не исключено, что, обладая каллиграфическим почерком, он мог участвовать в подготовке нового списка «Бабур-наме». Аннет Беверидж предполагает, что экземпляр рукописи «Бабур-наме», находившийся у Мухаммада Хайдара, после его смерти попал из Кашмира в Кашгар [59].

В самом начале XVI в. народы Мавераннахра, Хорасана и Северной Индии оказались очевидцами смены династий, правивших там: Тимуридов Шейбанидами (в Мавераннахре и Хорасане) и Лодиев Моголами (в Индии). Мухаммад Хайдар, бывший непосредственным свидетелем всех этих событий, подробно их описывает, сообщая также много ценных сведений о положении народа. Кроме того, занимая в 1540 г. должность

правителя Лахора и Кашмира, он лучше, чем другие хронисты, был осведомлен о деятельности в Индии и Бабура, и особенно Хумаюна. Вот почему его данные о положении в Индии при первых Моголах имеют очень большое значение [60].

Важными источниками сведений о политической обстановке в Мавераннахре, Хорасане и Северной Индии в начале XVI в. являются заключительная часть хроники «Равзат ас-сафа» известного историка Мирхонда [61] и труд его внука Гияс-ад-дина Хондемира «Хабиб ас-сияр» [62]. Интересные материалы для понимания причин ухода Бабура из Мавераннахра содержат «Таварих-и гузида Нусрат-наме» анонимного автора [63], известная стихотворная хроника Мухаммада Салиха «Шейбани-наме», малоизученное сочинение Абдаллаха бен Мухаммада бен Али Насруллахи «Зубдат ал-асар» (см. прим. 52) и другие труды, написанные на рубеже XVI—XVII вв. в Мавераннахре, Хорасане, Северной Индии, а также в Иране при дворе Сефевидов.

Среди источников, имеющих большое значение для осмысления вопросов, связанных с дипломатическими отношениями шаха Исмаила Сефеви и Бабура, особое место занимает труд Искандара Мунши «Тарих-и Алам-ара-йе Аббаси» [64]. Дело в том, что его автор был придворным историографом Исмаила Сефеви. Правда, ряд вопросов истолковывается здесь с позиций официальных кругов Ирана.

В «Таварих-и гузида Нусрат-наме» содержится весьма ценный материал для изучения истории народов Средней Азии в XV—XVI вв. Автор этого труда, вероятно очевидец описываемых им событий, в последнем разделе своей работы приводит любопытные данные о положении в Фергане накануне захвата ее Шейбани-ханом. Из них явствует, что Шейбани-хан использовал в своих интересах междоусобную борьбу феодалов, в частности Бабура с Джахангир-мирзой. Главный эмир последнего Танбал, ища помощи у Шейбани-хана, пригласил его в Фергану и тем самым в конечном счете способствовал ликвидации здесь господства Тимуридов. Немногочисленные намеки автора на недовольство народных масс свидетельствуют о резком ухудшении экономического положения крестьянства Ферганы на рубеже XV—XVI вв. Усиление эксплуатации, рост налогов, сбор которых сопровождался насилиями, вымогательством и грабежом, настроили против Тимуридов городское и сельское население, привели к окончательному падению их престижа и облегчили установление власти кочевых узбеков в Фергане, Мавераннахре, Хисаре, Хорасане.

«Таварих-и гузида Нусрат-наме» — малоизученный источник. Один его список хранится в Лондоне, а другой — в рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР. Благодаря любезности проф. В. Минорского, который прислал нам микрофильм лондонского списка «Таварих-и гузида Нусрат-наме», появилась

возможность издания критического текста этого труда, которое и было осуществлено в 1967 г. (см. прим. 63).

Особое место среди источников, рассказывающих о положении народных масс в Хорасане накануне захвата его войсками Шейбани-хана, занимают мемуары Зайн-ад-дина Васифи «Бадае-ал-вакае». Большое значение произведения Васифи признано советской наукой, а само оно глубоко исследовано как в специальных трудах, так и в сводных работах, посвященных истории народов Узбекистана и Таджикистана [64а]. Особенно следует отметить издание критического текста этого важного историко-литературного памятника, подготовленное А. Н. Болдыревым, а также ряд других его исследований, посвященных жизни и научному наследию Зайн-ад-дина Васифи [65].

В труде Васифи подробно описаны период завоевания Герата Шейбани-ханом в начале 1507 г. и последующие годы господства Шейбанидов. Сопоставление сведений Васифи со свидетельствами других источников позволило А. Н. Болдыреву прийти к выводу, что в результате падения Тимуридов пострадала в основном лишь чагатайская феодальная верхушка гератского общества, средние же и низшие слои городского населения не могли испытывать враждебных чувств к завоевателям, упразднившим власть, отношение народа к которой было резко отрицательным [66].

С сарказмом описывая поведение гератских верхов во время нападения Шейбани-хана, Васифи упоминает и об их огромных богатствах, накопленных путем жесточайшей эксплуатации трудящихся масс.

Период деятельности Бабура в Кабульском уделе (1503—1526) в доступных нам исторических источниках освещен недостаточно. Поэтому при его изучении приходится полагаться только на мемуары Бабура, несмотря на упоминавшийся выше пробел, который отразился и на позднейших хрониках. Не восполняют его и отдельные фрагментарные данные, имеющиеся в ряде источников XVII в., которые основаны на не дошедших до нас более ранних трудах [67]. Все это значительно затрудняет исследование внутренней политики Бабура в Кабуле, препятствует тщательному анализу социальных проблем этого региона в начале XVI в.

Большой интерес представляют данные «Бабур-наме» о географических условиях страны, расположении караванных путей и роли Кабула в международной торговле XVI в. как перевалочного пункта на пути из Индии в Хорасан и Мавераннахр. Эти сведения вообще уникальные [68]. Сопоставление их (в частности, о климатических и географических условиях Кабула) с аналогичными материалами из сочинений персоязычных индийских хронистов подтверждает мысль о том, что последние заимствовали свою информацию из воспоминаний Бабура.

В некоторых географических сочинениях, в частности в «Хафт иклим» и «Равзат ал-джанат»[69], целые разделы (например, описания Кабула и Кандагара) полностью соответствуют отдельным частям «Бабур-наме».

Рукописехранилище ИВ АН УзССР располагает большим фондом переписки политических деятелей, ученых и поэтов государства Тимура и Тимуридов. Эти материалы пока еще мало изучены, большинство из них не опубликовано, не выявлено содержание ряда документов, относящихся к XV—XVI вв. В то же время несомненно, что их научная значимость огромна.

Среди важнейших документов — «Письма Тимура и Тимуридов» («Мактубат-и Тимурие», № 2278), единственная в своем роде антология «Собрания писем» («Маджмуэ мурасалат», № 2178), состоящая из писем Абдуррахмана Джами, Ходжи Убайдуллаха Ахрара и других к Алишеру Навои, «Письма» («Ракаат», № 690/11) Абдуррахмана Джами, а также «Собрания разных записок и писем» («Маджмуэ ракаат ва муншат», № 296) анонимного автора, куда наряду с письмами различных лиц, современников составителя этого сборника, включены многочисленные письма Султана Хусейна. Все эти документы содержат обширную информацию по истории Мавераннахра и Хорасана первой трети XVI в. Они могут быть использованы для освещения политической и, что особенно важно, социально-экономической ситуации в этом районе в XV — начале XVI в., а также раннего периода деятельности Бабура.

Однако найти какой-нибудь документ, принадлежащий непосредственно Бабуру, нам все же не удалось. Тем не менее обратили на себя внимание три неизученных письма Султана Хусейна, которые адресованы Абул-Макарраму — видному представителю мусульманского духовенства. По ним можно судить об отношении главы государства Тимуридов к Бабуру. Эти письма показывают, что Султан Хусейн просил Абул-Макаррама, представителя суфийского ордена Накшбанди в Ташкенте, оказать помощь Бабуру в его борьбе за власть в Фергане и Самарканде и содействовать упрочению его положения. По всему видно, что Султан Хусейн считал Бабура наиболее способным царевичем из дома Тимура. Содержание писем доказывает неправоту Бабура, упрекавшего Султана Хусейна в безразличии к его судьбе.

Еще два документа, содержащие данные о жизни и государственной деятельности Бабура, хранятся в Лондоне, в библиотеке «India Office»[70]. Первый из них называется «Инша-и-Мирам», второй — «Иноят-наме».

«Иноят-наме» — сборник писем и других исторических документов, связанных с Бабуром, Хумаюном, Акбаром и прочими могольскими правителями Индии из династии Тимуридов, включая Бахадур-шаха. Они собраны Иноят-ханом Разиханом.

«Инша-и-Мирам» — письма некоего Мирама, адресованные шаху Исмаилу Сефеви и его главному визирю Асафу Али-хану, а также Султану Хусейну, Бабуру, Хумаюну и другим лицам. Сам Мирам был, по-видимому, уполномочен шахом Исмаилом следить за взаимоотношениями между Бабуром, Хумаюном, другими деятелями их двора и ханами из династии Шейбанидов. Свои наблюдения Мирам записывал и передавал шаху Исмаилу. Однако, судя по содержанию письма Мирама, адресованного Асафу Али-хану, его автор тяготился возложенными на него обязанностями.

Письма Мирама представляют большой интерес для выяснения отношения Бабура к Исмаилу Сефеви, после того как они были прерваны в результате поражения у Кули-Малик. Многие сведения, упоминаемые Мирамом, отсутствуют в известных источниках и поэтому весьма ценны.

Еще несколько важных документов о Бабуре хранятся в Рукописном фонде АН Таджикистана. Один из них, «Чудеса посланий» [71], — также сборник писем. Он включает переписку правителей из династии Великих Моголов с разными деятелями Мавераннахра, Хорасана и узбекскими ханами. Письма Шах Джахана к Абдулазиз-хану (из династии Аштарханидов) [72] и узбекских султанов к Аурангзебу [73] свидетельствуют о тесных контактах в дипломатической, торговой и культурной областях между потомками Бабура и Аштарханидами. Особую ценность представляет письмо Бабура к его сыну Камранумирзе [74], который был правителем Кандагара. Его стиль напоминает другой документ, включенный в «Бабур-наме», — письмо Бабура Хумаюну. Однако в первом письме лучше, на наш взгляд, раскрывается мировоззрение Бабура — государственного деятеля. Он предостерегает сына от поспешности в выводах, советует прислушиваться к мнению как «больших», так и «малых» людей, быть более внимательным «к нуждам народа» и воинов, больше полагаться на опытных эмиров и т. п. [75].

«Чудеса посланий» — важный исторический документ, раскрывающий взаимоотношения Индии с соседними странами. Из этого сборника явствует, что представители духовенства из потомков шейха Джуйбари имели непосредственный контакт и деловую переписку с Моголами — Джахангиром и Аурангзебом [76].

Текст тарханной грамоты, помещенной в этом сборнике и выданный на имя Ахунд-ходжи, купца из города Балха, подписан Шах Джаханом. Она освобождала купца от торговых сборов. Судя по этой грамоте, торговые связи Мавераннахра и Хорасана с Балхом в то время были весьма интенсивными.

Немаловажна при изучении феодальных отношений XVI в. в государстве Моголов переписка Мухаммада Хумаюна с Акбаром, также отраженная в этом сборнике.

Нам удалось получить из Индии (от профессора Алигарх-

ского университета Башар-ад-дина) и Пакистана (от профессора Пир Хисам-ад-дина Рашти) копии трех фирманов Бабура. Один из них находится в библиотеке «India Office» (№ 4438 (I)-70) в Лондоне, текст другого опубликован в переводе на урду [77], а третий хранится в библиотеке Алигархского университета. Любопытно, что, по мнению крупнейшего индийского ученого Ирфана Хабиба, первый и третий фирманы написаны одним почерком.

Все три фирмана касаются главным образом пожалований типа мадад-и-ма'аш, или союргала. Интересной особенностью последнего фирмана Бабура является употребление выражения *джами раками*, которое находим и у Абул-Фазла для обозначения ориентировочной оценки платежеспособности какого-нибудь района. Этот фирман — один из первых документов, подписанных Бабуром в Пенджабе.

Текст второго фирмана Бабура был опубликован крупным специалистом по истории средних веков, пакистанским ученым Мухаммадом Шафи. Поскольку эта публикация не является факсимильной, сделать какие-нибудь выводы сравнительного характера не представляется возможным. В целом фирманы Бабура значительно пополняют наши знания о земельных отношениях в Пенджабе в то время.

Чрезвычайно ценные данные о функциях гражданской администрации при Моголах содержат два фирмана Аурангзеба, находящиеся в одном из музеев Лакхнау [78]. Так, в одном из фирманов указывается на необходимость правильно определять размеры налогообложения, обеспечить своевременный сбор и доставку налога в правительственную казну, прилагать все усилия к поощрению и расширению земледелия, следить за тем, чтобы сборщики податей не взимали с крестьян более половины урожая. Данные этого фирмана Аурангзеба в сравнении с данными фирманов Бабура и его «Мубайин» позволяют наблюдать процесс роста феодальной эксплуатации и развития феодальных отношений в Могольской Индии с начала XVI до конца XVII в.

Сравнительный анализ сведений дает также основания предполагать (с привлечением сведений о налогах при Шер-шахе Суре), что в своем труде «Мубайин» Бабур привел вполне реальные цифры налоговых ставок в Средней Азии и Индии первой четверти XVI в.

Деятельность Бабура в Индии, его меры, направленные на укрепление центральной власти и против феодального сепаратизма, хорошо освещены в персоязычных официальных хрониках. Однако недостаток сведений по истории Индии в канун установления власти Бабура значительно затрудняет характеристику феодальных отношений в этой стране в период господства там последних представителей династии Лоди. Что касается Шер-шаха, то его реформы описаны в ряде историче-

ских трудов, в частности в «Тарих-и Шер-шахи» Аббас-хана Сарвани; отрывки из этого важного документа опубликованы Г. М. Эллиотом [79]. Другое сочинение, автор которого Абдуллах придерживался афгано-лодийской ориентации, «Тарих-и Дауди», написано спустя 100 лет после правления Шер-шаха. Отдельные ошибочные данные, которые он приводит, не позволяют относиться к этому источнику с полным доверием. Текст «Тарих-и Дауди» был издан в 1954 г. в Алигархе.

Говоря о хронике «Хумаюн-наме», созданной дочерью Бабура Гульбадан-бегим, необходимо отметить, что это единственный исторический труд того времени, автор которого — женщина. «Хумаюн-наме» представляется нам своеобразным мостом, который органически связывает исторические источники тимуридской ориентации, написанные в Мавераннахре и Хорасане XV—XVI вв., с персоязычными историческими хрониками, созданными в Индии XVI—XVII вв. при дворе Великих Моголов.

По композиции, стилю и манере изложения «Хумаюн-наме» сходно с «Бабур-наме». Это «Бабур-наме» в миниатюре. «Хумаюн-наме» содержит много интересных материалов о жизни первых Моголов в Индии. Гульбадан-бегим в отличие от других придворных историков при Хумаюне и Акбаре пользовалась значительным влиянием при дворе, и как Хумаюн, так и Акбар относились к ней с большим уважением и прислушивались к ее мнению при решении вопросов государственной важности. Судя по данным, имеющимся в труде Мир Махди Ходжи «Тазкират ал-хавотин», она не была лишена и поэтического дара [80]. Привилегированное положение Гульбадан-бегим и определило довольно независимый тон ее сочинения.

Единственный список «Хумаюн-наме» находится в Британском музее [81]. Он дефектен, текст обрывается на сообщении о смерти Хиндал-мирзы — младшего сына Бабура — во время междоусобных войн. Попытки автора этих строк найти какие-нибудь другие списки «Хумаюн-наме» в зарубежных хранилищах, а также обращения к индийским (Башар-ад-дину, проф. Арши, Ганда Сингху, проф. Низам-ад-дину, Рахулу) и пакистанским (Мухаммаду Шафи, Пир Хисам-ад-дину Рашти) ученым с просьбой содействовать их розыску в библиотеках Индии и Пакистана пока не дали желаемых результатов (автор также вел переписку по этому поводу с английским ученым проф. Саргтоном).

Гульбадан родилась в Кабуле, ее матерью была одна из жен Бабура, Дильдор-бегим, но воспитывалась она согласно традиции старшей женой своего отца — Махим-бегим. Гульбадан упоминает в «Хумаюн-наме», что она прибыла в Агру с самой первой группой женщин двора Бабура. Детство Гульбадан провела в Кабуле, а затем, с 1527/28 г., в Агре. Она по-

лучила хорошее образование, была знакома с видными учеными, выходцами из Мавераннахра и Хорасана.

Так как в год смерти отца ей было всего 10 лет, то, рассказывая о его правлении в Индии, она опиралась на «Бабур-наме», которое читала в оригинале (в «Хумаюн-наме» отдельные отрывки из «Бабур-наме» приведены по-узбекски), а также на те сведения, которые могла получить от непосредственных участников соответствующих событий или от их очевидцев.

Данные Гульбадан о внутренней политике отца и ее брата Хумаюна привлекают тем, что она со свойственной ей пытливостью обратила внимание на факты, которые остались вне поля зрения официальных историков эпохи Моголов. Интересен, в частности, рассказ Гульбадан о ее поездке из Агры в Дибалпур, о ее путешествии в Гвалиор. Гульбадан наблюдала развернутое Бабуром строительство на берегу Джамны. По словам Гульбадан, в Агре, Дибалпуре и Сикри в год ее приезда ко двору были начаты строительство ряда зданий, разбивка садов. Подобным мероприятиям, по словам Гульбадан, Бабур придавал большое значение и следил, чтобы его наместники также уделяли им необходимое внимание [82].

Примечательны факты, приводимые Гульбадан о последних днях жизни Бабура, о его смерти [83]. Поскольку заключительные части «Бабур-наме» являются позднейшим дополнением, сведения Гульбадан очень важны для проверки данных в «Бабур-наме».

Гульбадан описывает острые душевные переживания, которые испытывал Бабур незадолго до смерти. Он, в частности, говорил, что хочет уступить престол Хумаюну и жить в уединении в саду Зарафшан [84].

Наряду с политическими событиями в «Хумаюн-наме» нашли отражение дипломатические и торговые отношения в государстве Бабура и Хумаюна. Определенное место заняли здесь и вопросы быта и домостроя того времени. Описания свадебных церемоний, семейных отношений выполнены Гульбадан очень подробно и являются редким материалом, отсутствующим в других восточных источниках.

В «Хумаюн-наме» встречаются небезынтересные факты о роли и месте женщин при дворе первых Моголов. Они свидетельствуют о том, что знатные женщины в отдельных случаях участвовали в решении важнейших вопросов, связанных с управлением страной. Такими были и сама Гульбадан-бегим при Хумаюне, Ханзада-бегим при Бабуре, Эсан Давлат-бегим, бабушка Бабура и мать Ибрахим-султана — правителя Бадахшана.

Все приведенные выше факты позволяют нам прийти к заключению, что «Хумаюн-наме» — важнейший источник по истории Индии времен Бабура и Хумаюна. Автора этого труда

можно поставить в один ряд с Мирхондом, Хондемиром, Мухаммадом Хайдаром, Абул-Фазлом и Бабуром — крупнейшими историками того времени.

«Хумаюн-наме» Гульбадан, как и сочинение Джахара «Тазкират-и Вакиат», освещающее почти один и тот же период в истории Индии, было написано в качестве опорного материала для книги Абул-Фазла «Акбар-наме». Но если Гульбадан охватывает период правления Бабура и частично Хумаюна, то Джахар останавливается только на тех событиях, которые имели место в Индии при Хумаюне. Занимая при сыне Бабура должность афтабачи (кувшиноносца) в течение 25 лет, автор хорошо знал политическую жизнь того периода.

Книга Джахара известна в исторической литературе под разными названиями [85].

В Советском Союзе нет списков сочинения Джахара. Перевод же его на английский язык, сделанный в 1832 г. Ч. Стюартом, является библиографической редкостью. Этот перевод, по мнению Эрскина, во многом неточен.

В целом труд Джахара изучен мало. Отсутствие критического текста этого важного документа, разбросанность его списков по разным библиотекам Индии и Пакистана осложняют тщательный анализ этого источника. Первые страницы книги написаны в начале 1587 г., т. е. лишь спустя 32 года после смерти Хумаюна. Это повлекло за собой некоторые ошибки в датировке событий. Однако Джахар приводит много в высшей степени интересных подробностей о Хумаюне. Язык автора прост, лишен вычурности.

По словам Джахара, его сочинение начинается со дня вступления Хумаюна на престол и заканчивается его возвращением из Ирана и вторичным утверждением на престоле. Автор взял на себя труд рассказать о борьбе за власть в Индии между Хумаюном и представителями династии Суров — Шершахом и др.

«Тазкират-и Вакиат» содержит интересные материалы об усилении эксплуатации крестьян в Пенджабе после смерти Бабура, о произволе сборщиков податей, о нищете и бесправии простого народа.

Автор рассказывает, что когда Хумаюн вернулся в Лахор, то назначил своих сподвижников и близких на высокие должности в Пенджабе. Вместе с другими получил должность и Джахар. Он был назначен сборщиком податей в деревне Хайбатпур. Прибыв в Хайбатпур, Джахар действительно обнаружил, что крестьяне этой деревни, будучи не в состоянии платить налоги, отдавали сборщикам податей в счет долга своих жен и детей. Джахар сразу выплатил долги крестьян и освободил их жен и детей. Хумаюн одобрил поступок Джахара и повысил его в должности, назначив сборщиком податей всех районов Пенджаба, которые раньше принадлежали Татар-хану

Лоди [86]. Несмотря на определенную идеализацию Джахаром Хумаюна, подобный факт — а их много в мемуарах Джахара — раскрывает картину жестокой эксплуатации крестьян Индии, которая значительно усилилась в годы политической децентрализации середины XVI в.

Самыми ценными и наиболее полными хрониками истории Индии в эпоху Бабура, Хумаюна и Акбара являются труды Абул-Фазла «Акбар-наме» и «Аин-и Акбари». Ему принадлежат также «Мактубат-и Аллами» («Послание Аллами») [87], перевод с санскрита на персидский язык известного сказания о Калиле и Димне.

Абул-Фазл (1551—1602), историк и поэт, занимал при дворе Акбара видное положение и пользовался исключительным доверием своего патрона. Он обладал обширными знаниями, был искусным каллиграфом, тонким ценителем поэзии и поэтому носил прозвище «Аллами», т. е. знаток.

Труд Абул-Фазла «Акбар-наме» [88] поистине огромен и по своему объему, и по количеству материалов, использованных автором. Большое внимание Абул-Фазл уделяет правлению отца и деда своего патрона.

Все же труд Абул-Фазла в основном посвящен правлению Акбара вплоть до 1593 г. «Будучи в течение многих лет визирем и лучшим другом Акбара, Абул-Фазл был прекрасно осведомлен о его политике, имея в своем распоряжении официальные документы, часть которых он и привел без всяких сокращений в своей хронике» [89]. Нельзя при этом не отметить, что описание деятельности Акбара носит у Абул-Фазла панегирический характер, реформы Акбара (кстати, зачастую подсказанные императору самим Абул-Фазлом) всячески идеализируются. Критическое осмысление материалов должно быть непременным условием работы над этим произведением.

Как явствует из предисловия к «Акбар-наме», в его основу легли рассказы, предоставленные автору в письменном виде участниками и очевидцами событий времен Бабура и Хумаюна. Акбар лично обратился к своим придворным и приверженцам со словами: «Все, что вы знаете о событиях времен Фирдауса Макана (эпитет Бабура. — *С. А.*) и Джаната Ошияна (эпитет Хумаюна. — *С. А.*), напишите» [90]. Эти рассказы были обработаны специально выделенными писцами — вакианависами [91]. Выше уже отмечалось, что сочинения Гульбадан-бегим «Хумаюн-наме» и «Тазкират-и Вакиат» Джахара также были написаны для Абул-Фазла.

Позитивную характеристику, данную Абул-Фазлом Бабуру, следует рассматривать как оценку деятельности основателя династии Великих Моголов его преемниками. В «Акбар-наме» включено много сведений о Бабуре, сохранившихся в памяти его родных и сподвижников, которые были еще живы в годы написания этого труда.

Исключительно важен и историко-экономический труд Абул-Фазла «Аин-и Акбари» [92]. По замыслу автора, это — часть «Акбар-наме», однако она небезосновательно рассматривается историками как самостоятельный труд, заключающий в себе гигантское количество фактических данных. «Аин-и Акбари» можно без преувеличения назвать одним из самых ценных памятников средневековой индийской историографии, освещающим особенности общественной и экономической жизни Индии XVI—XVII вв.

Большой интерес в книге Абул-Фазла представляет раздел, посвященный такому виду собственности, как феодальный союргал. Из «Аин-и Акбари», например, явствует, что союргал, известный во владениях Тимуридов (в Мавераннахре и Хорасане) как феодальный лен, выдаваемый первоначально представителям военно-феодальной знати и гражданским чиновникам в качестве служебного владения, в Индии во время Акбара выступал как пожалование привилегированного владения представителям духовенства. При этом владелец союргала полностью освобождался от государственного налога, а также и от многих прочих обязанностей.

Важный материал содержит «Аин-и Акбари» об иерархии чиновной и военной знати, о деятельности духовенства. Приведенные Абул-Фазлом данные о функциях должностных лиц: фауджджара (военачальника области), котвала (градоначальника), казначеев и сборщиков податей — дают возможность изучить определенные аспекты системы земельных отношений и эксплуатации трудового крестьянства и ремесленников.

Интересны свидетельства Абул-Фазла об установлении Акбаром новой системы мер и весов и введении таблицы цен на сельскохозяйственные продукты. Описание Абул-Фазлом различных районов государства Акбара, их экономики, развития земледелия, торговли и ремесел, жизни городов, а также глубокие суждения о некоторых общественных и политических проблемах раскрывают в нем качества выдающегося ученого своего времени.

Произведения Абул-Фазла важны для нас еще и потому, что Акбар, проводивший в своей внутренней политике линию на сближение индусов и мусульман, ряд своих принципов правления заимствовал у Бабура.

Необходимо обратить внимание и на «Тарих-и Феришта» [93] — сочинение, написанное Мухаммадом Қасым Хинду-шахом, более известным под прозвищем Феришта. Он был придворным историком биджапурского правителя Ибрахима II Адил-шаха (1589—1626).

Феришта родился в Астарабаде между 1550 и 1570 гг. [94]. Прославившись своей ученостью, он был приглашен на службу при дворе Ахмаднагара в качестве наставника к сыну правителя. После смерти этого правителя Феришта переехал в Бид-

жапур к Ибрахиму II Адил-шаху. По поручению Ибрахима он и написал «Тарих-и Фериштa», посвятив этот труд своему патрону, чем и объясняется второй его заголовок: «Гулшан-и Ибрахими», т. е. «Цветник Ибрахима». «Тарих-и Фериштa» является одним из наиболее всеобъемлющих произведений, посвященных истории Индии периода правления в ней мусульманских династий.

Из предисловия к книге выясняется, что создание своего труда историк задумал еще в Ахмаднагаре, но его вынужденный отъезд в 1590 г. в Биджапур отсрочил осуществление замысла. Автор рассказывает, что, собирая материал для своей работы, он накопил огромное количество книг, но, по словам Феришты, «среди тех [сочинений] списка, полностью охватывающего истории всех падишахов Индии, этот ничтожный не видел» [95].

Ознакомление со списком из 32 исторических трудов, использованных автором, который приведен в предисловии к «Тарих-и Фериштa», выявляет определенное число не дошедших до нас хроник. Следовательно, некоторые части «Тарих-и Фериштa» могут рассматриваться нами как первоисточники.

Большой интерес в качестве источника для изучения истории Индии при Великих Моголах представляет «Табакат-и Акбари» — посвященная Акбару общая история Индии. Ее написал Низам-ад-дин Херави (1554/55—1594/95) [96]. Впоследствии многие историки Индии опирались на этот труд, заимствуя из него необходимые данные. Что касается сведений, относящихся непосредственно к правлению Бабура, то эта часть, будучи в определенной степени компилятивной, нередко повторяет общеизвестные факты. Но так как автор «Табакат-и Акбари» был выходцем из Хорасана и сохранял связи с родиной, он имел возможность пополнить свою информацию о деяниях Бабура до его прихода в Индию. Кроме того, от Хумаюна Низам-ад-дин не раз слышал рассказы о различных эпизодах жизни Бабура.

Изучение труда Низам-ад-дина позволяет сделать вывод, что он был весьма требователен не только к самому себе, но и к тем источникам, которые использовал в своей работе. Чтение имевшихся хроник привело его к мысли о необходимости создания полноценной общей истории Индии. Осуществление своего замысла он начал с описания деятельности газневидского правителя Сабуктегина (977/78) и успел дойти до 1594/95 г., т. е. до правления Акбара.

Сам Низам-ад-дин не считал, что его сочинение носит исчерпывающий характер. Примечательно, что в отдельных случаях он рекомендует читателю обратиться к трудам других хронистов, например «Акбар-наме» Абул-Фазла, «Бабур-наме», известному в его время под названием «Вакиат-и Бабури», и т. д. [97]. Не лишен этот интересный труд и отдельных ошибок

и неточностей: встречаются, например, ошибки при пересчете лунного года хиджры на солнечный год илахи.

Книга Низам-ад-дина Херави состоит из введения, девяти разделов и заключения. В основной части работы говорится преимущественно о тех событиях истории Индии, которые происходили во времена Акбара. Значительное внимание уделяет автор правлению Бабура и Хумаюна. Сообщаемые в «Табакат-и Акбари» и отсутствующие в других источниках данные о Бабуре были, по-видимому, почерпнуты автором из рассказов его отца, который при дворе Бабура занимал должность заведующего дворцовыми мастерскими (диван-и буютат), а позднее был визирем в Гуджарате у брата Хумаюна — Аскари [98].

Немаловажное значение имеет труд Бадауни «Мунтахаб аттаварих». Автор этой хроники был придворным имамом и не имел доступа к официальным документам Моголов. Неприязненные чувства Бадауни к Акбару и Абул-Фазлу обусловили предвзятость его комментариев и оценок деятельности этого могольского императора и его ближайшего советника. Нет сомнения, что труд Бадауни полезен для критического осмысления политики Акбара, идеализированной в сочинениях многих придворных историков того времени.

Из поздних индийских хроник, имеющих уже косвенное отношение к политическим и социальным проблемам XVI в., следует назвать — хранящиеся, кстати, в Рукописном фонде Института востоковедения АН Узбекской ССР — «Икбал-наме-и Джахангири» Мухаммада Шарифа (ркп. № 1537), «Падишахнаме» Абдулхамида Лахори (ркп. № 24), «Хуласат ат-таварих» Сунджана Рая Мунши (ркп. № 1722).

Из указанных выше сочинений наиболее ценным, на наш взгляд, является труд Сунджана Рая Мунши — общая история Индии в эпоху Аурангзеба. Поскольку автор рукописи был индусом, он использовал много материалов, недоступных мусульманским историкам. В результате ему удалось создать весьма информативную и в значительной степени самостоятельную работу, в которой, в частности, большое внимание уделено отношениям индусских раджей со двором Аурангзеба. Знание эпохи Аурангзеба далеко не бесполезно, по нашему мнению, для выявления ведущих тенденций в развитии различных социальных и политических институтов Индии и Средней Азии XVI в.

В работе над темой нами были привлечены и западноевропейские источники — записки путешественников, купцов и дипломатов, содержащие данные об экономическом положении и общественном строе Индии XVI в. Большинство их сведений не относится непосредственно ко времени Бабура, однако тем не менее позволяет понять характер некоторых важных социально-экономических явлений той эпохи.

Личность Бабура, его государственная деятельность и литературное творчество продолжают привлекать внимание и в наши дни. Укажем хотя бы на такие разные по характеру и жанру работы недавнего времени, как роман американского писателя Гарольда Лэмба «Бабур-тигр»[99], исследование о литературном окружении Бабура западногерманского ученого А. Шиммеля[100], новые переводы «Бабур-наме» на урду и на хинди, изданные в Карачи и Дели, исследование пакистанского лингвиста Мухаммада Сабира, анализирующего словарь Бабура на предмет употребления им лексики урду, ряд статей в периодической печати Афганистана и Пакистана[102]. Все это достаточно ясно свидетельствует об интересе общественности различных стран к деятельности Бабура и его эпохе.

Однако даже в наиболее серьезных исследованиях западноевропейских ученых (впрочем, как и в дореволюционной России, Индии и Пакистане) не отражена административная деятельность Бабура, в частности его земельно-налоговая политика. Показательно в этом отношении весьма солидное исследование аграрного строя Индии периода мусульманских династий, принадлежащее перу видного английского историка У. Г. Морленда[103]. В нем эпоха Бабура и Хумаюна попросту не рассматривается. Сразу же после Ибрахима Лоди автор переходит к Акбару. Более того, Морленд утверждает, что в основе административных реформ Акбара лежали идеи Шершаха Сура. Нет также трудов обобщающего характера, где бы на должном научном уровне рассматривались основные этапы деятельности Бабура на фоне социального и экономического развития Афганистана и Индии на рубеже XV—XVI вв. Имеющиеся сводные работы о Бабуре[104] западноевропейских ученых являются в большей своей части сугубо биографическими и к настоящему времени сильно устарели, некоторые из них вообще нельзя назвать научными исследованиями.

Внимание многих европейских медиевистов привлекло литературное творчество Бабура — блестящего поэта, уступавшего разве что только великому Алишеру Навои, и яркого писателя, автора уникальных мемуаров «Бабур-наме». Однако, анализируя труды Бабура, поэтические и исторические, исследователи, как правило, концентрировали внимание главным образом на вопросах текстологического характера сочинений: так поступали У. Эрскин, А. Беверидж, А. Денисон Росс, Паве де Куртель, Н. Ильминский, И. Н. Березин, А. Н. Самойлович.

Не подлежит сомнению, что зарубежной медиевистике, главным образом английской и индийской, принадлежат большие заслуги в введении в научный обиход важнейших источников по средневековой истории Индии — разного рода официальных документов, хроник, памятников эпиграфики, архео-

логии, нумизматики и других материалов. Это относится и к источникам о Великих Моголах, в том числе к «Бабур-наме».

В то же время на развитии исторической науки об Индии сказался европоцентристский подход английской индологии, отражавший в определенной степени и интересы колониальной политики.

В последние десятилетия развитие исторической науки в Афганистане, Индии и Пакистане характеризуется пересмотром взглядов на их историю и культуру, которые были унаследованы от западноевропейских (особенно английских) ученых. Рост национального самосознания стимулировал здесь повышенный интерес к прошлому, к жизни выдающихся исторических деятелей народов этих стран.

Среди сводных исследований по истории Афганистана заслуживают внимания «Бала-и Хисар» Ахмада Али Кохзада [105], посвященное истории крепости Кабула, и «Афганистан дар аср-и Гурагани Хинд» Абдулхая Хабиби [106], а также ряд работ последнего, посвященных изучению жизни и литературной деятельности Бабура, вопросам истории Кабула в его правление. Авторы, использующие большое количество источников на арабском и персидском языках, приводят также и известные данные о деятельности Бабура в Кабуле, однако не исследуют подробно внутреннее положение Кабульского удела при Тимуридах.

Следует отметить интересные публикации в журналах «Кабул» и «Ариана» фрагментов из «Бабур-наме» о Кабуле и его окрестностях с дополнениями к ним из индийских персоязычных хроник XV—XVI вв.

Серьезные исследования по интересующим нас проблемам проведены за последние годы историками Индийской Республики. Показательно участие в них таких видных ученых, как покойный президент этой страны доктор Захир Хусейн (бывший ранее проректором Алигархского мусульманского университета), Башар-ад-дин, С. Нурул Хасан, Р. Трипатхи.

Представляют значительный интерес высказывания Саида Азара Аббаса Ризви, подготовившего публикацию «Бабур-наме» на хинди. В своем предисловии к этому изданию он ставит вопрос о необходимости новых переводов важнейших источников по истории средневековой Индии. Автор, в частности, отмечает, что при переводе на английский язык персоязычных хроник специальная терминология очень часто переводилась и толковалась неправильно. Саид Азар Аббас Ризви указывает, что в переводе «Бабур-наме» на хинди терминология оставлена в первоначальном виде и к ней составлены соответствующие комментарии. Тем не менее, на наш взгляд, этот перевод не избежал существенных недостатков, главный из которых — сокращение всех мест, не имеющих отношения к деятельности Бабура в Индии.

В работах современных индийских и пакистанских историков получают обстоятельное освещение многие важнейшие моменты общественного и экономического строя, политических отношений и системы государственного управления в Индии в канун основания государства Бабура. Однако определенные вопросы все еще остаются вне поля зрения многих крупнейших ученых, в частности Дж. Х. Куреши [107] и П. Сарана [108], либо освещаются недостаточно.

Дж. Х. Куреши в своей монографии, посвященной административному устройству Делийского султаната с XIII по середину XVI в., подчеркивает, что главные заслуги в организации аппарата управления в Могольском государстве принадлежат Шер-шаху Суру. Именно последним, по его словам, была налажена административная «машина», к которой чиновникам Акбара осталось лишь приставить колеса и приспособить рычаг [109].

Что касается П. Сарана, тщательно использовавшего данные первоисточников, то он, полемизируя с Морлендом по конкретным вопросам организации аграрной системы при Акбаре и Шер-шахе, в целом также склоняется к выводу, что Акбар только повторил в своих установлениях то, что уже существовало при Шер-шахе [110]. При этом роль Бабура весьма принижена.

Довольно противоречива оценка административной и государственной деятельности Бабура индийским ученым С. Р. Шармой. С одной стороны, автор считает, что «при наличии большого военного таланта Бабур не обладал административным гением» и в целом полагался на уже имевшийся чиновничий аппарат [111]. С другой же, он вынужден признать влияние, которое оказала административная система, созданная Бабуром и Хумаюном, на реформы Шер-шаха [112].

Высокую оценку Бабура как государственного деятеля дает в своей книге видный историк Р. Трипатхи [113]. «Не отнимая у Акбара вполне заслуженной репутации великого императора,— пишет ученый,— можно утверждать, что семена его политики были посеяны его знаменитым дедом» [114].

Вопросами аграрных отношений в Северной Индии в эпоху Бабура занимались и другие индийские историки, в частности Ирфан Хабиб [115]. Его исследования основаны на анализе большого материала, который недоступен многим историкам-индологам из-за его разбросанности по государственным и частным собраниям Индии и Англии.

Советская историческая школа имеет на своем счету крупные достижения в изучении средневековой истории Средней Азии, Индии и Афганистана. Принципиальной особенностью исследований советских ученых является интерес к кардинальным направлениям исторического развития, к важнейшим вопросам общественно-экономических отношений в средневековье.

Творческое использование марксистской методологии позволило нашим историкам выявить многие общие и специфические особенности исторического процесса в странах Востока.

В этой связи хотелось бы отметить исследования А. Ю. Якубовского, А. А. Семенова, А. М. Дьякова, Б. Г. Гафурова, И. П. Петрушевского, А. Н. Болдырева, Ю. В Ганковского, К. А. Антоновой, К. З. Ашрафян. Отметим, что в вышедшей в 1967 гг. «Истории Узбекской ССР»[116] была значительно расширена и дополнена глава, посвященная падению империи Тимуридов и установлению господства Шейбани-хана в Средней Азии, в том числе и последнему периоду правления Бабура в Самарканде.

В области советской афганистики хочется особо отметить монографию И. М. Рейснера об образовании афганского государства и развитии феодализма у афганцев[117]. Большой вклад в историческую науку был внесен советскими учеными, создателями «Истории Афганистана»[118], большого сводного труда, охватывающего историю этой страны с древнейших времен до 1919 г. Эта работа — результат творческого содружества археолога В. М. Массона и историка В. А. Ромодина. Авторы значительно восполнили ряд лакун, имевшихся в исторической литературе. Заключительную часть первого и начало второго тома этого исследования В. М. Массон и В. А. Ромодин посвящают периоду правления Тимуридов в Афганистане. Тщательно изучив исторические документы, относящиеся к этой эпохе, авторы не ограничились описанием перипетий политической жизни страны. Они уделили большое внимание проблемам общественного и экономического характера, в частности процессу социального расслоения афганских племен.

Существенных достижений добилась и советская индология. За последние 20 лет был издан ряд исследований, посвященных важным проблемам исторического прошлого Индии — народным движениям в империи Великих Моголов (монография И. М. Рейснера), ее политического устройства при Акбаре (К. А. Антоновой), социально-экономическим отношениям в Делийском султанате и аграрному строю Северной Индии в XIII—XVIII вв. (К. З. Ашрафян) и Южной Индии в XIV—XVI вв. (Л. Б. Алаева) и др.[119].

Несомненным успехом советских медиевистов-индологов было издание в 1968 г. коллективного труда «История Индии в средние века»[120].

Подробное исследование государственной и политической деятельности Бабура в Афганистане и Индии призвано заполнить пробелы в изучении важной страницы истории народов этого региона.

Глава II

ФЕРГАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

Согласно единодушному утверждению авторов персоязычных исторических хроник, Захир-ад-дин Мухаммад Бабур родился в 888 г. х. в месяце мухаррам (в феврале 1483 г.) Его отец Омар Шейх-мирза (1462—1494) был правителем Ферганского удела Тимуридов [1].

Детство и юность Бабура прошли в основном в городах Аксы и Андижан. Он еще в детстве получил хорошее образование при дворе своего отца [2]. Хотя Андижан не мог сравниться со столицей Тимуридов Самаркандом, тем не менее Омар Шейх-мирза, подражая правителю Мавераннахра — Султану Ахмад-мирзе, окружал себя учеными и поэтами, и его дети, естественно, воспитывались в этом кругу [3].

После смерти Омара Шейх-мирзы несовершеннолетний царевич Бабур был объявлен правителем Ферганского удела [4]. Однако когда он в сопровождении верных ему эмиров прибыл в Андижан, то узнал, что в четырех ягачах [5] от него, в городе Куве, стоит войско Султана Ахмад-мирзы. Тот уже успел захватить города Ура-Тюбе, Ходжент, Маргилан и был явно не прочь присоединить к своим владениям еще и Андижан. Те же цели преследовал и Султан Махмуд-хан, правитель Ташкента. Ему удалось захватить город Касан, его войска штурмовали Аксы. Вторгся на территорию Ферганского удела и кашгарский хан Абу Бекр-дуглат Кашгари, осадивший город Узгенд [6].

Однако феодальная знать Ферганы, заинтересованная в сохранении своего влияния и власти, сделала все возможное, чтобы не допустить потери независимости. Ее представители решительно потребовали у Султана Ахмад-мирзы признать Захир-ад-дина Бабура законным правителем Ферганского удела. В послании Бабура, которое они передали правителю Самарканда, было сказано следующее: «В эту область должно поставить кого-нибудь из Ваших слуг. Я Вам и слуга и сын; если бы эту службу поручили мне, то было бы найдено лучшее и легчайшее решение» [БН, л. 16б].

В результате Султан Ахмад-мирза был вынужден уступить и, заключив мирный договор с Ферганой, удалился в Самарканд. После этого ферганцам было уже легче справиться сна-

чала с войском кашгарского хана, а затем и с Султаном Махмуд-ханом [БН, л. 17а].

Когда обстановка в стране стабилизировалась, Бабур получил возможность назначить в крупнейшие города своих наместников из числа тех феодалов, которые поддержали его в трудное время. Правителем Андижана стал эмир Хасан Якуб, управление Ошем было поручено эмиру Қасыму Кучину, у власти в Аксы и Маргилане стали эмиры Узун Хасан и Али Дуст-тогаи [БН, л. 18а]. Следует указать при этом, что, когда Бабур был провозглашен правителем Ферганского удела, ему было всего 12 лет и государственными делами, естественно, ведали его приближенные. Основную роль в диване Бабура, по единодушному мнению историков, играли Ходжа-кази и бабушка Бабура — Эсан Давлат-бегим.

На рубеже XV—XVI вв. в Хорасане и Мавераннахре укрепилось положение привилегированной военно-феодальной и духовной знати, особенно представителей дома Тимуридов. Значительной стала роль потомков крупнейшего духовного феодала Ходжи Убайдуллаха Ахрара и их приверженцев. Это время характеризуется здесь усилением центробежных тенденций, ростом феодальных междоусобиц, ухудшением положения народных масс. Своего апогея достигает феодальная анархия. Согласно образному выражению историографа Шейбани-хана Мухаммада Салиха, все боялись друг друга, «требуя себе царство, сеяли смуты внутри страны» [7]. Активное участие в междоусобной борьбе, происходившей на территории Мавераннахра, принял и Бабур.

После смерти Султана Ахмад-мирзы (январь 1495 г.) правителем Самарканда был провозглашен второй сын покойного, 18-летний Байсункар-мирза. Его правление началось с борьбы за власть с самаркандскими эмирами. По словам Бабура, они обвиняли Байсункара в том, что он окружил себя хисарскими беками, отстранив от дел самаркандцев [БН, л. 36а]. Недовольный внутренней политикой Байсункара, Дарвиш Мухаммад-тархан, один из влиятельнейших самаркандских феодалов, вызвал из Карши Султана Али-мирзу, брата Байсункара, и объявил его правителем [БН, л. 36а] [8].

Эта междоусобица была названа историками восстанием тарханов [БН, л. 36а—37а]. Борьба за власть в Самарканде между сторонниками Султана Али и Байсункара протекала с переменным успехом. В результате Дарвиш Мухаммад-тархан, зачинщик заговора, поплатился жизнью, а Султан Али спасся.

Это восстание усилило раздоры среди местных феодалов, множество жителей остались без крова и голодали. Правительство Байсункара проявило полную неспособность к управлению страной. В Мавераннахре создалась благоприятная обстановка для внешнего вмешательства.

Когда о восстании тарханов узнал Бабур, он, будучи заинтересованным в захвате Самарканда, немедленно выступил в поход. 17 июня 1496 г. его войско достигло столицы. Свой лагерь Бабур расположил в тумане Шавдор, где ему удалось захватить несколько крепостей. Здесь он встретился с Султаном Али и заключил с ним военный союз против Байсункара. Однако с наступлением зимы оба претендента на власть в Самарканде возвратились домой.

Второе выступление Бабура против Самарканда состоялось в мае 1497 г. Прибыв в туман Ярлак, Бабур узнал, что в местности Сери-Пул Байсункар напал на войско Султана Али. Вступив в сражение, Бабур оттеснил Байсункара в город. Он осадил Самарканд и захватил многие населенные пункты, расположенные в его окрестностях. Однако ввиду приближения зимы Бабур и его союзники вынуждены были временно снять осаду.

Но на сей раз Бабур ушел недалеко. Он сделал своей резиденцией крепость Ходжа Дидор [БН, л. 43б][9], укрепился там и подступил к Самарканду.

Тем временем в городе начались трудности с продовольствием, а в войске Байсункара усилился разброд. Потеряв надежду отразить нападение Бабура своими силами, Байсункар отправил посланника в Туркестан к Шейбани-хану с просьбой о помощи.

Появление Шейбани-хана в окрестностях Самарканда и его первая встреча с Бабуром ознаменовали собой новое вмешательство (после более чем 30-летнего перерыва) кочевой узбекской знати в политическую жизнь Мавераннахра. Это обстоятельство оказалось в конечном счете решающим для ликвидации господства Тимуридов в Средней Азии.

В окрестностях Самарканда Шейбани-хан расположился напротив лагеря Бабура. Бабур в надежде дать бой вышел ему навстречу. Однако Шейбани-хан предпочел не вступать пока в сражение, а укрыться в Самарканде. Но Байсункар внезапно изменил свое первоначальное решение и не пустил Шейбани-хана в город. Обиженный Шейбани-хан вернулся в Туркестан.

Байсункар остался без союзника. Он бросил город на произвол судьбы и ушел в Кундуз к тамошнему правителю Хосров-шаху. Самаркандские эмиры, расположенные к молодому Бабуру, пригласили его управлять страной. В конце ноября 1497 г. состоялся торжественный въезд Бабура в Самарканд. Бабур был провозглашен законным наследником престола Тимура [БН, л. 44б, 50б].

В результате длительных феодальных междоусобиц население Самарканда и окружающих его районов сильно пострадало. Войдя в столицу Мавераннахра, Бабур стал свидетелем разрухи и опустошения. «...Город был до того разорен, — пи-

шет он, — что [жители] нуждались в семенах и денежных ссудах» [БН, л. 51а].

Бабур не смог долго продержаться в Самарканде, поскольку у него не было никакой возможности прокормить свое войско и вознаградить своих приверженцев, не говоря уже о населении, которое долго бедствовало и жаждало лучшей жизни. Разочаровавшись в Бабуре, видные эмиры начали его покидать; к тому же в Андижане восстал эмир Узун Хасан. Из Андижана к Бабуру в Самарканд приходили письма такого содержания:

«Нас держат в жестокой осаде, если вы не придете [в ответ] на наши вопли, то дело кончится плохо. Самарканд был взят силами Андижана; если Андижан останется в ваших руках, то, с помощью божией, можно будет овладеть также и Самаркандом» [БН, л. 52б, 53а].

Пробыв в Самарканде 100 дней, Бабур был вынужден оставить его. Но, добравшись до Ходжента, он узнал, что Андижан захвачен Узун Хасаном, а его покровитель и духовный наставник Ходжа-кази взят в плен и казнен. Самарканд тем временем занял Султан Али и утвердил там свою власть. В Ходженте была установлена власть Мухаммада Хусейн-гургена, в Фергане торжествовали эмир Узун Хасан и его сторонник Султан Ахмад Танбал.

Около двух лет метался Бабур между Самаркандом и Андижаном, но овладеть ни тем, ни другим городом ему не удавалось [см., например: БН, л. 54а, 55б, 58б, 59а].

Однако власть Узуна Хасана в Фергане не была прочной. В Андижане, Аксы и Оше то и дело вспыхивали народные восстания [БН, л. 62а, 63б]. Это было вызвано тем, что население, особенно крестьянство, подвергалось жестокой эксплуатации. Обремененные всевозможными налогами и трудовыми повинностями, которые в это время значительно возросли, жители Ферганы страдали от произвола и злоупотреблений чиновников Узуна Хасана.

Недовольство народных масс Аксы привело к всеобщему восстанию, которое возглавил Хасан Декча, принадлежавший, по всей вероятности, к среднему сословию. Выступление простого народа поддержали отдельные представители имущего класса, недовольные внутренней политикой правящей верхушки. Гарнизон Узуна Хасана заперся в городской цитадели [БН, л. 62а]. Хасан Декча, благожелательно относившийся к Бабуру, пригласил в город его военачальников.

Массовое восстание населения произошло и в Андижане. Брат Бабура, Насыр-мирза, ловко использовал его в своих целях. Взяв инициативу в свои руки, он направил силы восставших на свержение власти Узуна Хасана. Ему удалось разбить войско врага его брата и захватить город, который потом был сдан Бабуру.

Вторичное воцарение Бабура в Андижане историки датируют месяцем зуль-каада 904 г. х. (июль 1499 г.).

Однако борьба за власть в Андижане между Бабуром и другими претендентами на этом не прекратилась. Главным соперником Бабура оказался теперь его брат Джахангир-мирза, которого поддерживал Султан Ахмад Танбал.

Война между братьями и поддерживавшими их феодальными группировками, в которой ни одной из сторон не удавалось добиться решающего перевеса, принесла много страданий населению страны.

Страшному опустошению подверглись земледельческие районы, остро ощущалась нехватка зерна и продовольствия.

В сложившейся ситуации часть феодальной знати, представителями которой были эмиры Бабура Али Дуст-тогай и Канбар Али-бек, начала переговоры с группировкой Джахангира. В результате в конце февраля 1500 г. стороны заключили мирное соглашение, в соответствии с которым Ферганский удел был разделен между Бабуром и Джахангиром. Границей между владениями братьев стала Сырдарья. Земли на север от реки с центром в Аксы получил Джахангир, а южный берег ее с центром в Андижане — Бабур [БН, л. 74а].

Тем временем Шейбани-хан захватил пограничную крепость Отрар и города Саурана и Ясы (ныне г. Туркестан) и стал угрожать Самарканду. В 1500 г. после неудачной попытки овладеть Самаркандом Шейбани-хан разгромил города Карши и Шахрисабз. Затем ему удалось разбить у крепости Дабуссии (развалины этой крепости находятся близ станции Зияуддин) войско шедшего на выручку самаркандцам наместника Бухары Мухаммада Баки-тархана и захватить сам город. Весть о взятии Бухары Шейбани-ханом усилила раздоры среди правящей верхушки Самарканда. Ряд эмиров, недовольных политикой Султана Али, обратились за помощью к Бабуру. Однако сын Ходжи Ахрара, Ходжа Яхья, являвшийся фактическим правителем города и заинтересованный в сохранении своих привилегий [10], выступил со своими приверженцами в защиту Султана Али. Все же острая нехватка хлеба, недовольство народа и раскол в правящей верхушке вынудили Султана Али начать переговоры с Шейбани-ханом.

Но было еще одно весьма важное обстоятельство, приведшее Султана Али к этому шагу. По данным историков, правитель Самарканда Султан Али был только номинальным хозяином страны, в действительности же власть находилась, как мы отмечали выше, в руках Ходжи Яхьи, а также Мухаммада Мазид-тархана, а в Бухаре (до взятия ее Шейбани-ханом) полномочным хозяином был Мухаммад Баки-тархан. Он, по сообщению Мухаммада Салиха, управлял еще Каракулем и Керминe [11]. Бабур отмечает, что из доходов бухарской земли он никому ничего не давал [БН, л. 76б]. Так же вел себя в Самар-

канде Мухаммад Мазид-тархан. Во всех округах города ключевые должности занимали его родственники и ставленники. Султан Али получал лишь небольшое содержание. Вот почему Бабур полагал, что в решении Султана Али известную роль сыграли сложившиеся отношения между ним и его эмирами.

Когда Ходжа Яхья и Мухаммад Мазид-тархан узнали об этом намерении Султана Али, они спешно снарядили своих представителей к Бабуру, чтобы предложить ему напасть на Самарканд. Однако Бабур опоздал. К 1500 г. при содействии Султана Али Самарканд был без боя сдан Шейбани-хану. Но властитель кочевых узбеков и не собирался щадить Султана Али. Началась жестокая расправа с Тимуридами, погиб и сам Султан Али. Все это послужило поводом для заговора группы влиятельных эмиров, целью которого было изгнать Шейбани-хана из Самарканда.

Заговорщики во главе с шейхом Абул-Макаррамом впустили в город Бабура, который внезапно атаковал гарнизон Шейбани-хана, разбил его и стал полновластным хозяином Самарканда. Сам Шейбани-хан, находившийся в это время в Кани-Гиле, был вынужден отступить в Туркестан.

Вторичный захват Бабуром Самарканда историки датируют 906 г. х. (1500). Но и на этот раз Бабур продержался у власти недолго.

Хорошо осведомленный о ситуации в Мавераннахре, Шейбани-хан весной 1501 г. начал стремительное наступление на Самарканд. Его армия была снаряжена гораздо лучше армии Бабура. Кроме того, Бабур не получил помощи, обещанной ему могольским ханом Султаном Махмудом. Несмотря на это, он собрал войско и с незначительными подкреплениями из соседних областей выступил навстречу врагу. В апреле 1501 г. в местности Сери-Пул произошла битва, судьбу которой решил примененный Шейбани-ханом маневр «тулгама», т. е. охват флангов противника с последующим ударом в тыл. Бабур потерпел поражение и был вынужден укрыться за стенами Самарканда. Началась осада, которая длилась четыре месяца. В «Бабур-наме» рассказывается об активном участии в обороне города простых горожан, об их смелых вылазках против врага. Все же голод оказался сильнее.

Историографы Шейбани-хана Мухаммад Шади и Мухаммад Салих рассказывают о неслыханных страданиях населения Самарканда. Как сообщает Мухаммад Шади, были случаи, когда жители не брезговали есть собачье мясо, а собаки — человечье. С мечетей вместо слова «Аллах» произносили слово «хлеб». С этим же словом на устах умирали и старые и молодые [12].

Вот что рассказывает сам Бабур:

«Настала уже пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились, и люди терпе-

ли большие лишения, дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо. Так как корм для коней сделался редкостью, то люди давали коням листья деревьев. При этом по опыту оказалось, что из всех листьев лучше всего годятся для коней листья тута и карагача. Некоторые строгали сухое дерево, бросали стружки в воду и давали коням» [БН, л. 93б]. В городе начались грабежи, для охраны имущества состоятельных жителей была выставлена стража.

Бабур понял, что в создавшейся обстановке удержать город в своих руках ему не под силу. Покинув Самарканд, он с остатками войска прибыл в Ташкент, где правил его дядя Султан Махмуд, и обратился к нему с предложением о совместных действиях против Шейбани-хана: «У нас появился такой враг, как Шейбани-хан; вред от него одинаковый и для тюрков, и для моголов; подумать о нем нужно теперь, пока он не совсем захватил наш удел и не очень возвысился» [БН, л. 101б].

Бабур подробно описывает свой приезд в Ташкент и рассказывает о тех усилиях, которые ему пришлось приложить, чтобы объединить силы своих родственников для борьбы против Шейбани-хана. Благодаря его стараниям был заключен военный союз Султана Махмуда с правителем Кашгара Султаном Ахмад-ханом. Они решили сначала обеспечить безопасность внутри страны, положить конец двоевластию в Фергане, разгромив узурпировавшего власть в Андижане Султана Ахмада Танбала.

В 1503/04 г. 30-тысячная армия союзников выступила в Фергану [БН, л. 103б] [13]. Получив в пути весть о том, что Султан Ахмад Танбал оставил Андижан и сосредоточил свои силы в более укрепленной крепости, они отправили Бабура в Ош и Узгенд, чтобы нанести удар по врагу с тыла.

Однако этот шаг союзников вынудил Султана Ахмада Танбала обратиться за помощью к Шейбани-хану, для чего он отправил к нему своих братьев Бек Тельбы и Шах Баязида [14]. Шейбани-хан дал согласие. Он сразу выступил из Самарканда, куда только что вернулся после похода на Хисар, и, проведя свое войско через Ура-Тюбе, Шахрухию, Ходжент, Канибадам, Нусух и округ Хакан, достиг селения Архиен под Ташкентом, где и дал сражение могольским ханам.

Бабур и его союзники были побеждены. Шейбани-хан щедро одарил Танбала и его братьев: Танбал получил Андижан, Шах Баязид — Аксы, Бек Тельбы — Маргилан и Канибадам. Оставив в Ташкенте Джанибек-султана, Шейбани-хан вернулся в Самарканд.

Однако Султан Ахмад Танбал не был удовлетворен таким распределением территории. Дождавшись ухода Шейбани-хана, он напал на Ташкент и осадил его. Эта акция и определила судьбу Танбала — он сорвал замыслы Шейбани-хана, планиро-

вавшего нападение на Хорасан, и тот решил покончить с недавним союзником [15].

По данным «Таварих-и гузида Нусрат-наме», свой последний поход в Фергану Шейбани-хан начал ранней весной — 7 апреля 1504 г. 15 апреля он достиг Ура-Тюбе и Ходжента [16]. 1 мая 1504 г. армия Шейбани-хана уже была в двух ягачах от Андижана, где его ожидал Танбал.

Генеральное сражение между Шейбани-ханом и Танбалом произошло 3 мая. Танбал был побежден и укрылся в Андижане. Шейбани-хан осадил город, и через три месяца ввиду голода и раздоров в лагере осажденных, часть которых перебежала к врагу, Танбал вынужден был сдаться.

Покорив Андижан, Шейбани-хан казнил Танбала и его брата Шах Баязида. Этим он обеспечил себе полную безопасность в тылу [17]. Андижан был отдан в управление Джанибек-султану, Ташкент — Суюнчак-султану, а сам Шейбани-хан вернулся в Самарканд, намереваясь возобновить военные операции против правителя Хисара Хосров-шаха.

Одной из основных причин падения власти Тимуридов в Фергане была феодальная анархия, достигшая в этот период своего апогея.

Все это не дало возможности Бабуру объединить страну и создать боеспособную, дисциплинированную армию. Та же армия, которой располагал Бабур, как, впрочем, и другие феодальные властители, вербовалась из наемников, проявлявших храбрость главным образом при грабежах мирного населения, несмотря на стремление Бабура и его главного военачальника Касым-бека препятствовать бесчинствам. Бабур даже издал фирман, запрещавший солдатам грабить и притеснять жителей.

Постоянного же войска у Бабура не было. Полагаться он мог только на нукеров своей личной охраны, которых насчитывалось «больше двухсот и меньше трехсот человек» [БН, л. 59б]. Мелкие феодалы, приходившие со своими отрядами на службу к Бабуру, были ненадежны и часто ему изменяли [18].

Бесконечные феодальные междоусобицы гибельно отражались на положении крестьян и горожан. Хозяйственный упадок в Фергане принял особенно катастрофические формы накануне завоевания страны войсками Шейбани-хана. Разоренные крестьяне пополняли собой городскую бедноту (йятим). Нищета достигла таких размеров, что даже знать стала испытывать затруднения с продовольствием и кормом для коней. Возмущенное население поднимало восстания. Бабур упоминает о восстании жителей Маргилана и Оша в 1503 г.

Все эти обстоятельства создали благоприятные условия для подчинения Ферганы Шейбани-ханом. Эта победа развязала Шейбани-хану руки для войны с Хорасаном.

Глава III

КАБУЛЬСКИЙ УДЕЛ В XV — НАЧАЛЕ XVI в.

В XV—XVI вв. Кабул вместе с прилегающими к нему районами, Кандагаром и территорией вплоть до реки Синд являлся союргалом царевичей из дома Тимура. Северная граница Кабула протянулась вдоль горного хребта Гиндукуш. Эти горы как бы служили оборонительным заслоном, защищавшим его от нашествия северных соседей. «Область Кабула, — пишет Бабур, — неприступная область; врагу проникнуть в нее трудно. Между Балхом, Кундузом и Бадахшаном, с одной стороны, и Кабулом — с другой, лежат горы Гиндукуша» [БН, л. 130а]. По описанию Бабура, Кабульский удел был разделен на 14 административных единиц — туманов.

С 1392 г. Кабульским уделом владел Мирза Пир Мухаммад, сын Мирзы Джахангира. В него входили Балх, Тохаристан, Кандагар, Кабул, Газни. Вот что пишет Абдурраззак Самарканди: «Тимур Сахиб Кирон, владыка [всей] страны, [территорию], которая находилась под властью владыки султана Махмуда Газневида (да освятит Аллах его свидетельство), — Газни, Кабул, Кандагар и другие города и округа, вплоть до границы с Хиндустаном и реки Синд, — отдал достойному владыке небес Мирзе Пир Мухаммаду» [1]. Эти данные подтверждает другой хронист — Абдул-Кадыр. Согласно его сведениям, которые мы приводим по книге современного афганского ученого Ахмада Али Кохзада [2], Пир Мухаммаду принадлежали обширные округа Тохаристана, Хутталана, Кандагара и восточная часть Афганистана.

О внутренней политике Пир Мухаммада в источниках имеются лишь скудные и отрывочные данные. Пир Мухаммад вел праздный образ жизни, доверив управление государством своим эмирам. Воспользовавшись этим, один из них, Пир Али Таз, организовал против него заговор. 22 февраля 1407 г. Пир Мухаммад был убит, а все его владения на правах союргала перешли к другому сыну Мирзы Джахангира — Кайду Бахадуру [3].

Можно предположить, что Кайду Бахадур стремился проводить в своем уделе независимую от центральной власти политику. Абдурраззак Самарканди упоминает о приезде ко двору Шахруха посланника от делийского султана Хизр-хана. Этот посланник передал Шахруху полученное в Дели требова-

ние Кайду Бахадура, чтобы на всей территории от Мултана до Канадужа было разрешено чеканить монеты с его именем, а также чтобы оно упоминалось в хутбе. Однако Шахрух ответил категорическим отказом. В октябре 1417 г. Шахрух, недовольный политикой Кайду Бахадура, отправился с войском в Кандагар якобы для усмирения разбойников, беспокоивших население Кандагара, Кабула и Газни. Но Кайду Бахадур почуял неладное и вместе со своими приближенными бежал. Тем временем обстоятельства вынудили Шахруха вернуться в Герат. Для управления территорией, находившейся до этого под властью Кайду Бахадура, он оставил группу эмиров (Мирзу Санжара, Едгар-шах Арлата, Алико и Феруз-шаха) и поручил им поймать бывшего правителя и отправить его в Герат.

Поручение было выполнено, но сначала Шахрух помиловал Кайду Бахадура. Позже тот пытался бежать в Кандагар, но по дороге был схвачен и заключен в крепость Ихтияр-ад-дин. Это произошло в конце 1418 г.

Земли Кайду Бахадура на основе союргала были тогда же пожалованы Шахрухом Суюргатмышу. Абдурраззак Самарканди, рассказывая об этих событиях, приводит наставление Шахруха новому правителю, в котором говорилось о необходимости мудро охранять границу государства, бороться против разбойников, бесчинствовавших на торговых путях [4].

Когда Суюргатмыш в 1426/27 г. скончался, у него остались два сына: Масуд-мирза и Карачар-мирза. Правителем по распоряжению Шахруха стал Масуд. Последний сразу проявил себя жестоким деспотом. Он не желал слушать ничьих советов, был скор на расправу, грабил население. Бесчинства Масуда вызвали всеобщее недовольство и возмущение. Как сообщает Абдурраззак Самарканди: «И он в этой стране (т. е. Кабульском уделе.— *С. А.*) допускал беззакония, занимался насилием, не заботился о положении народа этой страны, и подданные этой страны из-за [чрезмерного] насилия его пришли в великое отчаяние» [5]. Отметим, что это единственное сообщение о тяжелом положении народных масс во время правления Масуда.

Положение дел в Кабульском уделе стало настолько тревожным, что Шахрух был вынужден принять решительные меры для восстановления спокойствия. Он отозвал Масуда в Герат и назначил правителем Кабульского удела его брата Карачара [6].

При Карачаре Кабульский удел Тимуридов включал в себя столицу Кабул, а также Газни и прилегающие к ним районы. Судя по всему, территория Кабульского удела в это время уменьшилась, поскольку историки больше не называют Кандагар и прилегающие к нему районы, вплоть до берегов Синда, как подвластные Карачару.

По-видимому, и следующему правителю, Улугбеку Кабули,

не удалось расширить территорию своих владений (1460/61—1501/02). Попытки Улугбека в союзе со своими братьями — Ахмадом-мирзой, правителем Самарканда, и Махмудом-мирзой, правителем Хисара [7] — отбить Кандагар и Гаримсер у Султана Хусейна не дали результата.

При Султане Хусейне Кандагар сначала был отдан его сыну Мухаммаду Масуму, а затем включен в состав владений Зуннуна Аргуна. Как сообщает Бабур, области Гур и Замендавар были отданы Султаном Хусейном Зуннуну Аргуну. «Ни один человек не держал хазарейцев и никударийцев в таком подчинении» [БН, л. 172б]. За эту заслугу Султан Хусейн расширил удел Зуннуна Аргуна, а впоследствии отдал Кандагар его сыну Шудже Аргуну [8].

Согласно данным Хондемира, Зуннун Аргун начиная с 884 г. х. (1479/80) в течение четырех лет вел беспрерывные войны с племенами хазарейцев и никударов. В конце концов он вынудил их «покориться и положить голову повиновения и покорности на черту преданности и послушания. Тогда Хакан (Султан Хусейн. — *С. А.*) отдал в руки Зуннуна права управления во всех делах областей Кандагар, Фаррах, Гур, Сахир, Тулек и Замендавар» [9].

Опираясь на исторические источники, точно определить границы Кабульского удела затруднительно. Однако мы видели, что по сравнению с владениями Кайду Бахадура территория Кабульского удела значительно уменьшилась. Любое ослабление политической власти в Кабульском уделе было чревато серьезными последствиями: его соседи не упускали ни малейшей возможности включить в состав своих владений отдельные районы удела, как это произошло, например, после смерти султана Абу Саида (1469).

Согласно сведениям Бабура, после смерти Улугбека Кабули в 1502/03 г. от Кабульского удела отпали также земли, населенные афганскими племенами. В описании событий, относящихся к 1504/05 г., Бабур замечает, что «хотя Бажур Савод, Паршавур, Хашнагар прежде зависели от Кабула, но теперь из-за афганцев некоторые из них разорены, а другие перешли к афганцам и перестали быть [отдельными] областями» [БН, л. 131б].

Тем не менее значение Кабульского удела и особенно города Кабула в экономической жизни сопредельных стран продолжало оставаться огромным.

Для оценки экономической роли Кабула в начале XVI в. более подробными сведениями, чем сведения «Бабур-наме», мы не располагаем. Данные автора книги «Хафт Иклим» о Кабуле и других городах Кабульского удела практически не отличаются от данных Бабура [10].

В начале XVI в. Кабул был крупным торговым, политическим и административным центром. Бабур подчеркивает зна-

чение Кабула и Кандагара как узловых пунктов караванной торговли на пути в Индию. Он пишет: «Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул... Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч коней; из нижнего Хиндустана приводят караваны десять, пятнадцать или двадцать тысяч купцов. Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сахар, сахарный песок и лекарственные зелья... В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это как бы торговая гавань Хиндустана» [БН, л. 129а]. Бабур отмечает, что Кабул был расположен на стыке караванных путей между Средней Азией, Индией, Ираном.

А вот что рассказывает о Кабуле Амин Ахмад Рази, автор «Хафт Иклим»: «Кабул является одним из древнейших городов мира. На востоке от него лежат Ламганат, Пешавар и некоторые области Хиндустана, а на западе его — горные районы, где проживают племена якдара и хазара, на севере — Кандагар и Андар-аба; горы Гиндукуша разделяют их между собой, а в южных районах Кабула лежат Фармул, Нагз и Афганистан. Область Кабула узкая и длинная и со всех сторон окружена горами» [11].

Через Афганистан пролегали важнейшие караванные пути, соединявшие Индию с Ираном и ведущие затем к берегам Каспийского, Черного и Средиземного морей. В XVI в. Кандагар был важнейшим перевалочным пунктом на пути, по которому ежегодно следовало на запад более 14 тысяч верблюдов, груженных индийскими хлопчатобумажными тканями, кашмирскими шалями, перцем и различными пряностями. Пошлины, взимавшиеся с этих товаров в Кандагаре, приносили шахам Ирана доход в несколько фунтов золота в день [12]. Меньшее значение имела сухопутная торговля между Индией и Средней Азией, но и она достигла сравнительно крупных размеров. Для нее также использовались транзитные пути через Афганистан.

Иранские шахи и правители Индии, одинаково заинтересованные в безопасности торговых путей, зачастую предпочитали откупаться от воинственных афганцев: привлекая их к охране дорог, они выплачивали им за это крупные суммы денег [13].

Нельзя забывать, что сами афганцы, в особенности кочевые племена, также были участниками этой весьма прибыльной торговли. Она служила средством обогащения племенной верхушки и давала известный заработок рядовым членам племени, нанимавшимся в качестве погонщиков или составлявших вооруженную охрану караванов [14]. Они назывались «повинда» [15]. Обслуживание транзитной торговли было их главным занятием. Вооруженные с ног до головы, эти воины-торговцы вместе со своими семьями дважды в год совершали путь из Бухары через Кандагар и Гомал в Индию.

В «Бабур-наме» имеются подробные описания всех тран-

зитных путей, проходивших через Кабул в XVI в. Эти сведения Бабура — важнейший исторический материал, мимо которого не может пройти ни один исследователь торговых связей Средней Азии с Индией [16].

Согласно Бабуру, с гор Гиндукуша в Кабул вело семь дорог: «Между Балхом, Кундузом и Бадахшаном, с одной стороны, и Кабулом — с другой, лежат горы Гиндукуш». Три дороги проходили через Панджхир, выше всех находился перевал Хавак, ниже — Тул, а еще ниже — Базарак-Паранда. Из этих трех перевалов, по мнению Бабура, самым удобным в смысле безопасности был Тул. Однако дорога через этот перевал была длиннее, чем через остальные, поэтому его и назвали «Тул», что в переводе означает «длинный, дальний, долгий». Самый короткий путь лежал через перевал Базарак. Этот перевал также носил другое название — Паранда. Была еще одна дорога, которая вела через Парван. Дорога через Андар-Аб в Парван считалась очень трудной [БН, л. 130б].

Дороге через перевал Хавак Бабур не придавал особого значения. Она была известна еще в древности — через Хавак прошел в Бактрию Александр Македонский, преследуя Бесса. Этот путь знал и Тимур, ибо в 1398 г. он проходил несколько севернее этого перевала во время своего похода в Индию. Его путь лежал от Самарканда через Хульм и Андар-Аб, через Гиндукуш по Хавакскому перевалу к окраинам Кафиристана, к Кабулу.

Еще три дороги в Кабул вели со стороны Гур-Банда: одна — через перевал Янгиюл, другая — через перевал Кипчак к месту слияния рек Кизилсу и Андар-Аб [17], третья — через перевал Шиберту. Летом из-за половодья путешественники, миновав Шиберту, продолжали путь через Бамиан и Сайгон, а зимой можно было пройти через Абдару. Дорога через Шиберту была наиболее надежной. Движение караванов не прекращалось по ней ни зимой, ни летом. Зимой, когда все другие дороги становились на несколько месяцев непроходимыми, перевал Шиберту оставался единственным путем, соединяющим Балх, Кундуз, Бадахшан и Мавераннахр с Кабулом.

Согласно замечанию В. Гурко-Кряжина, дорога в Кабул через Шиберту пересекала дорогу, соединяющую Хавак и Бамиан. Последняя была одной из древнейших в этом районе, главным путем между Индией и Бамианом. Она вела из Хавака на юг по течению реки Хульм и у Бамиана рассекала Гиндукуш и Кухи-Баба в северной части перевала Ак-Рабат, а в южной стороне — у Хаджиках [18]. Летом, когда в Абдаре прибывала вода, эта дорога становилась непроходимой для караванов. По-видимому, в это время года наиболее безопасными и удобными были другие называвшиеся выше дороги через перевалы Хавак, Тул, Базарак-Паранда, Янгиюл и Кипчак [БН, л. 130б].

Известный афганский ученый Ахмад Али Кохзад также упоминает о дороге через Бамиан как очень удобной. Согласно Кохзаду, в 1546/47 г. сын Бабура Хумаюн, возвращаясь из Бадахшана в Кабул, шел именно по этой дороге; его путь лежал через Абдару, перевалы Шиберту, Ригак и Ард, долину Ходжа Се-Ярон в Кабул [19].

Интересно, что даже в начале XX в. часть экспедиции Н. Вавилова и Д. Букинича, прибывшей в Кабул в 1924 г. с научными целями, также использовала эту дорогу. От пограничного города Кушка экспедиция обычным караванным путем отправилась к Герату. Закончив исследования в Гератском районе, экспедиция разделилась на две группы. Первая отправилась в Кабул по хазарейской дороге, т. е. по южному склону Гиндукуша, и прошла по наиболее возвышенным районам Центрального Афганистана. Вторая группа по северным отрогам Гиндукуша направилась из Герата через Кала-и Нау Маймене. Из Маймене до Мазар-и-Шерифа она двигалась через Ташкурган на Гайбыт, изучила район Бамиана и вышла через Чарикар на Кабул [20].

Дорога, соединявшая Кабул с Хорасаном через Кандагар, считалась самой удобной и безопасной, ибо между Гератом, Кандагаром и Кабулом не было никаких перевалов и сама она, как пишет Бабур, была ровной [БН, л. 131а]. Что же касается северных и юго-восточных дорог, то они сильно отличались от южных, так как проходили в горах, через высокие перевалы и по ним не всегда можно было пройти. Кроме того, путешественникам грозила опасность со стороны кочевых племен, часто грабивших торговые караваны. Южная дорога, соединявшая Герат с Кабулом через Кандагар, хотя и была ровной, но проходила через пустыню Регистан, что также создавало сложности для караванов [21].

Эта дорога считалась наиболее древним караванным путем. Известная еще со времен Ахеменидов, она и по настоящее время не потеряла своего значения. Начиналась южная дорога от Герата и шла вдоль рек Фаррах-руд и Гельменд до места впадения последней в реку Аргендаб, а оттуда к Кандагару и затем в Кабул [22].

Кабул с Хиндустаном соединяли четыре дороги. Первая шла через Ламганат, вторая — через Банкаш, третья — через Нагзи и последняя — через Фармул [БН, л. 131а]. По первой дороге необходимо было переправляться через реки Синд, Кабулдарья и Савад, точнее, в месте слияния Кабулдарьи с Синдом. Другая переправа была у реки Нил-Аб. Здесь из-за отсутствия специальных сооружений переправлялись на лодках. Вторая дорога из Кабула в Хиндустан через Банкаш вела к переправе у Динкута.

Дорога из Хиндустана в Кабул шла через Газни с переправой у Фармула и Джубара, а если переправлялись через

реку у Дашта, то можно было попасть в Кандагар, а затем в Кабул

Согласно исследованиям В. В. Бартольда, узловым пунктом, соединявшим Герат с Индией, являлся Кандагар. Город стоял на пересечении двух путей: одного — через Газни в Кабул и Пенджаб и другого — через Боланский перевал к Синду. Через реку Гомал, недалеко от Газни, открывался еще более близкий путь в Индию, но, как известно, «до мусульманского завоевания караваны предпочитали дорогу из Кандагара в Кабул как короткую, но вместе с тем и более трудную через Болан или Гомал» [23].

Итак, описанная Бабуром дорога из Кабула в Индию через Кандагар с переправой у Дашта хотя и была длиннее, но зато не имела трудных горных переходов, как первый караванный путь, идущий через Газни с переправой в Джубаре.

Из сказанного очевидно, что Кабул, столица государства Бабура в Афганистане, а также его крупнейшие города Кандагар и Газни являлись узловыми пунктами караванных путей. Кабульское государство Бабура «представляло собой как бы огромную цитадель, командующую над всеми историческими путями, ведущими в Индию» [24]. По словам придворного историка Абул-Фазла, «начиная с древнейших времен Кабул и Кандагар всегда рассматривались как двери Хиндустана; одна открывала доступ со стороны Турана, другая — со стороны Ирана, и при достаточной охране этих двух мест... империя могла находиться в безопасности от вторжения неприятеля» [25].

Глава IV

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ БАБУРА В КАБУЛЕ

Политическая анархия и феодальные междоусобицы почти во всех малых и больших владениях Тимуридов способствовали установлению власти Шейбани-хана в Мавераннахре и Хорасане. Независимость сохранил только Кабульский удел, где с 1504 г. воцарился Бабур [1].

В источниках, как мы уже говорили, путь Бабура из Андижана в Кабул не описан. Авторы исторических хроник (Хондемир, Мухаммад Хайдар, Мухаммад Салих и др.), увлекшись описанием бурной политической жизни Мавераннахра и Хорасана, практически не уделяли внимания событиям в окраинных областях этого района.

В трудах советских ученых, посвященных распаду государства Султана Хусейна и утверждению династии Шейбанидов, этот вопрос также остался неосвещенным. Тем не менее переход Бабура из Мавераннахра в Кабульский удел и установление там его власти тесно связаны с общей обстановкой в государстве Султана Хусейна. Выяснение обстоятельств прихода Бабура в Кабул имеют, следовательно, немаловажное значение, и именно с учетом этого аспекта мы и построили настоящую главу.

К 1504 г. Шейбани-хан завершил захват территорий, расположенных по обоим берегам Сырдарьи; в его руки попали крупнейшие города Мавераннахра — Самарканд, Бухара, Ош, Андижан и Ташкент. Могольские ханы — Султан Ахмад-хан и Султан Махмуд — потерпели полное поражение и были захвачены врагом. Действовавший в союзе с ними Бабур спасся бегством. По данным Мухаммада Хайдара, он отправился в горные районы к югу от Ферганы [2]. Сам Бабур о подробностях своих скитаний умалчивает. Его рассказ о событиях 1502/03 г. заканчивается описанием его пребывания в Оше и эпизода в в городке Карнан, где он чудом спасся от вражеского плена [БН, л. 117б—119б]. Позднее Бабур прибыл в Андижан, где в течение четырех месяцев оставался при дворе могольских ханов. Оттуда он намеревался отправиться в Моголистан [3], но выяснилось, что это небезопасно: дорога туда контролировалась Шейбани-ханом. Тогда Бабур попробовал укрыться в Ура-Тюбе, однако правивший там Мухаммад Хусейн-гурган,

родственник Бабура, принял решение покориться Шейбани-хану.

Рассказывая о событиях 1503 г., Бабур замечает: «В месяце мухарраме (июль. — *С. А.*) [я] выступил из ферганской земли, направляясь в Хорасан, прибыл на летовку Илак — одну из летовок в области Хисара — и остановился там» [БН, л. 120а].

Прибыв в Илак, Бабур, по-видимому, надеялся получить в управление какой-нибудь из районов, принадлежавших Хосров-шаху. Очевидно, с этой целью он отправил в ставку последнего своего представителя Баба-и Пашагири. Однако Хосров-шах, полновластно владевший обширными территориями, которые имели важное стратегическое значение (Термез, Тохаристан, Хисар, Хутталан, Кундуз, Бадахшан и все территории на юге вплоть до Гиндукуша), встретил посла Бабура весьма недоброжелательно и холодно.

Бабур с осуждением рассказывает о жестокости и насилиях Хосров-шаха, которого характеризует как грубого и не знающего жалости правителя. По свидетельству Бабура, «люди Хосров-шаха — это народ, привыкший насильничать и самовольничать» [БН, л. 126а]. Во время пребывания Хосров-шаха в Самарканде (1493/94 г.), сообщает Бабур, «кто-то из нукеров Хосров-шаха силой увел чью-то жену; муж той женщины является и приносит Хосров-шаху жалобу. Тот отвечает: „Она пробыла с тобой несколько лет, пусть же побудет с ним несколько дней“» [БН, л. 23б, 24а].

Внутренней политикой Хосров-шаха были недовольны и представители духовенства. Из «Бабур-наме» следует, что их интересы были задеты уже Султаном Махмудом, который стал облагать представителей духовенства податями [БН, л. 23б]. Хосров-шах не стал в основном менять принципов внутренней политики, установившихся во время правления его предшественника, но притеснения народа при нем значительно усилились. Не исключено, что Бабур рассчитывал использовать в своих целях всеобщее недовольство Хосров-шахом.

Вопрос о том, каким образом Бабуру с весьма немногочисленным и вдобавок плохо вооруженным отрядом удалось достичь летовки Илак под Хисаром, представляет большой интерес. Географ Х. Хасанов первым сделал попытку определить путь Бабура до Хисара. Согласно его выводам, этот путь проходил через горные районы Таджикистана — Матчу и Оби-гарм (село Оббурдан Таджикской ССР) [4].

Однако, по нашему мнению, Бабур, направляясь из окрестностей Андижана в Хисар, не мог двигаться по маршруту, предложенному Х. Хасановым, так как горные районы, которые он назвал, в это время входили в округ Ура-Тюбе, занятый войсками Шейбани-хана.

Кроме того, основываясь на данных Бабура, Х. Хасанов до-

пускает хронологическую неточность. Приезд Бабура в Матчу и Оби-гарм имел место несколько раньше — в 1501/02 г. Оставив в 1501 г. Самарканд Шейбани-хану, Бабур не мог попасть в Фергану из-за начавшихся там смут и был вынужден временно остаться в Ура-Тюбе, где тогда правил Мухаммад Хусейн-гурган. Бабур обосновался в селении Дехкат, но вскоре, услышав, что в Ура-Тюбе направляется Шейбани-хан, укрылся в Матче.

Для определения маршрута Бабура от южных гор Ферганы по направлению к Хисару важное значение имеет исследование А. Мухтаровым надписей из селения Матча [5]. Датировка отдельных надписей Бабура, обнаруженных в этом районе, является ценным фактическим материалом, значительно пополняющим данные исторических хроник. А. Мухтаров шел по маршруту Бабура, с тем чтобы обнаружить надписи, сделанные им на камнях во время похода в Кухистан [6], точнее, в район Матчи и Палгара, о чем Бабур рассказывает в своих воспоминаниях [БН, л. 99а]. Экспедиция А. Мухтарова увенчалась успехом: он нашел 50 надписей, высеченных на скалах и камнях.

Среди этих надписей несколько принадлежат Бабуру. Вот одна из них: «В дни правления Бабур-хана — да увековечит Аллах его царствование, год 907 г. х.». На скале между селениями Бишаб и Шамтич была вырезана другая надпись: «О неверных, охотящихся за людьми. [Будь] на время осторожным, ведь бедной дикой козе нет дела до острой стрелы. Написал это... Бабур-хан, да увековечит Аллах его царствование и власть» [7]. Между Бишаб и Шамтич, а также между селениями Шамтич и Оби-гарм были найдены еще три надписи, связанные с Бабуром. А вот надпись, которую приводит в своих воспоминаниях сам Бабур:

Слышал я, что Джамшид, блаженный по естеству,
Написал на камне у ручья:
«У этого ручья, как и мы, многие отдыхали
И ушли [из мира], не успев закрыть [и открыть] глаза.
Завоевали мы весь мир своим мужеством и силой,
Но не унесли его с собой в могилу» [БН, л. 99а].

Камень с этой надписью Бабура был обнаружен в селении Оббурдан и в настоящее время хранится в Музее истории АН Таджикской ССР [8]. Все надписи Бабура датируются 1501/02 г.

Матча, Оби-гарм и Палгар имели важное стратегическое значение — горные ущелья, тропинки, ведущие по скалам в глубь Кухистана, помогали скрываться от врагов. Самой укрепленной и труднодоступной крепостью Кухистана был Хисар, куда и бежал Бабур. Развалины этой средневековой крепости сохранились до настоящего времени в полутора кило-

метрах от современного селения Хисарак[9], у места слияния трех рек — Ясман, Оби-кабуд и Сурхаб.

Место для крепости Хисар было выбрано необычайно удачно. Она прикрывала собой плодородную и густонаселенную долину Ясмана от вторжения врага со стороны Алайской долины и верхнего Сурхаба. Значение этой крепости для обороны от тюрок отмечалось еще в арабоязычных источниках[10]. Быстрая река Оби-кабуд, к которой примыкала крепость, делала ее практически неприступной.

В 50-х годах Академия наук Таджикской ССР неоднократно организовывала научные экспедиции для проведения полевых исследований в долинах Ясмана и Сурхаба. Одну из таких экспедиций возглавлял Н. А. Кисляков, который отметил, что развалины крепости в Хисарак представляют собой исторический памятник первостепенной важности для изучения деятельности последних Тимуридов в Фергане, Ура-Тюбе и других районах. Естественно, что здесь возможно выяснить и ряд вопросов, связанных с биографией Бабура. Так, во время пребывания экспедиции в Хисарак жители этого кишлака передали ее участникам старинные копья, кольчуги, бисер и монеты с именем Бабура[11].

Из сказанного выше следует, что Бабур появился в долине Илак, расположенной недалеко от Хисарской крепости, далеко не случайно. Тимуриды нередко, когда им угрожала опасность, укрывались в Кухистане, в селениях Оби-гарм и Матча. Например, в 1494/95 г. здесь нашел убежище правитель Самарканда Султан Али-мирза [БН, л. 32б].

Когда в Дехкате оказался Бабур, он сначала некоторое время жил у старосты, а его спутники расположились в домах крестьян. Бабур часто гулял пешком по горным тропинкам. «От долгого хождения босиком ноги у меня так загрубели, — пишет он в своих воспоминаниях, — что ни скалы, ни камни на них не действовали» [БН, л. 97б].

Анализ данных, имеющихся у самого Бабура, а также Мухаммада Салиха, Мухаммада Хайдара и Гияс-ад-дина Хондемира, сравнение их с материалами русских путешественников и краеведов позднейшего времени дают, на наш взгляд, возможность определить более точно маршрут Бабура в Илак.

Крупнейший представитель русской географической науки А. П. Федченко в своем исследовании Зеравшанского и Алайского хребтов приводит описание трех труднопроходимых перевалов (Исфараим, Кангли и Кунбел), через которые лежал путь в Индию. По мнению Федченко, наиболее доступным из них считался Исфараим. Как бы ни был труден путь в Алай, именно благодаря этим перевалам, по свидетельству Федченко, между жителями Ферганы и Алайской долины осуществлялся товарообмен. В пользу этого утверждения говорит, в частности, тот факт, что добываемой в долине Алтындарьи

солью одинаково снабжались и жители Алая и население Ферганы [12].

Федченко пришел также к выводу, что местному населению путь в Алай был известен издавна. Он изобиловал опасностями и был труднодоступен, поэтому торговые караваны из Андижана двигались по нему лишь в исключительных случаях.

Все это дает нам основание предположить, что путь из Ферганы в Алай был известен и Бабуру. Может быть, что именно один из этих трех перевалов он использовал при последнем своем бегстве из Андижана в Кабул.

Согласно Мухаммаду Салиху, перед бегством в Илак Бабур укрывался в южных горах Ферганы — в Кухистане [13].

В это время Шейбани-хан, занятый крупными военными операциями в Балхе, Хорезме и Фергане, не считал необходимым преследовать такого врага, как Бабур, которого сопровождали всего две-три сотни плохо вооруженных нукеров. В результате Бабур сумел незаметно пробраться из Ферганы в Илак.

В «Бабур-наме» упоминается о том, что путь автора этих мемуаров в Афганистан лежал через Шамту по нижнему течению Кизилсу. В записях о событиях 1504/05 г. говорится: «Когда мы проходили через Шамту и Кизилсу, три-четыре тысячи моголов, подчиненных Хосров-шаху и находившихся в Кундузе, пришли со своими домочадцами и присоединились ко мне» [БН, л. 123а].

Согласно точке зрения Федченко, река Кизилсу, вдоль берега которой двигался Бабур, представляет собой «верхнее течение реки Сурхаб; Кизил — название тюркское, Сурхаб — таджикское. Разные названия объясняются тем, что в верховьях реки живут исключительно киргизы, а ниже — таджики» [14]. Часть реки Сурхаб, протекающая ниже области Куляб, называлась Вахшем.

Бабур, отправившись в Хорасан с южных гор Ферганы, сначала следовал, по-видимому, по ущельям и горным тропинкам. Затем, идя по течению Кизилсу, он, очевидно, направился в Оби-гарм, после чего двинулся к берегам Вахша. Описания дороги от Оби-гарма к долине Илак в исторических источниках не имеется. Однако из сообщений русских путешественников мы узнаем, что эта дорога была длиной в 48 верст и вела через труднопроходимый перевал Арча-Кутал на высоте 7500 футов. Местами путь становился весьма опасным, с одной стороны была почти отвесная скала, а с другой — обрыв. Внизу текла река с крутыми берегами, неудобными для переправы вброд [15]. По мере приближения к Илакской долине дорога поднималась все круче. Совсем незначительный в начале, подъем в конце становился практически непреодолимым для конного путника.

Рассчитывая использовать острое недовольство народных масс политикой Хосров-шаха, Бабур оставался в Илаке до тех

нор, пока не узнал о намерениях Шейбани-хана двинуться в Хисар. «Так как я надеялся на этих людей и на [блага] их земли, то [подолгу] задерживался на каждой стоянке», — пишет он [БН, л. 120а].

Сведения о пребывании Бабура в долине Илак возбудили у Шейбани-хана опасение, что он может объединиться с Хосров-шахом. Это, по-видимому, ускорило поход Шейбани-хана против Хосров-шаха. В этой связи любопытно стихотворное послание Махмуд-султана к его брату Шейбани-хану, которое приводится в «Шейбани-наме»:

> Не упрекай [меня] из-за Бабура, [ведь] ясно:
> Карьера его теперь закончена.

Махмуд-султан глубоко ошибся: во владениях Хосров-шаха (Хисаре, Кундузе, Баклане и Анхуде), опустошенных Шейбани-ханом, Бабур приобрел новые силы.

Весть о предстоящем походе Шейбани-хана быстро облетела левобережные владения Тимуридов, население которых пришло в смятение. Бабур, понимая, что новая встреча с Шейбани-ханом может явиться для него роковой, быстро покинул долину Илак и появился в области Кабадиан у переправы Увадж [БН, л. 120а]. Ему было ясно, что образование какой-либо коалиции против Шейбани-хана не представляется возможным в обстановке, когда внутренние раздоры среди Тимуридов достигли своего апогея.

Согласно единодушному мнению историков, в успешной переправе Бабура на правый берег Амударьи возле Уваджа и установлении его власти в Кабульском уделе заметную роль сыграл Бакир-бек — правитель Анхуда. Бабур пишет: «После нашего прихода в Кабадиан младший брат Хосров-шаха Баки Чаганиани [16], которому принадлежали Чаганиан, Шахр-и Софа и Термез, прислал ко мне Хатифа Карши, выражая доброжелательство и намерение присоединиться к нам, и когда я перешел реку Аму у переправы Увадж, он явился и вступил ко мне в услужение. По просьбе Баки мы встали напротив Термеза. Баки переправил всех своих домочадцев до последнего через Аму и присоединился к нам» [БН, л. 120а].

Причины присоединения Баки Чаганиани к Бабуру и его последующей активной поддержки Бабура раскрывают Хондемир и Мухаммад Салих (Бабур об этом умалчивает). Хондемир рассказывает: «Между тем Мухаммад Бакир-тархан, который прежде... бежал из страны и прибыл в Балх, искал поддержку и покровительство у Бади-уз-Заман-мирзы (правителя Балха. — *С. А.*). Он был обласкан вниманием, заручился его покровительством и поддержкой и с тех пор правил городом Анхуд. Теперь он проявляет признаки враждебности, в конце концов сделался врагом и послал к Шейбани-хану гонцов, призывая его в Анхуд» [17]. По словам Мухаммада Салиха, к Шей-

бани-хану был послан тот самый Хатиф Карши, который ровно через год прибыл в Кабадиан к Бабуру.

Когда близость нашествия Шейбани-хана в Балх стала очевидной, Бади-уз-Заман обратился с посланием к Хосров-шаху, предложив ему союз против общего врага. Хосров-шах охотно согласился, но одновременно поручил своему брату Вали отправиться в ставку Бади-уз-Замана и потребовать у него твердых гарантий того, что в случае победы над Шейбани-ханом Бади-уз-Заман «не будет замышлять зло против него (Хосров-шаха.— *С. А.*) и покушаться на его владения» [18].

Некоторые из правителей мелких территорий, не надеясь на успешный отпор Шейбани-хану, стремились каждый в отдельности как можно скорее вступить в тайный контакт с Шейбани-ханом, чтобы сохранить свои владения в случае падения власти Тимуридов. Одним из таких правителей и был, по словам историков, Баки Чаганиани [19].

Баки Чаганиани отправил к Шейбани-хану своего представителя с обещанием сдать без сопротивления Анхуд. По данным Мухаммада Салиха, встреча Шейбани-хана с посланником Баки Чаганиани состоялась в Карши [20]:

Внезапно приехав, посланник Баки
На пиру у падишаха стал виночерпием.
Сказал: «Я единодушен с ханом,
Лишиться жизни я готов, но неверным хану
[быть] не могу.
Если хан сохранит мне жизнь,
Пусть возьмет дело мое сам султан.
Если даже я воюю, готов покориться Вам».

Неуверенность в прочность устоев тимуридского государства усиливалась изо дня в день, приближение катастрофы смутно ощущали правящие круги. Но, увлеченные внутренними раздорами и борьбой за власть, авторитетные деятели тимуридского рода не приняли необходимых мер для укрепления своего государства, и это оказалось для них роковым.

Согласно Хондемиру, в начале осени 1503/04 г. Шейбани-хан, рассчитывая на обещание Баки Чаганиани, перешел реку у переправы Керки [21] и овладел Анхудом. Однако он никак не наградил Баки Чаганиани, чем сильно оскорбил того: «Мухаммад Бакир прибыл в высокий лагерь, преподнес подарки, однако он не был встречен взором внимания. Мухаммад-хан (Шейбани-хан. — *С. А.*) отправил его на другой берег» [22].

Готовясь выступить из Анхуда на Балх, Шейбани-хан решил прибегнуть к хитрости. Он понимал, что одной военной силы недостаточно для того, чтобы захватить владения Тимуридов, и поэтому послал в Балх весьма влиятельного представителя духовенства Джафар-ходжу с тайным поручением. Бади-уз-Заман, не заподозрив ничего дурного, разрешил тому оставаться в своей свите [23]. И пока, как рассказывает Хонде-

мир, Бади-уз-Заман, полностью доверяя Джафар-ходже, осыпал его милостями и подарками, тот принялся склонять его эмиров и приближенных перейти на сторону Шейбани-хана, как только тот окажется на подступах к Балху.

В результате Джафар-ходже удалось убедить некоторых крупных эмиров, которые стали втайне готовиться напасть на Бади-уз-Замана при первом удобном случае. Однако заговорщики допустили одну ошибку, и это решило их судьбу [24].

Осведомленные о закулисных переговорах Баки Чаганиани с Шейбани-ханом, они решили привлечь и его в свой лагерь. Однако Баки Чаганиани, как мы помним, был обижен на Шейбани-хана, не отблагодарившего его за Анхуд. Он выведал у заговорщиков все их планы и сообщил Бади-уз-Заману. Трое участников заговора были казнены, но Джафар-ходжу по неизвестным причинам освободили.

Раскрытие и ликвидация агентуры Шейбани-хана отсрочили захват Балха. Шейбани-хан осаждал город в течение трех месяцев, но безуспешно. Разорив и опустошив его окрестности, он вынужден был вернуться в Андижан.

Хондемир приводит популярные в народе стихи в связи с событиями в Балхе:

Как только переправился Мухаммад-хан через реку Аму,
Горькой стала сладкая жизнь жителей Балха.
Весь город оказался разрушенным войною.
«Тарих» (история.— *С. А.*) этих событий
в словах «разрушен Балх» [25].

Баки Чаганиани, хорошо знакомый с нравом Шейбани-хана, догадался, что его уход из Балха связан скорее с соображениями стратегического характера и государству Султана Хусейна продолжает угрожать опасность. Он стал искать выход из создавшегося положения. И вот в 1504 г. Бабур прибыл в округ Кабадиан. Баки Чаганиани, который, по словам Хондемира, «в это время из-за натиска узбеков ни одной ночи не мог провести спокойно» [26], воспрянул духом. Он вышел навстречу Бабуру с подарками и подношениями. Эта встреча произошла у Термеза.

Несколько иначе истолковывает причины союза Баки Чаганиани и Бабура Фериштa. По его мнению, инициатором этого союза был сам Бабур; он как будто сказал Баки Чаганиани, что в «настоящее время судьба моя подобна судьбе шахматного шаха [перед матом], который ходит только на одну клетку в ту или другую сторону» [27]. Баки Чаганиани ответил: «Поскольку Шейбани-хан овладел странами Мавераннахра и положение подданных и войск государя свидетельствует о расколе и беспорядке, нам следует на некоторое время покориться судьбе и уйти в Кабул, подальше из пределов царства узбеков» [28].

Решение покинуть театр военных действий было в тот момент самым разумным, так как Бабур и его плохо организованная армия еще не могли противостоять такому сильному врагу, каким был Шейбани-хан.

Новый поход Шейбани-хана на Хисар, Кундуз и Ишкамиш [БН, л. 122б] в 1504/05 г. полностью подтвердил правильность политического курса, избранного Бабуром. Согласно Мухаммаду Салиху, захват таких крупнейших городов, как Хисар, Кундуз, Баклан и Хутталан, был поручен Махмуд-султану. Последний выступил из Карши и через перевал Дербент и плодородные районы нынешних Таджикистана и Узбекистана — Байсун, Денау, Сары-Ассия, Регар — направился в Хисар [30]. Хисарский правитель Хосров-шах тайком бежал и присоединился к войску Бабура.

Узнав об этом, Махмуд-султан двинулся на Кундуз. О присоединении Хосров-шаха к Бабуру узнал и Шейбани-хан, направлявшийся в это время к Хутталану. Подробности бегства Хосров-шаха из Кундуза в лагерь Бабура описаны Хондемиром, который был очевидцем этих событий, находясь в числе эмиров Бади-уз-Замана, отправленных им в Кундуз для обороны этого города.

Согласно сообщению Хондемиру, Хосров-шах, услышав о том, что Махмуд-султан выступил к Кундузу, послал авангард своего отряда во главе с Абдуррахман-беком на разведку. Последний во время переправы через Амударью у Сали-Сарая был остановлен Махмуд-султаном, потерпел поражение и обратился в бегство. Он добрался до Кундуза в тот самый момент, когда Хосров-шах беседовал с представителем Бади-уз-Замана эмиром Шах Мансуром. Потеряв надежду на победу, Хосров-шах оставил Кундуз и присоединился к Бабуру. Таким образом, попытка Бади-уз-Замана создать военную коалицию против Шейбани-хана рухнула. Хотя Зуннун Аргун выразил готовность оборонять Кундуз, его в город не пустили из-за прошейбанидской агитации части духовенства во главе с мавланой Мухаммадом Туркестани. «Склонив сердца великих и малых к покорности Мухаммаду Шейбани, ожидал [Мухаммад Туркестани] прибытия Махмуд-султана, чтобы сдать ему город» [31].

Неудачи хисарского войска оказались выгодными Бабуру. Многочисленные нукеры Хосров-шаха, разочаровавшись в своем вожде, стекались к Бабуру. За два дня от 25-тысячного войска Хосров-шаха ничего не осталось. Бабур пишет: «Дивен творец! Человек был повелителем двадцати или тридцати тысяч нукеров, и все земли, принадлежавшие Султану Махмуд-мирзе, от Кохлуга — это место называют также Дарбанд-и Аханин — до гор Гиндукуша, были ему подвластны, а один из его сборщиков, по имени Хасан-барлас, старый человечишка, грубо, как и подобает сборщику налогов, гонял нас с места на место от

Илака до Уваджа. И вот в какие-нибудь полтора дня без боя, без сопротивления бог сделал этого властителя столь униженным, бессильным и слабым перед таким бедным и беспомощным человеком, как я с моими двумя с половиной сотнями людей, что не осталось у него власти ни над нукерами, ни над имуществом, ни над собственной жизнью» [БН, л. 124а, 124б].

Встреча Бабура с Хосров-шахом произошла в местности Доши. Согласно договору, заключенному между ними, Бабур сохранил жизнь Хосров-шаху, отклонив настойчивые требования Мирзы-хана отомстить за кровь его братьев.

К тому времени разведывательные отряды армии Шейбани-хана во главе с Джанвафа-султаном появились в Палгаре, еще один отряд, возглавляемый Урус-султаном, контролировал Ишкамиш. Кундуз благодаря стараниям Мухаммада Туркестани был уже покорен. Все эти районы, богатые пастбищами, изобилующие зерновыми, утопающие в садах, были густо населены и процветали. Мухаммад Салих писал: «Нет счета [здесь] лошадям и верблюдам, не имеется никого, который не был бы богатым» [32].

Успехи Шейбани-хана вынудили Бабура удалиться. Он укрепился в крепости Аджар в области Кохмерд. Наступление Шейбани-хана на Хисар, Кундуз и другие левобережные районы встревожило Султана Хусейна, главу последних Тимуридов в Хорасане. Только теперь он осознал необходимость организации совместного отпора врагу. В Аджаре Бабур получает письмо от престарелого Султана Хусейна, в котором говорилось: «Когда Султан Ахмад-мирза, Султан Махмуд-мирза, Улугбек-мирза и их братья, сговорившись, пошли на меня, я укрепился на берегу Мургаба. Мирзы, подойдя близко, ничего не могли сделать и отступили. Теперь, если узбек пойдет на меня, я тоже укреплюсь на берегах Мургаба. Бади-уз-Заман-мирза пусть оставит в крепостях Балх, Шапуркан и Анхуд сильных людей, а сам укрепляет Карзуван, Дара-и Занг и всю эту горную страну». Бабуру было предложено оборонять Кохмерд, Аджар и «всю горную местность». «Хосров-шах пусть... укрепляется со своим братом Вали в горах Бадахшана и Хутталана. Узбек ничего не сможет сделать и должен будет отступить» [БН, л. 122а].

Получив это письмо, Бабур пришел в отчаяние: «...если столь великий государь, как Султан Хусейн-мирза, восседающий на престоле Тимур-бека, не говоря о походе на врага, велит укрепляться — какая может быть у людей надежда?» [БН, л. 122б]. «Я ожидал, — пишет Бабур, — что гонцы и нарочные будут усердно и поспешно следовать друг за другом и привезут такие приказания: „На переправах у Термеза, Келифа и Керки постройте столько-то барж и приготовьте такое-то количество бревен для моста; сторожите хорошенько верхние переправы у Токуз-Улама“» [БН, л. 122б].

Хотя сетования Бабура на неподготовленность Султана Хусейна к войне представляются вполне оправданными, очевидно, тем не менее, что и сам Бабур в то время совсем не был готов к встрече с огромной армией Шейбани-хана у крепости Аджар и не был способен укрепить позиции Тимуридов в горных районах Кохмерда. К тому же и сама крепость была не очень надежным укрытием, и Бабур обосновался здесь только временно. Было совершенно ясно, что, прежде чем выступить против такого врага, как Шейбани-хан, Бабуру предстояло закрепить и узаконить свою политическую власть.

Эмир Баки Чаганиани и другие приближенные Бабура настойчиво требовали от него как можно скорее покинуть театр военных действий. Автор «Тарих-и Фериштa» справедливо подчеркивал, что обстоятельства требовали «держать себя несколько в стороне от смерти» [33].

Основной же причиной отказа Бабура от объединения с Султаном Хусейном являлась неподготовленность к военным действиям против Шейбани-хана. Разношерстные отряды Бабура не представляли еще настоящей дисциплинированной армии, а нукерам Хосров-шаха, которых у него насчитывалось, по словам Феришты, более четырех тысяч человек [34], Бабур не доверял.

* * *

В сентябре 1504 г., одержав победу над Мукимом Аргуном [35], Бабур стал правителем Кабульского удела Тимуридов. Тогда же согласно традиции он распределил Кабульский удел между своими братьями и приближенными. «Отпустив Мукима, — рассказывает Бабур, — я разделил область Кабула между мирзами и всеми гостями-беками. Газни с прилежащими и примыкающими местами был отдан Джахангир-мирзе; туманы Нингнахар, Мандавар, Дара-и-Нур, Кунар, Нургил и Чакан-Сарай получил Насыр-мирза; бекам и йигитам, которые были со мною во времена казачества и пришли туда, я дал кому деревню, кому удел, но по целой области не дал никому» [БН, л. 144б].

Этот лаконичный рассказ Бабура о своей первой акции в качестве правителя Кабульской области свидетельствует, что хотя Бабур и раздавал своим приближенным земельные уделы, однако значительно уменьшил их размеры [БН, л. 144а, 144б]. Определенные привилегии Бабур сохранил лишь за своими братьями Джахангиром и Насыром как возможными наследниками престола, а также за Баки Чаганиани, которому он был обязан своим воцарением в Кабуле. Кроме того, Баки Чаганиани был главным эмиром в стране и играл значительную роль в управлении ею.

Бесспорно, что в сложной обстановке, когда положение Бабура еще не упрочилось, а власть крупных феодалов на местах

оставалась практически неограниченной, уменьшение земельных пожалований было весьма смелым шагом. Скорее всего, Бабур поступил так потому, что подвластная ему территория была невелика. Но это решение было принято еще и потому, что Бабур, «уже успевший пройти суровую школу поражений и побед» [36], хорошо знал последствия чересчур щедрых земельных пожалований правящей верхушке. Бабур стремился значительно сократить источник обогащения феодалов и тем самым ограничить их стремление к независимости.

«По мере того как происходил распад *чисто феодальной* империи, разрывалась и вообще связь между имперскими землями; владельцы крупных имперских ленов стали превращаться в почти независимых государей, а имперские города, с одной стороны, и имперские рыцари, с другой, начали заключать союзы то друг против друга, то против князей или императора... Если в этом хаосе, в этих бесчисленных взаимно перекрещивающихся столкновениях кто-нибудь в конечном счете выигрывал и должен был выигрывать, то это были представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации...» (Ф. Энгельс) [37].

Такая ситуация, характерная для феодального общества Германии XV в., была свойственна и государству Тимуридов на рубеже XV—XVI вв. Именно в попытке Бабура еще в кабульский период его деятельности создать относительно централизованную государственную систему проявился его талант прозорливого и дальновидного политика. Его линия борьбы с феодальной анархией отражала относительно прогрессивные тенденции общественного развития в то время.

Однако подобная политика, естественно, столкнулась с яростным сопротивлением феодалов. В этот период авторитет Бабура среди феодальной знати был еще недостаточен. Из проявлений центробежных тенденций и неповиновения верховной власти, имевших место в 1504—1506 гг., сам Бабур выделяет смуту, зачинщиком которой был его брат Насыр. Он не явился ко двору Бабура в условленный срок, чтобы уплатить налог, предназначенный для казны центрального вазирата. Более того, без ведома Бабура он, заручившись поддержкой эмиров Юсуфа и Бахлула, вступил в военный союз с правителем Бадахшана против Шейбани-хана. С горькой обидой писал Бабур: «...я отдал Юсуфу — Алангар и Бахлулу — Алишанг. Эти двое тоже намеревались захватить что-нибудь из своих областей и прийти с Насыр-мирзой. Так как Насыр-мирза не пришел, то они тоже не явились; всю зиму они были собутыльниками и собеседниками Насыр-мирзы. Зимой они однажды совершили набег на афганцев-таркалани, летом Насыр-мирза снял с места и погнал за собой всех аймаков и все пришлые племена с их стадами и домочадцами, которые прикочевали в Нингнахар и в Ламганат» [БН, л. 154б].

Насилия, чинимые Насыром и его эмирами по отношению к племени таркалани, в значительной степени подорвали авторитет Бабура как главы государства. Среди многочисленных афганских и тюркских племен началось брожение. Действия Насыра напомнили им Улугбека Кабули — дядю Бабура, который в свое время учинил жестокую расправу над племенем юсуфзаев и вынудил их покинуть окрестности Кабула.

Племена таркалани и гагиани, которые подверглись нападению Насыра, принадлежали к объединению племени хахи и, как и племя юсуфзаев, жили в Кабульской области. Нередко эти племена принимали участие в феодальных войнах. Так, во время борьбы Улугбека за власть юсуфзаи оказывали ему военную помощь. При этом, однако, они, по-видимому, чересчур уверовали в свои силы и начали проявлять некоторые признаки самостоятельности (по утверждению Бабура, они вели себя дерзко по отношению к мусульманам). Чтобы их усмирить, Улугбек решил было использовать разногласия между юсуфзаями и гагиани и поддержал последних, когда они напали на юсуфзаев. Но те оказали ожесточенное сопротивление, и разбить их не удалось. Тогда Улугбек изменил тактику. Притворившись, что он хочет восстановить дружеские отношения с меликами этого племени, он пригласил к себе 90 самых влиятельных юсуфзаев и коварно убил их. После этого юсуфзаи вынуждены были покинуть Кабульскую область и уйти в туман Нингнахар, а затем в Пешавар [38].

Все эти события вызвали беспокойство племени таркалани, которое поселилось в тумане Ламганат, где на него и напал в 1504/05 г. Насыр.

Действия Насыра и его эмиров натолкнулись на решительное сопротивление таркалани. Фазли, эмир Насыра, потерял в неприступных ущельях Дара-и-Нура много воинов. Бабур был недоволен Насыром, отметив, что, «если над войском начальствует человек, подобный Фазли, положение его всегда будет таким» [БН, л. 154а].

В это же время отпрыск бадахшанских шахов Мубарак-шах убил наместника Шейбани-хана в Бадахшане Мухаммада Махдуна и захватил крепость Зафар. В Хаталангане восстал оруженосец Хосров-шаха Мухаммад Курчи, при этом погиб садр Шейбани-хана. В Раге взбунтовался бек Зубай Раги. Услышав обо всем этом, Насыр, как замечает Бабур, «подстрекаемый и побуждаемый некоторыми скудоумными и недальновидными людьми», согнал домочадцев и скот всех пришедших с противоположного берега Амударьи племен и пошел через Шиберту и Абдару на Бадахшан [БН, л. 155а]. Однако завладеть Бадахшаном ему не удалось.

Поражение, нанесенное Хосров-шаху в Кундузе Хамза-султаном, гибель его и его родственников укрепили положение Бабура в Кабуле. «Бывшие при мне люди, — указывает сам

Бабур, — являлись в большинстве нукерами и слугами Хосров-шаха... Когда пришла весть о [гибели] Хосров-шаха, они сразу присмирели, как будто на огонь плеснули водой» [БН, л. 156б].

Ровно через год после этого, т. е. в 1505/06 г., попал в опалу и был отстранен от власти брат Хосров-шаха Баки Чаганиани, игравший огромную роль при дворе Бабура. Будучи обязанным ему своей карьерой в Кабульском уделе, Бабур считал недостойным принимать против него суровые меры. Однако всевозрастающее влияние Баки Чаганиани, его своеволие и нежелание признавать авторитет Бабура всегда внушали последнему серьезные опасения.

«С тех пор как Баки Чаганиани, придя на берег Аму, присоединился к нам, — указывал Бабур, — не было при нас человека более значительного и уважаемого. Что бы ни говорили, что бы ни делали, [решающим] словом всегда было его слово, [разумное] дело — его делом. Однако надлежащих услуг, подобающего обхождения он никогда не оказывал, а, наоборот, чинил всевозможные неучтивости и обиды; это был скупой, грубый, завистливый, дурной, зложелательный и угрюмый человек... Хотя он провозгласил меня государем, но приказывал бить в литавры у своих собственных дверей; он ни с кем не был искренен и никого не любил.

Весь доход Кабула, какой есть, получается с тамги (торговый сбор. — *С. А.*). Баки Чаганиани забрал себе всю тамгу; должность кабульского даруги, подати с Панджхира, налоги с племен кеди, хазара и кушкак и власть при дворе — все принадлежало ему. Пользуясь таким почетом, он, однако, отнюдь не был доволен и благодарен. Хотя, как уже упоминалось, он питал всякие дурные замыслы, мы совершенно не принимали этого к сердцу и не упрекали его в лицо» [БН, л. 159а].

Эта характеристика свидетельствует о том, что Баки Чаганиани был типичным представителем феодальной верхушки XVI в. В конечном итоге он оказался замешанным в заговоре против Бабура. Однако заговор раскрылся, и Баки Чаганиани был выслан в Хиндустан. По дороге он был убит разбойниками в местности Качекут в Пенджабе.

В 1505/06 г. войска Шейбани-хана повели бои за Хорезм, обороной которого руководил наместник Султана Хусейна Чин Суфи. Стойко отбивая атаки превосходящих сил противника, Чин Суфи отправил в Герат своего посла, который ознакомил Султана Хусейна с обстановкой в Хорезме, рассказал о бедственном положении жителей Ургенча, уже в течение трех месяцев осажденного Шейбани-ханом.

Однако Султан Хусейн был не в состоянии оказать помощь Хорезму [39]. После десятимесячной обороны Ургенча Чин Суфи был вероломно убит своим телохранителем, что привело к покорению Хорезма Шейбани-ханом. Наместником Хорезма был назначен Кипак-бай.

Бабур высоко оценивал храбрость Чина Суфи. Мухаммад Салих, придворный историк Шейбани-хана, отмечал также большую популярность Чина Суфи среди населения:

Много [отважных] сражений выдержал Чин Суфи.
Молва о [его] храбрости стала известна всем [40].

После покорения Хорезма Шейбани-хан, помыслы которого, по выражению Хондемира, «всегда были направлены на завоевание мира, напал на Меймен и Фараб [41], разорил и ограбил жителей. Указанные города подвергались разрушениям, их владетели были убиты... Положение населения этих стран было расстроено. Все жители возмечтали покинуть родину, и дым вздохов угнетенных вознесся выше чертога Сатурна» [42].

Эта операция войск Шейбани-хана была тактической репетицией перед сражением за Герат. Только теперь Султан Хусейн понял всю глубину своей ошибки: «Победоносный хакан (Султан Хусейн.— *С. А.*) пожалел о своей небрежности и медлительности в отношении помощи мирзе Бади-уз-Заману» [43]. Правда, согласно Мухаммаду Салиху, эта мысль пришла Султану Хусейну еще во время переговоров с посланником Чина Суфи [44].

Необходимость создания боеспособного войска для борьбы с Шейбани-ханом становилась все более очевидной. Однако этому препятствовали несогласие и раздоры среди самих Тимуридов. Султану Хусейну потребовалось немало времени, чтобы созвать в ставку одних только своих сыновей, враждовавших между собой, не говоря уже о других феодалах:

Все его сыновья враждовали,
Все его султаны враждовали,
Все были охвачены мятежом [44а].

Из сообщения Хондемира явствует, что Бади-уз-Заман прибыл в ставку Султана Хусейна в декабре 1505 г. [45]. Согласно Мирхонду [46], лишь в марте 1506 г. явился к Султану Хусейну Зуннун Аргун с войсками из Замендавара, Гаримсера, Гура, Сахира и Тулека. В Кабул к Бабуру был отправлен посланник Султана Хусейна Саид Афзал с повелением прибыть в Герат для совместного выступления против Шейбани-хана [47]. Бабур охотно подчинился: «...если (против Шейбани-хана. — *С. А.*) другие пойдут на ногах, мы пойдем на голове, и, если другие пойдут с палкой, мы пойдем с камнем» [БН, л. 163а]. В мае 1505 г. Бабур выступил из Кабула в Герат. Однако в пути ему стало известно, что Султан Хусейн скоропостижно скончался в местности Баба-Илохи (5 мая 1506 г.) [БН, л. 163б].

По данным хронистов, путь Бабура лежал из Кабула в Гур-Банд и Шиберту: миновав перевал Гумбазак, он через перевал Дандан-Шикан прибыл в окрестности Кохмерда (именно здесь он узнал о смерти Султана Хусейна). Из Кохмерда

через ущелья Аджар и Туб Бабур спустился на берег реки Балх-об, затем поднялся на гору Кухи-Сафа. Здесь его войско соединилось с аймаками, и они вместе спустились с гор в долину Паи, прошли Гарзуван, Аджар, Кайсар и Чечекту и оказались в окрестности Бадгиса. Все это расстояние было равно 200 ягачам (1600 км). Встреча с сыновьями Султана Хусейна произошла 27 октября на берегу реки Мургаб. Таким образом, путь от Кабула до Мургаба занял у Бабура пять месяцев. В пути он узнал о смуте в Кабуле, зачинщиком которой был его двоюродный брат Мирза-хан.

Прибыв в ставку Бади-уз-Замана, Бабур стал свидетелем растерянности и испуга, охвативших правящую верхушку державы Тимуридов. Хорезм, Балх и прилегающие области находились в руках Шейбани-хана, в Кундузе, Шапуркане, Фарабе и Ишкамише сидели его вассалы. Однако, узнав о прибытии на берег Мургаба Бабура и хорасанских султанов, Шейбани-хан быстро покинул Балх, переправился через Амударью и направился в сторону Мавераннахра [48]. Очевидно, что он стремился избежать встречи с объединенными силами Тимуридов.

Однако среди самих Тимуридов не было единодушия по вопросу об организации отпора врагу. Например, эмир Зуннун заявил, что второго такого случая собрать все силы не представится, поэтому нужно не упускать возможности и напасть на Шейбани-хана. Однако другой эмир — Мухаммад Бурундук, пользовавшийся большим авторитетом при дворе Музаффара Хусейн-мирзы, сына Султана Хусейна, вел совсем иную политику. Под тем предлогом, что, если Султан Хусейн отправится в поход и покинет столицу, на Герат может напасть наместник Хорезма Кипак-бай, Мухаммад Бурундук уговорил союзников отложить до весны выступление против Шейбани-хана. Более всего он боялся утерять свое влияние при дворе, а от этого зависела в конечном счете и судьба его владений.

Как бы то ни было, по свидетельству автора «Равзат ас-сафа», среди хорасанских султанов произошел разброд: Ибн Хусейн-мирза ушел в округа Тун и Каин, Абул-Мухсин-мирза — в Мерв, родственники Зуннуна Аргуна также изъявили желание покинуть лагерь, да и остальные отправились каждый в свою сторону. Бабур и его эмиры, убедившись, что в такой ситуации создание сильной коалиции против Шейбани-хана невозможно, покинули Герат и поспешно отправились в Кабул, чтобы восстановить там порядок и наказать мятежников.

Тем временем Шейбани-хан, получив известие, что Бабур ушел из Герата, в мае 1507 г. стремительно переправился в Керки, овладел Анхудом, а затем и Бадгисом. 17 мая передовые отряды кочевых узбеков появились в предместьях Герата. Почти не встречая сопротивления, Шейбани-хан захватил далее Джам, Мешхед, Кандагар и взятием Астарабада завершил

весной 1508 г. присоединение владений Султана Хусейна к своей державе. Один из наследников Султана Хусейна, Бади-уз-Заман, бежал в Азербайджан, а оттуда перебрался в Турцию — в Стамбул.

Бесспорно, феодальные раздоры в государстве Султана Хусейна во многом обусловили крах империи Тимуридов, однако, на наш взгляд, главной причиной легкой победы Шейбани-хана было фактическое неучастие народа в сопротивлении захватчикам [49].

Вспоминая свой поход в окрестности Бадгиса в 1506/07 г., Бабур с полной откровенностью рассказывает: «... мы пришли в местность Дара-и Бам, в пределах Бадгиса. Так как это был мир, полный раздоров и всякий грабил и тащил что-нибудь из страны и у населения, то мы также, со своей стороны, обложили данью аймаков и тюрков, обитающих в тех местах, и начали кое-что забирать; за месяц или два месяца было, наверное, добыто три тысячи кабекских туманов» [БН, л. 185а].

Из сообщений Мирхонда мы узнаем, что в этот же период районы Бадгиса подверглись нападению войск Шейбани-хана. «После смерти хакана Мансура (Султана Хусейна. — *С. А.*) Шейбани-хан, который долгие годы ждал такого удобного момента, переправляет многочисленную армию через Амударью к берегам Мургаба и подвергает этот район опустошению, а часть своего отряда направляет в Мерв к границам Бадгиса и тоже подвергает их опустошению» [50]. Нападение войск Шейбани-хана на прилегающие к Бадгису районы датируется маем 1506 г. А вслед за Шейбани-ханом в Бадгис вступило войско Зуннуна Аргуна и его сыновей и присоединилось к основной части армии Бади-уз-Заман-мирзы [БН, л. 185а].

Таким образом, в течение короткого времени Бадгис и близлежащие районы трижды подвергались нападению со стороны борющихся за власть феодалов. А народу нужны были мирная жизнь и нормальные условия для труда, ему было безразлично, кто из враждующих сторон победит. Трудящиеся массы одинаково страдали от притеснений Тимуридов и набегов Шейбани-хана. Войны только разоряли страну и ее население, принося выгоды лишь тем феодальным правителям, которым удавалось на время торжествовать победу.

А. Н. Болдырев приводит в своей книге о Васифи примечательные эпизоды из жизни гератской аристократии того периода, свидетельствующие об огромных богатствах некоторых феодалов. Согласно Васифи, «в 913 г. х., в день ашура (т. е. май 1507 г. — *С. А.*), в доме эмира Шах Вали (молочного брата Хадичи-бегим. — *С. А.*) происходило пиршество. Эмир Шах Вали был весьма значительным лицом при дворе Султана Хусейна. Все эмиры повиновались ему и рассчитывали на его благоволение. Весть о том, что Шейбани-хан стремительно идет в Герат, пришла в то время, когда пир в доме Шах Вали был

в разгаре. Эмир Зуннун Аргун выехал с десятитысячным войском для встречи Шейбани-хана. Встреча с врагом произошла в местечке Тарнаб, расположенном в одном фарсахе [51] от Чилдухтарона. В неравной схватке с врагом войско Зуннуна Аргуна было разгромлено, а он сам захвачен в плен, а затем убит. Воины Шейбани-хана, надев голову Зуннуна Аргуна на копье, стремительным маршем взяли курс на Герат. Эта весть быстро облетела Герат и прилегающие к нему районы, и многие вельможи страны... бежали, как робкие ослы перед львом» [52]. Принял решение бежать и Шах Вали, но не с пустыми руками. Васифи, присутствовавший при сборах Шах Вали, рассказывает: «Мы вошли в сокровищницу, где стояло десять сундуков. Мы открыли их. Пять сундуков были наполнены серебряными монетами, два — золотыми, один сундук был полон драгоценными рукоятками, ножами, кинжалами и мечами. В двух остальных были рубины, топазы, изумруды, яхонты и жемчуг» [53].

Как свидетельствует Васифи, после гибели Зуннуна Аргуна Герат был охвачен паникой: царевичи Бади-уз-Заман и Музаффар Хусейн бежали, оставшиеся в городе и не помышляли о том, чтобы продолжать сопротивление. Хадича-бегим собрала в городском саду всех вельмож, деятелей духовенства и старейшин Герата и попыталась убедить их с оружием в руках защищать город. Но это предложение было отвергнуто. Хадиче-бегим пришлось признать бесполезность дальнейшей борьбы. Феодальная верхушка во главе с шейх-ал-исламом приняла решение добровольно сдать ключи от города Шейбани-хану, надеясь, что это поможет избежать грабежа населения. Виднейшие представители гератской знати вручили ключи от города, а также дорогие подарки Шейбани-хану. «Хан оказал такой почет шейх-ал-исламу, что трудно даже представить, и потребовал к себе жену Музаффара Хусейна» [54]. Гератские вельможи подтвердили, что Музаффар Хусейн дал своей жене развод. Васифи замечает, что «это было верно, однако вслед за тем он снова на ней женился» [55]. Но от Шейбани-хана это скрыли, и он женился на жене Музаффара Хусейна. Судя по всему, почти никто из представителей феодальной верхушки, сдавших Герат Шейбани-хану, не пострадал. В частности, эмир Ядгар Кукельташ, отец Шах Вали, о котором говорилось выше, стал влиятельным лицом при дворе нового государя.

Однако Ядгар Кукельташ и Хадича-бегим не особенно верили в прочность своего положения при Шейбани-хане и на всякий случай решили припрятать накопленные драгоценности, для чего попросили Васифи помочь им. «Бегим приказала, — пишет Васифи, — чтобы никого не подпускали к шатру. Они открыли один из сундуков. В нем оказались 40 сундучков, полных драгоценными камнями. Я положил их в мешки и сумки. Она открыла сундук с платьями и вытащила оттуда халаты,

расшитые золотом и драгоценными камнями от воротника до подола. При этом эмир Ядгар заметил: „Этот халат стоит тридцать тысяч танга“» [56].

Приведенные факты с достаточной очевидностью показывают уровень богатства феодальной знати тимуридского государства, жившей за счет обездоленного народа.

Глава V

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАБУЛЬСКОГО УДЕЛА

Описание города Кабула, данное Бабуром, содержит немало ценных сведений и во многом совпадает с наблюдениями этого города европейскими путешественниками XIX и XX вв. При этом, хотя географические и топографические сведения «Бабур-наме» не подкреплены цифрами, они вполне достоверны.

«[Область Кабула] — небольшая область; очертания ее продолговатые, вытянутые в длину с востока на запад. По краям и границам ее везде горы; крепость Кабула примыкает к горам» [БН, л. 128а].

Арка (цитадель) Кабула «Бала-и Хисар» была построена на самом возвышенном месте, в горах Укабайн. Перевалы Хавак и Шиберту служили важнейшими пограничными рубежами между Кабульским уделом Бабура и владениями его соседей. Город Кабул был расположен в весьма удобном для обороны месте, так как с одной стороны он примыкал к отрогу Гиндукуша, называемому Шах-и Кабули, а к югу от крепости и к востоку от Шах-и Кабули находилось большое озеро окружностью около одного шери[1]. В горах выше озера раскинулись три живописные долины: Сиях-Санг, Сунак-Курган и Чалак. Бабур, восхищаясь природой Кабула, приводит стихотворение муллы Мухаммада Талиба Муаммаи в честь Бади-уз-Замана:

> Пей вино в арке Кабула — пускай чаши вокруг одну за другой.
> Ибо там и гора, и река, и город, и пустыня [БН, л. 129а].

В своем описании географических и климатических условий Кабульского удела Бабур особое внимание уделяет природным богатствам, имеющим значение для ведения хозяйства, выявлению экономических ресурсов этого района.

Характерно, например, следующее описание: «Андарабские, Хостские и Бадахшанские горы все покрыты арчой, изобилуют источниками; трава на горах, на холмах и в долинах одинаковая, хорошая. Больше всего там травы буте-ках, это очень подходящая для коней трава... Горы Ниджрау, Ламганата, Баджаура и Савада — это горы, где много сосны, пинии, дуба, масли-

ны и мастикового дерева; трава там... густая и высокая, но это бесполезная трава: она не годится для коней и овец» [БН, л. 140б]. И еще одно, относящееся к горному массиву на запад от Кабула:

«Пастбища в большинстве случаев расположены в долинах; трава в горах и на холмах не такая, как на северных горах; таких густых деревьев и арчи там тоже нет, но зато трава там полезна для коней и овец; поверхность этих гор вся удобна для езды на коне, все поля расположены на горах» [БН, л. 141а].

Интересным образцом наблюдательности Бабура является его сравнение северных отрогов Гиндукуша с южными: «Хотя эти горы по высоте не таковы, как [описанные выше], и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется, будто это пологие холмы, а между тем каждая гора и холмик очень круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне» [БН, л. 140б].

Примечательно, что неприступность афганских гор привлекла внимание и английского лейтенанта А. Борнса, чиновника Ост-Индской компании, в 1832 г. проезжавшего по тем же районам страны, о которых писал Бабур. В своих путевых записках Борнс отмечал: «Вид с вершин горного ущелья, когда мы спускались в долину реки Кабул, был превосходен. Недалеко от этих мест в Баджауре есть отдельная скала... и говорят, что она высока и сильна своим положением и столь обширна, что может производить достаточное количество хлеба для содержания гарнизона, кроме того, имеет обильный источник воды» [2].

Оценивая природные ресурсы Афганистана (а миссия английского чиновника была не только дипломатической, но и разведывательной), Борнс указывал, что горы состояли из песчаной породы, на вершинах виднелись залежи кварца, «горные породы ложа реки Кабула состояли из гранита, а выше деревни Даки имелась формация слюды» [3].

Сопоставимы и некоторые другие наблюдения Бабура и Борнса. Например, последний рассказывает, что «между Джалалабадом и горами в стране Ламган жители указывают на гробницу Лама (Ламеха), отца Ноя; некоторые относят это место ко временам кафиров, а добрые магаммедане довольствуются верованием, что это — гробница одного из пророков и что на всей земле есть только три ей подобных» [4]. А вот что писал Бабур: «Могила великого Лама, отца святейшего пророка Нуха, находится в тумане Алишанг. В некоторых летописях великого Лама называют также Ламак и Ламекан. Часто приходилось замечать, что жители этой страны в некоторых случаях вместо [буквы] к а ф произносят г а й н. Вероятно, по этой причине область и называется Ламган» [БН, л. 133а]. Данные Борнса позволяют определить, что Ламганатский ви-

лайет Кабульского удела находился в районе современного Джалалабада.

Обращает на себя внимание, что в противоположность обширной информации, которую приводит Бабур о природных условиях Кабула, его данные об административном устройстве этого удела весьма скудны. Он даже не очерчивает точно границ четырнадцати туманов, на которые делился в начале XVI в. Кабульский удел, ничего не сообщает о зависимости их от центральной власти. К сожалению, материалов на эту тему нет и в доступных нам персоязычных исторических хрониках.

О Кабульском уделе Бабура, его важнейших городах и экономической жизни в XVI в. рассказывает также автор географического сочинения «Хафт Иклим», написанного вскоре после «Бабур-наме». Как уже отмечалось выше, данные «Хафт Иклим» и «Бабур-наме» во многом совпадают, и, по-видимому, Амин Ахмад Рази заимствовал часть своих сведений из воспоминаний Бабура. Нет новых сведений о Кабульском уделе и в таких географических сочинениях XVI в., как «Равзат-ул-джаннат» [5], описывающем территорию государства Султана Хусейна, а также и в другом географическом сочинении «Аджайиб-ат-табакат» [6].

Исключение составляют Кандагар и отчасти Газни. Об этих древнейших городах во всех трех трудах приведены более подробные сведения, которые хотя и совпадают частично с данными Бабура, но содержат и оригинальные дополнения, особенно «Аджайиб-ат-табакат».

Анализ сведений «Бабур-наме» и ряда других источников XVI—XVII вв. приводит к выводу, что в начале правления Бабура в Кабульском уделе большинство из четырнадцати туманов фактически ему не подчинялось. Двор Бабура довольствовался только теми налогами, которые собирались с прилегающих к Кабулу районов. Вся остальная часть этой области была, по существу, независима.

Самым большим по территории и наиболее развитым экономически был Ламганатский вилайет. Расположенный к востоку от Кабула, он включал в себя пять туманов и два булука. Одним из важнейших в экономическом отношении районов Ламганатского вилайета считался туман Нингнахар, находившийся на расстоянии 30 ягачей к востоку от Кабула. Центром Нингнахара был город Адинапур. Бабур дает довольно полную характеристику этому туману. Граница между туманом Нингнахар и Кабулом проходила по перевалу Бадам-Чашме, и по климатическим условиям эти районы были совершенно противоположны: например, если по одну сторону перевала шел снег, то с другой — снега не было. «Миновав этот перевал, — пишет Бабур, — человек видит [совсем] другой мир: деревья — другие, травы — другие, животные — другие; нравы и обычаи у жителей — другие. В Нингнахаре девять рек; рис и

пшеница там хорошие; апельсинов, лимонов и гранатов много, и они тоже хороши» [БН, л. 132а]. Южнее крепости Адинапура, над рекой, Бабур разбил прекрасный сад Баг-и Вафа. После одного из походов в Индию Бабур привез и посадил там также сахарный тростник и бананы.

Туман Алишанг примыкал к тем районам Гиндукуша, где жили горные племена. Ближайшим к Алишангу туманом был Алангар, расположенный в горах Ковара. Реки Алишанг и Алангар впадали в реку Баран, которая, в свою очередь, протекала через территорию тумана Мандавар. В состав этого тумана входил булук Дара-и Нур, который находился в долине и имел крепость, построенную на выступе горы. Многочисленные сады Дара-и Нура украшали виноградные лозы, встречались и финиковые пальмы [БН, л. 133б]. Здесь собирали богатый урожай апельсинов, лимонов и гранатов. В XVI в. Ламганат славился вином из Дара-и Нура.

Животный мир Нингнахара был богат и разнообразен. Так как этот туман граничил с Индией, то его флора и фауна были типичны для жаркого климата субтропиков. В горных долинах водились обезьяны, особенно много их было в пограничных районах. Точность сведений Бабура и меткость его наблюдений доказывают исследования Афганистана русскими учеными Н. Вавиловым и Д. Букиничем в начале XX в. «На высоте 600—800 м на значительном протяжении к востоку и западу от Джалалабада и в особенности около самого города расположены прекрасные рощи апельсинов и лимонов, группы финиковых пальм с вызревающими плодами, сады с богатейшей субтропической растительностью, аллеи из пирамидальных кипарисов, магнолии, жасмины, древовидная клещевина, древовидный тамариск. На полях видны южные субтропические культуры, сахарный тростник... Клочок ландшафта Индии как бы перенесся случайно в соседний суровый горный Афганистан» [7].

Столицей тумана Кунар, расположенного на востоке Кабульского удела, был город с таким же названием. Этот туман был расположен к северо-востоку от современного Джалалабада, в среднем течении Кунардарьи. Между Кунардарьей и Савадом находился другой туман — Нургил. Территория обоих, вместе взятых, была равна территории Ламганатского тумана. Население Нургила занималось в основном скотоводством, земледелие было развито слабо.

Булук Чакан-Сарай, согласно Бабуру, не играл существенной роли в экономике страны. В частности, он пишет: «Еще один булук — Чакан-Сарай. Там всего одно селение, это небольшая местность... В самом Чакан-Сарае нет ни винограда, ни садов...» [БН, л. 134б]. Северные его районы прилегали к горным областям. На северо-востоке с Чакан-Сараем граничил округ Пич, где жили кочевые племена, которых Бабур назы-

вает кафирами, т. е. «неверными». По-видимому, жители Чакан-Сарая были в дружественных отношениях с этими племенами, враждебными Тимуридам, ибо Бабур отмечает: «Когда я брал Чакан-Сарай, кафиры из Пича помогали его жителям» [БН, л. 134б].

Дорога из Чакан-Сарая в Кабул проходила через перевал Пич. О ней упоминает, в частности, современный афганский историк Кохзад в связи с нападением Камран-мирзы, сына Бабура, на Кабул [8].

Туман Ниджрау, расположенный в относительном удалении от Кабула, был фактически независимым. Он находился (по данным Бабура) в горах на северо-восток от столицы Кабульского удела. «Горы позади Ниджрау сплошь населены кафирами. Это глухая, уединенная местность. Винограда и плодов там много, вина тоже немало... Зимой там откармливают кур. Жители Ниджрау — винопийцы, безмолитвенники, не знают страха [перед грехом] и подобны язычникам» [БН, л. 135а]. Можно предположить, что Бабур так и не сумел добиться от населения этого тумана полной покорности.

Туман Панджхир, хотя и являлся административной единицей Кабульского удела, однако на самом деле, согласно «Бабур-наме», целиком находился под контролем афганских племенных вождей. Иногда кабульским правителям удавалось на время упрочить свое влияние в этом тумане, но, как правило, его политическое положение определялось территориальной близостью с владениями кочевых племен.

Соответствующий отрывок из «Бабур-наме» М. Салье переводит так: «Панджхир лежит вдоль дороги, очень близко от земли кафиров. Разбойники-кафиры проходят через Панджхир и, вследствие близости к Панджхиру, даже берут с него налог» [БН, л. 135б]. Однако этот текст следует читать, как нам представляется, следующим образом: «Панджхир расположен вдоль дороги и близок к стране кафиров, и [все] разбойники-кафиры приходят из Панджхира вследствие близости [Панджхира] к стране кафиров; с него также [берется] налог меньше». Сходным образом переводится это место у Абдуррахим-хана. А вот как выглядит интерпретация того же отрывка в персидском переводе «Бабур-наме», опубликованном афганским ученым Суруром Гуе: «Другой туман является Панджхиром. Панджхир расположен вдоль дороги, близ Кафиристана, и разбойники приходят в Панджхир из-за его близости к странам кафиров. С него также берется меньшая [подать]» [9].

Туман Гур-Банд был расположен в горах к северо-западу от Кандагара. Бабур пишет: «В тех землях горный перевал называют „банд“. В сторону Гура идут через перевал; вероятно, по этой причине и говорят: „Гур-Банд“» [БН, л. 135б].

Гур-Банд, подобно Панджхиру, считался малодоходным туманом. Живущие здесь хазарейцы и другие кочевые племена

занимались скотоводством и бахчеводством. Налоги, взимаемые с населения этого района, были незначительны, ибо земля здесь была непригодна для земледелия. С другой стороны, кочевые племена отличались свободолюбием и стремлением к независимости, почему Бабур и заключает, что «так как все названные деревни (Гур-Банда.— *С. А.*) расположены на склонах гор и в горах, то хотя подати и вносятся, но в этом отношении они дают немного» [БН, л. 135б].

Данные Бабура подтверждает автор книги «Равзат-ул-джаннат». По его сообщению, Гур-Банд в эпоху Султана Хусейна находился в состоянии упадка. Когда-то грозные крепости и замки стали развалинами, а о его прежнем расцвете сохранились лишь воспоминания [10].

В Гур-Банде находились серебряные рудники и залежи лянис-лазури. 12 деревень изобиловали фруктовыми деревьями. Гур-Банд славился также своим вином. Между горами и рекой Баран, в долинах Курра-и Тазиян и Дашт-и Шейх, сеяли просо. На склонах гор росли тюльпаны. «Как-то раз я велел их сосчитать,— пишет восхищенный Бабур,— оказалось тридцать два или тридцать три сорта необыкновенных тюльпанов. Там есть один сорт тюльпанов, от которого идет легкий запах красной розы; мы называли его „тюльпан с запахом розы“» [БН, л. 136а].

Долины Курра-и Тазиян и Дашт-и Шейх разделяла небольшая гора, по склонам которой располагалось немало деревень. Среди них живописностью и обилием фруктов выделялись Истилаф и Астартача. Из-за красоты этих деревень Улугбек Кабули первую назвал Хорасаном, а вторую — Самаркандом [БН, л. 136б]. Деревня Пагман выделялась чудесным воздухом. Через Пагман протекала большая река, по обоим берегам которой тянулись сады. Вода в ней была очень холодной. В Пагмане, как и в Истилафе, было немало прекрасных садов; Бабур особо отмечает сад, который при нем носил название «Баги Калан»: «Перед садом растут большие чинары; под чинарами тянется зеленая, приятная, тенистая лужайка. Посреди сада постоянно течет ручей, на берегах этого арыка растут чинары и другие деревья. Раньше этот арык тек извилисто, криво и неровно. Я приказал его выровнять и выпрямить; очень хорошее получилось место» [БН, л. 136б]. Поодаль находился источник Се-Ярон, рядом с которым росли чинары, дубы и аргуваны, почему это место и называется Се-Ярон, т. е. «три друга».

Еще один туман — Лахутар. Он также был малодоходным. Бабур отмечает только селение Чарх, где росли фруктовые деревья [БН, л. 137б].

Туман Газни был расположен в месте впадения реки Газни в озеро Аб-и-истода. В персидских источниках Газни была известна под названием Забулистан. Как полагает В. В. Бар-

тольд, это название связано с этнонимом какого-то исчезнувшего народа [11].

В Газни некогда находилась столица Газневидов и Гуридов, но во времена Бабура это был всего лишь один из рядовых туманов Кабульского удела. Бабур с недоумением пишет: «Газни весьма незначительная область. Я всегда удивлялся, почему государи, которым были подвластны Хиндустан и Хорасан, владея такими землями, сделали столицей столь ничтожное место» [БН, л. 138б].

В период правления Газневидов здесь были сооружены три плотины. Вот что пишет об этом Бабур: «На реке Газни, в трех ягачах к северу от города, выше по реке, Султан (Махмуд Газневи.— *С. А.*) построил большую плотину. Высота этой плотины сорок или пятьдесят кары [12], длина — около трехсот кары. Воду там накапливают и по мере надобности пускают на посевы. Ала-ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, сломал плотину, сжег множество могил потомков Султана, разрушил и сжег город Газни, а жителей ограбил и перебил» [БН, л. 138б].

Другая плотина — Сахан — была расположена к востоку от Газни. Она находилась в двух-трех ягачах от Газни и также была разрушена. Третья, уцелевшая плотина — Сар-и-Дех. Таким образом, из трех плотин, игравших ключевую роль в экономике Газни, в начале XVI в. уже две практически не действовали. Однако плодородность земли здесь была значительно выше, чем в остальных районах Кабульского удела.

Свидетельство «Бабур-наме» о высокой урожайности газнийских земель подтверждает Мухаммад Исфазари: «Из города Газни, лежавшего между Кабулом и Кандагаром в самом сердце Соломоновых гор, в большом количестве вывозилась в другие области так называемая „джильгуза“» [13].

Однако труд крестьянина здесь был крайне изнурительным. Бабур сообщает: «Сеять [в Газни] очень трудно; все пространство, которое засевают, каждый год приходится заново покрывать землей» [БН, л. 138а]. Но как бы то ни было, область рассматривалась как своего рода житница. Здесь выращивали марену, которая наряду с яблоками и виноградом являлась основным предметом экспорта.

Центром тумана Зармут был город Гардиз. Зармут находился в 12—13 ягачах к югу от Кабула и в 7—8 ягачах к юго-востоку от Газни. Он был сравнительно невелик, включая всего 8 селений, жители которых занимались исключительно земледелием. В отличие от других туманов в Зармуте не было больших фруктовых садов.

О тумане Банкаш Бабур сообщает лишь только то, что «вокруг него живут одни разбойники-афганцы [из племен] хугиани, хирильчи, тури и ландар. Они обитают как бы в стороне и поэтому не платят податей добровольно... когда найдется

время, Банкаш и его разбойники, несомненно, будут усмирены» [БН, л. 139б]. Судя по этому высказыванию, туман Банкаш фактически был независимым от Тимуридов.

Кроме четырнадцати туманов в состав Кабульского удела Тимуридов входило еще два булука, непосредственно примыкавших к Кабульской области. Первый — Ала-Сай — был расположен к востоку от тумана Ниджрау на расстоянии в 2—3 шери. Он изобиловал гранатами и виноградом, которые наряду с красным вином экспортировались в Хиндустан [БН, л. 140а].

Рядом с Ала-Саем был расположен другой булук — Бадрау. Жители Бадрау были земледельцами. Они выращивали пшеницу, о других культурах Бабур не упоминает. По-видимому, в Бадрау не было орошаемых пахотных земель.

Жителей этого булука Бабур называет «неверными» — «кафирами», они были в основном оседлыми земледельцами. Кроме них, по-видимому, здесь жили еще кочевники-скотоводы, которых Бабур сравнивает со среднеазиатскими тюрками и аймаками: «Как в Хорасане и Самарканде кочуют тюрки и аймаки, так в этой области кочуют хазарейцы и афганцы. Из хазарейцев там больше всего [представителей племени] Султана Масуда, из афганцев больше всего мехмандов» [БН, л. 140а].

Из сказанного видно, что жители Афганистана первой четверти XVI в. занимались земледелием, скотоводством, садоводством и бахчеводством. Они сеяли пшеницу, рис (в большом количестве), выращивали сахарный тростник и другие культуры. Урожайность в Кабуле была значительно ниже, чем в Газни и соседних с этой областью районах. В садах Кабула и Газни, Нингнахара и Ала-Сая жители выращивали разнообразные фрукты и овощи. Бабур отмечает, что в примыкающих к Кабулу туманах он наблюдал два способа изготовления вина: холодный — путем брожения и другой — при помощи кипячения.

Бабур не называет общей суммы доходов, поступавших в казну его государства, отмечая лишь, что налоговые поступления были незначительными. Это объясняется тем, что некоторые туманы Кабульского удела, расположенные в горных районах, были малодоступными для его чиновников, другие же, граничившие с Кафиристаном, хотя и входили номинально в состав его государства, но фактически оставались независимыми. Почти ни один туман не имел твердо зафиксированной суммы налогов, которую бы с него следовало взимать. Только с Кабула и примыкающих к нему районов размер налога был стабилен и составлял во времена Бабура восемь лаков шахрухи [БН, л. 140а], включая также налог с пахотных земель, пошлину и сбор с кочевников.

Глава VI

ОТНОШЕНИЯ БАБУРА С АФГАНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Рассказывая о населении Афганистана в 1504/05 г., Бабур отмечал: «В Кабульской области живут различные племена. В долинах и равнинах живут аймаки, тюрки и арабы; в городе и некоторых деревнях живут сарты, в других деревнях и областях обитают [племена] пашаи, параджи, таджики, бирки и афгани. В горах Газни живут племена хазаре и никудери; среди хазарейцев и никудерийцев некоторые говорят на могольском языке.

В горах к северо-востоку находятся селения кафиров, например Катур и Гибрик, на юге — поселения афганцев.

В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашаи, параджи, гибри, бирки, ламгани. Ни в какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках» [БН, л. 131а, 131б].

Сразу после того, как Бабур стал правителем Кабульского удела, ему пришлось налаживать отношения с многочисленными племенными объединениями, кочевавшими либо оседло жившими в этом районе. Начал он с племен хазарейцев и аймаков.

Согласно выводам советского историка И. М. Рейснера, а ранее — Н. Ханыкова, хазарейцы пришли на территорию нынешнего Афганистана в XIII в., спасаясь от нашествия монголов, и поселились в центральном нагорье Гиндукуша. Во времена Бабура они уже говорили по-таджикски. Название «хазар» (букв. «тысяча») они получили по одному из существовавших тогда военно-территориальных делений [1].

Бабур, так же как и многие другие средневековые историки, ничего не сообщает о времени и причинах переселения хазарейцев в названные области, а также о взаимоотношениях их с соседними племенами, в частности с аймаками. Но, судя по данным позднейших исследователей, хазарейцы и аймаки имели общее происхождение, на что указывают сходные черты в их быте и культуре.

В XIX в., по сообщению английского путешественника Дж. Вуда [2], эти племена занимали территорию от Кабула до

Гурбандской долины. Хазарейцы заселяли восточные районы, а аймаки — западные.

Данные о хазарейцах мы находим также в трудах зарубежных путешественников, посещавших территорию Афганистана в XIX и XX вв. с различными целями (научными, разведывательными или дипломатическими). Их сведения об афганских племенах относятся непосредственно к значительно более позднему периоду, чем время Бабура. Однако использование их свидетельств наряду со скупыми и разрозненными сообщениями более ранних источников дает дополнительный материал о передвижениях и местах расселения афганских племен. Важное значение имеют сведения В. Муркрофта и Дж. Требока[3], А. Борнса[4], Мохана Лала[5], Вуда и Ч. Массона[6], Дж. П. Феррьера[7], Х. Дж. Раверти, А. Каннолина и др.

В частности, большое внимание вопросам жизни и быта хазарейцев уделил М. Элфинстон, посвятивший этому специальную главу[8]. Данные Элфинстона по сравнению с данными Вуда более конкретны. Элфинстон пишет, что племена хазарейцев и аймаков живут в Парапамизских горах между Кабулом и Гератом на территории в 300 миль в длину и около 200 миль в ширину. По Элфинстону, к северу от хазарейцев жили узбеки, а к югу от них — дурани и гильзаи. Занимались хазарейцы исключительно скотоводством, в частности разводили породистых длинношерстных овец. Элфинстон отмечает, что они питались только мясом: бараниной, говядиной и кониной; одним из любимых блюд всех кочевых племен Афганистана, в особенности хазарейцев, был сыр.

По сообщениям И. П. Минаева, большинство хазарейцев были мусульманами-шиитами и в связи с этим враждебно относились и к своим северным соседям-узбекам, и к аймакам, которые были суннитами. Он писал: «Все хазарейцы — поклонники Али и ненавидят афганцев, аймаков и узбеков. Всякого суннита, пришедшего в их страну, они оскорбляли, иногда даже преследовали»[9]. В XIX в. они, как и аймаки, жили в палатках от двадцати до двухсот в каждой деревне. В каждой деревне были башня, в которой могли разместиться от десяти до двадцати человек, и барабан, у которого постоянно дежурил специальный сторож, чтобы вовремя поднять тревогу в случае нападения. Еще в XIX в. сохранялись родо-племенные отношения. Вожди племен — султаны — сосредоточивали в своих руках всю полноту власти. Они налагали штрафы, заключали в тюрьму, а также приговаривали к смертной казни[10].

Согласно сообщениям Борнса, «хазарейцы не имеют понятия о деньгах и почти не знают их цены. Всякую вещь можно достать у них в обмен на грубую ткань, шелк, гребни и прочее»[11]. Минаев отмечает у хазарейцев «большие потребности на сахар и соль»[12]. По свидетельству Вуда, жители Кабула осуществляли меновую торговлю с хазарейцами: «Из Кабула

сюда являются меновщики и выгодно приобретают ковры местного производства, войлок и масло»[13]. По данным Минаева, у хазарейцев в изобилии имелись медь и сера.

Бабур, едва установив свою власть в Кабульском уделе, в 1504/05 г. послал к хазарейцам сборщиков налогов за данью. Однако те отказались подчиниться. «С хазарейцев [из рода] Султана Масуда мы потребовали много коней и баранов, и к ним были посланы сборщики. Через несколько дней от сборщиков пришло известие, что хазарейцы не платят подати и встали на путь неповиновения» [БН, л. 144б].

Бабур не останавливается подробно на том, почему хазарейцы оказали сопротивление его чиновникам, как и на их отношениях с предшествующими правителями Кабула. Рассказывая о своем карательном походе против хазарейцев, Бабур лишь упоминает, что они и ранее неоднократно грабили людей на дорогах Гардиза и Газни. Это наводит на мысль, что хотя хазарейцы и считались данниками Кабула, но на самом деле стремились всячески уклониться от уплаты податей. Смена же власти в Кабуле, возможно, и показалась им удобным моментом для того, чтобы открыто выступить за свою независимость. Однако Бабур в то время испытывал острую нужду в средствах, необходимых прежде всего для содержания большой и дисциплинированной армии. Именно поэтому он не мог допустить отпадения хазарейцев.

В книге «Народы Передней Азии», подготовленной сотрудниками Института этнографии АН СССР, правильно, на наш взгляд, характеризуются отношения хазарейцев с феодальными государствами Афганистана. Авторы этого исследования приходят к заключению, что, хотя правители Кабула, Кандагара и Герата вплоть до 1892 г. неоднократно предпринимали усилия подчинить их своей власти[14], никто из них не смог успешно решить этой задачи. В лучшем случае им удавалось на время обложить хазарейские племена налогами. По всей вероятности, не удалось покорить хазарейцев и Бабуру. Совершенно очевидно также, что они никогда не поддерживали Бабура в его военных походах.

Иной характер носили отношения Бабура с аймаками, с которыми он впервые встретился в местности Сар-Аб и быстро нашел общий язык. С первых же дней они активно поддержали Бабура. Бабур рассказывает об их сражении с братом Хосров-шаха Вали-беком в Сар-Аб. Аймаки преградили последнему путь и помешали его отряду переправиться в Хорасан. Вали потерпел поражение и был вынужден бежать к узбекам [БН, л. 125б].

Когда Бабур находился на подступах к Кабулу, в местности Ак-Сарай, к нему присоединилось большое количество нукеров Хосров-шаха. Их было пять или шесть отрядов; в один из них входили исключительно бадахшанцы. Любопытно, что

этим отрядом командовал человек из племени руста хазара, по имени Сиди Али Дарбан [БН, л. 125б], а другой отряд включал только аймаков из областей Йиланчик, Никудари, Кашкал и Кундуз. По-видимому, Сиди Али Дарбан был родом из Бадахшана и не имел отношения к хазарейцам, жившим на территории Афганистана, поскольку племя руста хазара состояло из тех хазарейцев, которые вели оседлый образ жизни на территории Бадахшана и в значительной степени ассимилировались с местным населением. Как сообщает Бабур, среди руста хазара было немало испытанных военачальников, подобных Сиди Али Дарбану.

Конечно, Бабур не ставил своей целью описание образа жизни многочисленных кочевых племен, населявших в XVI в. территорию современного Афганистана. Данные «Бабур-наме» по этим вопросам весьма отрывочны. Обнаружение и систематизация подобных сведений — труд весьма кропотливый, однако чрезвычайно ценный, так как в никаком другом историческом сочинении XVI в. мы не найдем столь достоверных данных. Сообщения Бабура содержат меткие и точные характеристики быта и попытки, пусть даже несовершенные, анализа социальных отношений у афганских племен.

Бабур отмечает, что в тумане Лахугар живут племена, которых в Кабуле называют афган-шал. Но, по всей вероятности, продолжает он, правильное название их афган-шиар. Кочевые племена афган-шал жили также в тумане Зурмут (который, по свидетельству Бабура, был расположен к югу от Кабула и к юго-востоку от Газни и включал семь селений). Они занимались исключительно земледелием.

В настоящее время не представляется возможным создание точной карты расселения афганских племен в XVI в. и установление их численности. По данным «Бабур-наме» можно предположить, что в тот период в Кабульском уделе насчитывалось около трех десятков афганских племен. Наиболее крупными племенными объединениями, игравшими значительную роль во внутриполитической жизни Афганистана, на наш взгляд, были следующие: хильджи, пашаи, тури, хугиани, куди, гурани, вазиры, юсуфзаи, дилакзаи, сур, галча, нухани, хизрхайл, шмухайл, мехманди, исахайл, таркалани, фармули, мухаммадзаи, гагиани и др. В целом, судя по разрозненным сведениям «Бабур-наме», названные племена в XVI в. находились на более низкой ступени развития по сравнению с некоторыми другими народностями Кабульского удела. Как мы уже упоминали, у них господствовали родо-племенные отношения. Большинство этих племен, обосновавшись в труднодоступных ущельях, были совершенно оторваны от культурных оазисов страны. Свои жилища (которые Бабур называет «сангар») горцы строили весьма примитивно, из обломков камней.

Итак, часть афганских племен, живших вблизи земледель-

ческих районов, в какой-то степени ощущала влияние господствовавших там товарно-денежных отношений, благодаря чему их образ жизни резко отличался от образа жизни тех племен, которые селились в отдаленных горных местностях. Последние в течение длительного времени сохраняли относительно примитивные формы экономического развития и социальной организации.

Борьба Бабура с большинством афганских племен была трудной и не дала желаемых результатов. Он писал: «Вокруг него (тумана Банкаш.— *С. А.*) живут одни разбойники-афганцы [из племен] хугиани, хирильчи, гури и ландар. Они обитают как бы в стороне и потому не платят податей добровольно. Мне пришлось осуществлять большие дела, завоевывать Кандагар, Балх, Бадахшан, Хиндустан; по этим причинам для усмирения Банкаша времени не было. С божьей помощью, когда найдется время, Банкаш и его разбойники, несомненно, будут усмирены» [БН, л. 139б]. Отметим, что эти факты не нашли отражения в исследовании И. М. Рейснера [15].

Необходимо указать, что названия некоторых афганских племен, приводимые в «Бабур-наме», не упоминаются более поздними источниками, в частности персоязычными хрониками XVII—XVIII вв. Упоминания о них отсутствуют и в «Тазкират-ул-мулук», важном документе об управлении и налоговых поступлениях (в частности, с афганских земель) в Сефевидском государстве. Не удивительно поэтому, что этих названий нет и в работах исследователей, которые пользовались соответствующими источниками. Однако вряд ли верно полагать, что отсутствие в них некоторых названий было результатом исчезновения соответствующих племен с исторической арены. Анализ имеющихся в нашем распоряжении данных говорит о том, что некоторые племена с течением времени ассимилировались с другими, более сильными племенами, в связи с чем первоначальные названия были утрачены. Только этим можно, на наш взгляд, объяснить тот факт, что приведенные Бабуром названия племен, живших в окрестностях тумана Банкаш (хугиани, хирильчи, гури, ландар), в позднейших источниках не встречаются, а фигурирует уже только одно название — племени банкаш [16]. Примечательно, что затем афганские племена в Банкаше активно поддержали движение «рошани». Это свидетельствует о том, что как при Бабуре, так и после него эти племена по-прежнему упорно сопротивлялись любым попыткам закабалить себя, признать свое подчиненное положение.

Иными были взаимоотношения Бабура с племенами мехмандов и гагиани. В случае необходимости он мог рассчитывать на помощь вождей этих племен. В «Бабур-наме» сообщается: «Как в Хорасане и Самарканде кочуют тюрки и аймаки, так и в этой области (Кабуле. — *С. А.*) кочуют хазарейцы и афганцы. Из хазарейцев там больше всего [представителей племени]

Султана Масуда, из афганцев больше всего мехмандов» [БН, л. 140а]. И далее Бабур пишет: «Когда мы ... остановились в Гарм-Чашма, ко мне привели одного из начальников (старост) племени гагиани, [по имени] Пихи, который пришел туда с караванами. Мы взяли Пихи с собой, чтобы он указывал хорошие места и дороги» [БН, л. 145б]. И еще: «В это время афганцы-гагиани были в Пешаваре; боясь моего войска, они потянулись к подножию гор. Один из их начальников, Хосров Гагиани, пришел на эту стоянку и вступил ко мне в услужение. Его тоже, как и Пихи, мы взяли с собой, чтобы они указывали нам хорошие места и дорогу» [БН, л. 146а]. Как доказательно утверждает, касаясь отношений некоторых афганских племен с правителями Могольской империи, И. М. Рейснер, «некоторые из вождей племен халилов, мехмандов, дадазаев и гагиани собирали дань для моголов и время от времени являлись к Делийскому двору, привозя с собой по возвращении грамоты на пожалование их землей и указы, освобождающие их от уплаты дани» [17].

Итак, если одни племена Бабур пытался принудить к покорности, высылая против них карательные отряды, то с другими, а именно — что очень показательно — с племенами, жившими вблизи более развитых районов, у него складывались вполне дружественные отношения. Такими племенами были: юсуфзаи, мехманды, таркалани, джилвани, урукзаи, дилакзаи.

Например, племя мехмандов полностью признало власть Бабура. При этом он взял их под свою защиту и оберегал их интересы. В 1507/08 г., когда войско Бабура выступило в поход против хильджей, некоторые спутники Бабура сообщили ему, что в Маште, в окрестностях Кабула, находятся мехманды, и сказали, что хорошо было бы напасть сначала на них. Но Бабур категорически отверг этот совет: «Разве можно!.. Не достигнув цели, ограбить своих же крестьян [18] и вернуться?! Это вещь невозможная» [БН, л. 203а].

Хорошими были отношения Бабура и с племенем таркалани, кочевавшим в окрестностях тумана Мандавар и округе Ламганат. В своих мемуарах Бабур рассказывает, как в 1519/20 г. он, приехав в Мандавар, отправился на прогулку к источнику Кингар. Затем вождь таркалани Шер-хан пригласил Бабура к себе в дом и устроил в его честь пир [БН, л. 251а].

С еще большей симпатией Бабур относился к племени урукзаев: воины этого племени принимали участие в его военных походах. Так, например, в 1525/26 г. Бабур включил группу урукзаев в отряд своего военачальника Муллы Аппака и отправил их для покорения Куила [БН, л. 296а].

Изучая отношения Бабура с различными афганскими племенами, нельзя не заметить следующую закономерность. Жившие в отдаленных горных районах племена, среди которых в большей степени сохранялись родо-племенные порядки, а про-

цесс классообразования находился в начальной стадии, оказывали Бабуру наиболее упорное сопротивление.

Так называемые «мирные» отношения устанавливались с более развитыми в социально-экономическом отношении племенами, живущими вблизи культурных оазисов. Процесс имущественной дифференциации в их среде уже привел к выделению племенной верхушки, заинтересованной в укреплении и дальнейшем развитии своей власти над соплеменниками. Это могло быть обеспечено прежде всего поддержкой их со стороны более могущественного феодала, т. е. благодаря включению их в феодальную иерархию, а территории их племени — в систему феодального землевладения. Получая поддержку центральной власти, имевшей в своем распоряжении сильный аппарат принуждения, феодализировавшаяся знать афганских племен приобретала определенную гарантию дальнейшего укрепления своих классовых позиций. Центральная власть, в свою очередь, с помощью племенной верхушки могла рассчитывать на включение населения данной территории в число своих подданных, являвшихся объектом феодальной эксплуатации. Именно в этом заключалась суть «добрососедских» отношений Бабура с некоторыми из афганских племен.

В то же время очевидно, что политика Бабура применительно к каждому из афганских племен изменялась в зависимости от конкретных условий.

В начальный период правления Бабура в Кабуле (1505—1509) его отношение к кочевым племенам было в основном враждебным; как сам Бабур, так и его приближенные рассматривали их прежде всего в качестве объекта грабежа. Именно тогда Бабур неоднократно организовывал набеги на места кочевий афганских племен. Будучи зависимым от крупных феодалов, среди которых было немало таких влиятельных людей, как Баки Чаганиани, и не имея еще прочного положения в стране, Бабур был вынужден придерживаться тех норм правления, которые в течение длительного времени практиковались мелкой феодальной верхушкой. Однако междоусобицы на территории Кабульского удела Тимуридов усугубили экономические трудности этого государства. Казна была пуста; многие пригородные и горные районы подпали под контроль вождей крупных племенных объединений и практически стали независимыми от центральной власти. Государственный доход, составлявшийся из различных налоговых поступлений, не покрывал даже расходов на содержание двора правителя.

Вот как поступил Бабур по отношению к племени хильджей. Хильджи жили среди горных хребтов Ходжа Исмаил, к их кочевьям вела дорога, расположенная вдоль реки Улабату. В 1507/08 г. Бабур организовал набег на хильджей, в котором участвовало шесть тысяч воинов. Впервые у Бабура было такое большое войско. По-видимому, он хотел как-то восполнить

огромные потери, понесенные в результате своего неудачного похода на Самарканд в союзе с шахом Исмаилом Сефеви и против узбекского хана Убайдуллы в 1505/06 г. Набег на хильджей принес изрядную добычу. Вот что говорится об этом в «Бабур-наме»: «Во время этого набега нам досталось множество баранов; ни в какой другой набег не было захвачено столько баранов... Я приказал некоторым бекам и приближенным отправиться и распорядиться об отобрании [в мою пользу] пятой части захваченного скота; у Касым-бека и некоторых других мы, во внимание [к их заслугам], не стали брать пятины. Пятая часть добычи после подсчета оказалась равной шестнадцати тысячам, то есть одной пятой восьмидесяти тысяч; вместе с теми, которые погибли или были пожалованы [бекам], число [захваченных] овец, безусловно, составляло один лак» [БН, л. 203б, 204а].

Эти сведения Бабура имеют большое значение не только как информация о его взаимоотношениях с отдельными афганскими племенами, но и для понимания особенностей имущественного деления среди феодальной верхушки того времени.

Набеги войск Бабура на хазарейцев и хильджей можно условно охарактеризовать как первый этап его политики по отношению к афганским племенам. В дальнейшем Бабур изменил свою политику — этот, второй, этап можно ориентировочно датировать 1508—1519 гг.

В этот период Бабур правил Кабульским уделом совершенно самостоятельно и частично пересмотрел свою внутреннюю политику, исходя из необходимости обеспечить стабильность в своем государстве и безопасность торговых путей. Теперь Бабур уже не ограничивался нападениями на кочевья тех племен, которые наотрез отказывались платить налог либо организовывали засады против торговых караванов, направлявшихся в Кабул с запада (из Хорасана), севера (из Мавераннахра) и востока (из Индии).

Показательны в этой связи факты о взаимоотношениях Бабура с племенами хизрхайл, жившими на территории между Бхиром и Мич-Грамом вплоть до Карасу и весьма враждебными Бабуру. Например, когда кабульское войско, перейдя через Хайбарские горы, остановилось у подножия перевала, хизрхайлы «метали стрелы в тех, кто отстал или свернул в сторону, и уводили их лошадей» [БН, л. 244б]. В отместку Бабур совершил набег на стоянку хизрхайлов и захватил почти весь скот племени. Кроме того, он распорядился задержать всех членов этого племени, торговавших на рынках Кабула, и конфисковать их имущество. В результате племя вазиров, жившее по соседству и всегда плохо платившее дань, прослышав об этих репрессиях, поспешило изъявить полную покорность, причем в знак примирения Бабуру было приведено 300 овец. Их примеру последовали и другие местные племена: хирилчи, сам-

мухайл и дилакзаи. Как рассказывает Бабур, к нему явились вожди этих племен и просили прощения за свои провинности. Конечно, Бабур тут же всех простил, определил размер дани (4000 овец) и, одарив их почетными халатами, послал к ним тахсилдаров — сборщиков податей [БН, л. 245а].

Бабур также стремился заселить труднодоступные горные ущелья, близкие к кочевьям афганских племен. В частности, племя хирилчи, жившее в районе между Кабулом и туманом Нингнахар, центральный город которого Адинапур играл важную роль в экономике всего государства, часто грабило торговые караваны. Тогда Бабур отдал приказ о заселении местности Карату [БН, л. 132а] и организации специальных сторожевых застав. Заселив местность Карату, Бабур обеспечил безопасный доступ торговых караванов к внутренним рынкам страны. Через некоторое время после этого хирилчи согласились уплатить дань Бабуру и покорились кабульскому двору.

Объяснение политики Бабура, направленной на достижение мира с афганскими племенами и установление сильной централизованной власти, следует, на наш взгляд, искать и в том, что в горных племенах Бабур рассчитывал набрать солдат для своей армии, которую он готовил для походов в Индию.

Как известно, первая попытка вторгнуться в Индию была предпринята Бабуром в 1519 г. Этому предшествовало взятие Баджаура. Битва за Баджаур является характерной для тех времен с точки зрения приемов и способов ведения войны. Тогда Бабур впервые использовал огнестрельное оружие [БН, л. 217а][19]. Оставив в Баджауре гарнизон, Бабур с войском двинулся вверх по течению Синда. Здесь, в месте слияния рек Гандавал, Баджаур и Пандж-Кура, жили племена юсуфзаев. Юсуфзаи, а также таркалани, гагиани и мухаммадзаи входили в племенное объединение хахи. В середине XV в. их кочевья находились на территории Кабульского удела. Когда там правил дядя Бабура — Улугбек, эти племена представляли собой значительную силу. Видя в усилении хахи угрозу своей власти и учитывая, что среди них наибольшим влиянием пользуются юсуфзаи, Улугбек в 1470 г. хитростью уничтожил несколько сот юсуфзайских вождей и старшин, после чего хахи вынуждены были покинуть район Кабула и уйти на восток. Мухаммадзаи и гагиани временно обосновались в Нингнахаре, таркалани заняли Ламган, а юсуфзаи и утманхели проникли через Хайбарский проход в долину по нижнему течению Кабулдарьи[20].

Тем не менее, несмотря на то что со времени расправы, учиненной Улугбеком, прошло всего около 40 лет, вождь юсуфзаев Малик Мансур дружески приветствовал Бабура. Чтобы полностью завоевать доверие наиболее влиятельных руководителей юсуфзаев, Бабур решил жениться на дочери Малика

Мансура. Вслед за юсуфзаями к Бабуру присоединилось и другое вольное племя — дилакзаи. Позднее дилакзаи, которые, по мнению И. М. Рейснера, вместе с шильмани первыми среди афганских племен поселились в долине Пешавара на территории от Хайбарских гор до Инда (при этом часть живших здесь индийцев была вытеснена на левый берег Инда и в горы на севере и северо-западе района), приняли самое активное участие в военных экспедициях Бабура. Так, при завоевании Бхира несколько дилакзаев были отправлены Бабуром к его противникам, для того чтобы «снискать их расположение» [БН, л. 244б]. Военачальник Бабура Абд ар-Рахим, в свою очередь, сказал жителям Бхира, что их «земли издревле были подвластны тюрку. Смотрите, пусть страх и тревога не найдут путь в ваши сердца, чтобы народ не разорился... грабежи и хищения не будут допущены» [БН, л. 244а]. Посольство юсуфзаев оказалось успешным, Бхир покорился без боя.

Итак, отношение Бабура к многочисленным афганским племенам, жившим в горных районах Кабульского удела, менялось в зависимости от роли этих племен в политико-экономической жизни его государства.

Глава VII

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БАБУРА С ШАХОМ ИСМАИЛОМ СЕФЕВИ И ИХ СОВМЕСТНЫЙ ПОХОД В МАВЕРАННАХР[1]

Поход Бабура на Самарканд, осуществленный в 1511 г., является его последней попыткой утвердиться в Мавераннахре[2].

Эта экспедиция изучена еще недостаточно. Ряд вопросов, связанных с событиями накануне краха господства Шейбанихана в Хорасане, освещен на материале первоисточников в исследовании А. А. Семенова[3]. Значительная информация по этой теме содержится в трудах, где затронута деятельность самого Бабура либо анализируется историографическая ценность его знаменитых мемуаров «Бабур-наме», либо в общих работах по истории Средней Азии[4]. Приводимые в них сведения обычно восходят к одним и тем же источникам. Как это часто бывает, позднейшие компиляции вытеснили из научного обихода сочинения более ранних авторов. Малоисследованными остаются и многочисленные рукописи, которые сосредоточены в различных хранилищах.

Отметим, что зачастую и в научной литературе, и в источниках многие аспекты отношений шаха Исмаила Сефеви с Бабуром, равно как и поход последнего на Самарканд в 1511 г., описываются и отражаются по-разному. Вот почему для объективного анализа деятельности Бабура в этот период мы попробуем сопоставить различные данные и выработать единую точку зрения с учетом всех имеющихся материалов.

Начнем с того, что в воспоминаниях самого Бабура соответствующий период не освещен (как уже упоминалось, лакуна в «Бабур-наме» охватывает 1508—1518 гг.).

Сравнительно скудные данные о самаркандском походе Бабура приводятся его современником Гияс-ад-дином Хондемиром[5]. Обычно словоохотливый и щедрый на подробности, автор «Хабиб ас-сияр», дойдя до событий 1511 г., становится сдержанным и лаконичным. По-видимому, немногословие Хондемира объясняется отсутствием сведений об этом походе в «Бабур-наме». Дело в том, что Хондемир, рассказывая о жизни Бабура, основывался главным образом на его же мемуарах. Да и, по признанию самого Хондемира[6], определенный период

истории Мавераннахра (конец XV — начало XVI в.) известен ему недостаточно.

Более подробные данные мы находим в историко-биографическом труде «Тарих-и Рашиди», принадлежащем другому современнику Бабура — Мухаммаду Хайдару [7], который 11-летним мальчиком принимал участие в самаркандском походе [8]. Поэтому большинство сведений Мухаммада Хайдара представляются в общем вполне достоверными, особенно те, которые основаны на его личных наблюдениях.

Хондемир и Мухаммад Хайдар, благожелательно настроенные к Бабуру, изображают самаркандский поход в выгодном для последнего освещении. Та же тенденция присуща и сообщениям об этом походе, принадлежащим придворным историкам Сефевидов. Наиболее ценным источником о правлении шаха Исмаила является сочинение Искандара Мунши, дополняющее в определенной степени материалы Хондемира и Мухаммада Хайдара [9].

Менее изучены труды враждебных Бабуру авторов — придворных хронистов Мухаммада Шейбани-хана и его ближайших потомков. Следует отметить, что правление Шейбани-хана освещено в сочинениях историков весьма неравномерно. В то время как об отдельных периодах его деятельности сведений в общем-то немало [10], события последних лет жизни Шейбани-хана и непосредственно после его смерти отражены в известных нам трудах хронистов прошейбанидской ориентации гораздо беднее [11]. Наиболее ценным из этих трудов является «Зубдат ал-асар» Абдуллаха Насруллахи, который был очевидцем событий того времени.

Рукопись этого сочинения, хранящаяся в Институте востоковедения АН УзССР, обрывается, к сожалению, на полуслове, посреди рассказа о самаркандском походе. Ленинградский список этого труда был описан акад. В. В. Бартольдом. Содержание недостающих листов ташкентского списка было пересказано В. В. Бартольдом по другому экземпляру, хранящемуся в ИВ АН СССР [12].

Произведением Абдуллаха Насруллахи широко пользовался позднейший (XVII в.) компилятор Махмуд бен Вали, автор обширного исторического труда «Бахр ал-асрар» («Море тайн») [13]. В третьей части этого сочинения, посвященной истории Джучидов и Шейбанидов, подробно рассказывается о самаркандском походе Бабура, главным образом на основании «Зубдат ал-асар» и «Тарих-и Рашиди». Однако встречаются у Махмуда бен Вали и новые сведения, заимствованные из утраченных или недоступных нам источников.

Чрезвычайно интересные данные содержит сочинение Фазлуллаха бен Рузбехана «Сулук-ул-мулук» [14], которое написано по просьбе преемника Шейбани Убайдуллы-хана и посвящено ему. И наконец, значительную помощь исследователям, изу-

чающим эпоху Шейбанидов и в целом историю Средней Азии первой четверти XVI в., могут оказать публикации, осуществленные в недавнее время силами ученых Узбекистана [15].

Перейдем теперь к непосредственному описанию событий, связанных с темой настоящей главы.

В 1510 г. после гибели Шейбани-хана под Мервом политические соображения заставили Бабура добиваться союза с шахом Исмаилом Сефеви, который, в свою очередь, был заинтересован в поддержке способного и пользовавшегося растущей популярностью правителя Кабула. Шах Исмаил рассчитывал на содействие Бабура в разгроме династии Шейбанидов. Все это привело к установлению между Бабуром и Исмаилом Сефеви военно-политического союза и к их совместному походу в Мавераннахр. Мы уже говорили, что этот третий и последний поход Бабура в Самарканд не принес ему славы, его войско было наголову разбито Убайдуллой-ханом. Такова в самых общих словах история этой акции Бабура.

Отметим, что многие частные детали военно-политического альянса между Бабуром и шахом Исмаилом остаются пока невыясненными, а сообщения исторических источников дают весьма противоречивую информацию и оставляют открытыми целый ряд вопросов.

По данным прошейбанидского хрониста Хафиза Таниша Бухари, автора исторического сочинения «Абдулла-наме», политические контакты между Бабуром и Исмаилом Сефеви начались следующим образом. После того как армия шаха Исмаила разбила кочевых узбеков, а сам Шейбани-хан погиб, победители напали на Герат и захватили его. Среди пленных оказалась и сестра Бабура Ханзада-бегим [16]. Когда о знатной пленнице узнал шах, «он оказал ей большие почести и в сопровождении специальных проводников отправил в Кундуз, в ставку Бабура-падишаха» [17]. Одновременно шах Исмаил написал Бабуру письмо, содержавшее заверения в искренней дружбе и расположении. Как сообщает Хафиз Таниш Бухари в «Абдулла-наме», в своем ответе Бабур-падишах также выразил дружеские чувства и, кроме того, изъявил готовность подчиняться шаху Исмаилу [18]. Здесь же Бабур обратился к владыке Ирана с просьбой помочь ему вернуть себе Самарканд [19].

Тем временем в государстве кочевых узбеков резко обострилась борьба за власть.

«Весть о гибели Шейбани-хана,— пишет Махмуд бен Вали,— вынудила нарушить веления древней Ясы [20], согласно которой необходимо было предоставить ханский престол Кучкунчи-хану как старейшему из ханского дома, но он был [тогда] занят отражением [казахского] Касым-хана. Поскольку отступиться [от избрания хана] явилось бы причиной дальнейших несчастий, то в мечети Сахиб Киран (в Самарканде. — *С. А.*)

перед совершением пятничной молитвы узбекские султаны и правители сошлись на том, что быть в ханском достоинстве Суюнч-ходже-хану» [21].

Однако мотивировка избрания Суюнч-хана тем, что отсрочка явилась бы «причиной дальнейших несчастий», выглядит надуманной. Скорее всего, сторонники Суюнч-хана поспешили воспользоваться моментом, чтобы возвести на престол своего вождя. Такое решение было тем более незаконным, что еще при жизни Шейбани-хан объявил наследником своего сына Тимур-султана. Поэтому, стремясь умиротворить соперников и укрепить свою власть, Суюнч-хан разделил государство на уделы, один из которых, граничащий с владениями шаха Исмаила, получил Тимур-султан. Последний не замедлил вступить в переговоры с шахом Исмаилом. Как видно, воцарение Суюнч-хана, который был дядей Шейбани, и удаление законного наследника, Тимур-султана, и обусловили возникновение союза между Тимур-султаном и Исмаилом Сефеви. Как раз этот момент выделил А. А. Семенов, изучавший историю династии Шейбанидов и специально занимавшийся событиями, последовавшими за гибелью Шейбани-хана [22].

Несколько в ином плане излагает ход событий Мухаммад Хайдар. Согласно его данным, весть о поражении армии Шейбани-хана под Мервом привез в Кабул посланник правителя Бадахшана Мирзы-хана в начале рамазана 916 г. х. (в декабре 1511 г.) [23].

В своем письме Мирза-хан сообщал о полном разгроме войска Шейбани-хана (о гибели последнего ничего сказано не было) и намекнул, что «теперь можно без особого труда отобрать свои наследственные земли у узбеков» [24].

Надо сказать, что Мирза-хан был заинтересован в организации подобного похода не менее, если не более, чем Бабур. В подвластном ему Бадахшане доходы правителя были весьма невелики. Как, в частности, рассказывает Мухаммад Хайдар, в 1510 г. живший при дворе Мирзы-хана, правитель не имел даже достаточного количества лошадей для верховой езды. Свидетелем бедности Мирзы-хана был также правитель Кашгара Султан Саид-хан, посетивший в 1508/09 г. Бадахшан и проживший там в течение 18 дней. Материальные трудности Мирзы-хана отражали, конечно, общее состояние экономики этой области, бывшей ареной ожесточенных столкновений различных группировок — Тимуридов, Шейбанидов и Сефевидов. По выражению все того же Мухаммада Хайдара, «за царство над крепостью Зафар никто бы и гроша не дал» [25]. Впоследствии Султан Саид-хан прибыл ко двору Бабура, в Кабул, который показался ему по сравнению с Бадахшаном цветущим и богатым краем. «Никогда мне не сопутствовало такое благополучие, какого я достиг в Кабуле», — вспоминал он позднее [26].

Мирза-хан, стремившийся как-то упрочить свое положение и улучшить его, был, без всякого сомнения, заинтересован в ослаблении своих основных врагов — Шейбанидов и Сефевидов. После гибели Шейбани-хана эти планы стали более реальными. Для того чтобы довершить разгром узбекского государства, он и призвал Бабура в Самарканд.

По сведениям Мухаммада Хайдара, сразу же после получения письма Мирзы-хана Бабур выступил из Кабула в направлении Кундуза. Изменившаяся ситуация в государстве Шейбанидов сулила Бабуру надежду на возвращение Хорасана и Мавераннахра.

Мы уже говорили, что новоизбранный повелитель кочевых узбеков Суюнч-хан, стремясь теснее сплотить под своей властью наиболее влиятельных членов царского дома, передал им в управление разные уделы: Хисар достался Хамзе-султану и Махди-султану, Бухара осталась за Убайдуллой, Кеш, Нешхаб и вся территория вплоть до Амударьи была отдана Тимур-султану, Фергану получил Джанибек-султан [27]. Однако эта мера не примирила с Суюнч-ханом родичей Шейбани, считавших его избрание незаконным. Среди недовольных был, естественно, и Тимур-султан, фактический наследник престола, который, как нам известно, вступил в переговоры с шахом Исмаилом Сефеви, предлагая заключить мир. Кроме того, по мнению А. А. Семенова, Тимур-султан решил вступить в переговоры с шахом Исмаилом, опасаясь, что в случае вторжения войск последнего в Мавераннахр первой жертвой станут его собственные владения [28]. Правда, предполагалось и обратное, т. е. что инициатива в данном случае исходила от самих иранцев [29]. Историк XVII в. говорит по этому поводу, что Тимур-султан «воспользовался удобным случаем и, неосторожно преклонив ухо к басням и лести иранцев, растворил ворота общения с ними» [30].

Устанавливая дружественные отношения с шахом Исмаилом Сефеви, Тимур-султан рассчитывал, что его примеру последуют и другие вассалы Суюнч-хана. Однако повелитель кочевых узбеков не мог допустить, чтобы подвластные ему правители перестали ему подчиняться. Узнав о переговорах между Тимур-султаном и шахом Исмаилом, он пришел в ярость и заявил: «Приличествует ли нам мириться с таким человеком, на котором лежит наша месть за кровь убитого им нашего вождя-родича [и который] к тому же враг веры?» [31]. Когда же в Самарканд прибыли послы Исмаила Сефеви, чтобы получить санкцию Суюнч-хана на ведение переговоров с его вассалом — таков был порядок в государстве Шейбанидов, — он отправил их обратно «с величайшим унижением», а сам начал готовиться к походу на Иран [32].

Эта угроза побудила Исмаила Сефеви искать союза с Бабуром и правителем Бадахшана Мирзой-ханом. В то же время

Тимур-султан, который был вынужден отказаться от планов объединения с иранцами против Суюнч-хана, попытался теперь использовать против своего соперника Мирзу-хана.

В письме, направленном в Бадахшан, Тимур-султан предлагал его правителю напасть на Мавераннахр. Тот как раз ждал удобного случая для расширения своих владений, и, не теряя времени, напал на Кундуз. Ставленник Шейбани-хана эмир Урус-дурмен был застигнут врасплох и бежал [33]. 20 тысяч моголов, находившихся в войсках Урус-дурмена, перешли на сторону Мирзы-хана.

На соединение с армией Мирзы-хана уже шел из Кабула Бабур. Оба действовали весьма решительно. Историки отмечают необычайную быстроту, с которой Бабур проделал путь от Кабула до Кундуза. В считанные дни, несмотря на то что дорога проходила через перевалы и ущелья, по опасным горным тропам, Бабур прибыл в ставку Мирзы-хана [34].

По данным Фазлуллаха бен Рузбехана, среди солдат Бабура кроме чагатайцев были моголы, туркмены, бадахшанцы и даже хиндустанцы [35]. По словам Хондемира, Бабур повел с собой и воинов Забулистана [36], т. е. афганцев из Газни. По свидетельству автора «Тарих-и Рашиди», войско Бабура, прибывшее в Кундуз, насчитывало не менее 5 тысяч человек [37]. После того как оно немного отдохнуло, Бабур и Мирза-хан выступили в Хисар.

Понимая, однако, что имеющихся сил недостаточно для победы в войне за Мавераннахр, Бабур принял решение заключить союз с шахом Исмаилом. Это решение было подсказано ему и известием об унизительном изгнании посольства шаха Исмаила из Самарканда.

Таким образом, развитие событий обусловило политическую необходимость сближения Бабура с Сефевидами. Бабур надеялся вернуть себе унаследованные им земли Тимуридов, Мирза-хан стремился прежде всего к личному обогащению, а Исмаил Сефеви был не прочь повторить свой успех при Мерве и отомстить Суюнч-хану за унижение, нанесенное его послам.

Фактически официальное предложение о заключении военно-политического союза исходило от шаха Исмаила, приславшего к Бабуру его сестру, которая попала в плен при взятии иранским войском Герата. Посланник шаха Исмаила привез также письмо Бабуру.

В ответ к шаху Исмаилу выехало посольство Бабура во главе с Мирзой-ханом. Последний был с большим почетом принят шахом, которому пришлись по душе как подарки Бабура, так и его планы о совместном походе в Мавераннахр. Заручившись согласием иранского шаха на участие в войне против Шейбанидов, Мирза-хан вернулся в Кундуз. Одновременно Бабур получил сообщение о том, что на его родине, в Ферга-

не, вспыхнуло восстание против кочевых узбеков и власть перешла к его дальнему родственнику Саиду Мухаммад-хану [38].

Саид Мухаммад-хан был братом отца автора книги «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара. Во время захвата кочевыми узбеками Ташкента ему удалось спастись. Сначала он жил при дворе Мансур-хана, затем принял покровительство Султан-Мухаммада, сына могольского хана Султана Махмуда. В последние годы его принял на службу Джанибек-султан. В 1510 г., когда отношения между Ираном и узбеками крайне накалились, он почувствовал, что отношение к нему Джанибек-султана стало недоброжелательным. Тогда он собрал остававшихся в Фергане моголов, выступил против узбеков и одержал победу.

Захватив Андижан, Саид Мухаммад-хан, как указывают Махмуд бен Вали и Мухаммад Хайдар, послал письмо Бабуру в Кундуз, в котором сообщал о взятии Ферганы и подчеркивал свою готовность выполнять все указания Бабура [39].

Весть о победе Саида Мухаммад-хана обрадовала Бабура. Теперь у него появился союзник в тылу врага. Бабур направил Саиду Мухаммад-хану отряд моголов, примкнувших к нему в Кундузе.

О готовящемся походе Бабура быстро стало известно в Фергане. В Андижане, а также Касане и Оше оживились сторонники Тимуридов. Саид Мухаммад-хан пользовался широкой поддержкой различных слоев общества [40].

В то же время, согласно «Тарих-и Рашиди», могольские вожди, отправленные Бабуром в Андижан, попытались свергнуть его, для чего предложили трон правителя лучшему другу Бабура и его двоюродному брату Султану Саид-хану [41].

Однако Султан Саид-хан, видимо, не рассчитывал на успех подобной акции. Под тем предлогом, что в самое трудное для него время он нашел приют при дворе Бабура в Кабуле и ответить на великодушие злом неприлично, Саид-хан категорически отверг предложение заговорщиков. Замышлявшийся мятеж угас, так и не успев разгореться.

Автор «Тарих-и Мунтазими Насири» сообщает, что, прибыв в Кундуз, Бабур начал сам править Бадахшаном. Отсюда он отправил послов к шаху Ирана, заверяя его, что «если с помощью шаха ему удастся завоевать Самарканд, то хутба будет прочитана на имя шаха и отчеканена монета с его именем». «Узнав об этом,— пишет историк,— шах Исмаил Сефеви прислал в лагерь Бабура значительное войско во главе с Шахрухбеком Афшаром, сыном Ахмада Суфи» [42]. Весьма ценным в этом отношении являются сведения автора «Зубдат ал-асар»: «Когда Бабур-мирза с помощью кизилбашей [43] выступил против Хисара, то все моголы и чагатаи, которые служили среди узбеков, забыв обо всех услугах, оказанных им, стали [по отношению к ним] враждебными и перешли на сторону Бабур-

мирзы, после чего количество простого народа, собравшегося под его властью, стало бесчисленным» [44].

Бабур переправился через Амударью у Кунда-Гузара. Согласно сообщениям историков, весть об этом быстро распространилась в Мавераннахре и была встречена населением с энтузиазмом.

Страдая от гнета феодальной верхушки кочевых узбеков, народные массы считали приближающуюся армию Бабура своей освободительницей. Только этим можно объяснить сравнительно легкие успехи, одержанные армией Бабура и его союзника шаха Исмаила в Мавераннахре.

А. А. Семенов в своем исследовании «Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр» специально останавливается на событиях в Фергане до и после прибытия туда Султана Саид-хана, опираясь при этом на данные «Тарих-и Рашиди» и «Зубдат ал-асар»: «...узбекские вожди, ведшие кампанию в Фергане, Кучкунчи-хан и Джанибек-султан, получили неожиданное известие о поражении и гибели Хамзы-султана, Махди-султана и других узбекских султанов и о победоносном движении Бабура с его союзниками-кизилбашами в глубь Мавераннахра. По-видимому, опасения быть отрезанными от прочих узбекских сил и факт прочного утверждения Султана Саид-хана в Андижане побудили их немедленно оставить Фергану и спешно удалиться в Туркестан» [45].

В то время как войска Бабура двигались в направлении Хисара, султаны кочевых узбеков Кучкунчи-хан, Джанибек-султан и Суюнч-хан совершили нападение на Касан. Гарнизон Султана Саид-хана при поддержке жителей города (Мухаммад Хайдар употребляет термины *халк* и *авам-ан-нас* — соответственно «народ» и «простой народ») оказал отчаянное сопротивление. Тем не менее вражеским войскам удалось разрушить часть крепостных стен. Одновременно на Андижан напал кашгарский хан Абу Бекр, который до этого захватил Ош и Узгенд [46].

Однако, несмотря на численное превосходство противника, Султан Саид-хан разбил войско кашгарского хана, чему в немалой степени способствовала активная поддержка широких народных масс.

Одновременно узбекские султаны, узнав о поражении Абу Бекра и отчаявшись добиться успеха, сняли осаду Касана.

После неудачи кочевых узбеков под Касаном и утверждения в Андижане власти Султана Саид-хана Бабур выступил из Кундуза в Хисар, где в то время находились Хамза-султан, Махди-султан и Мамбак-султан, на помощь к которым прибыл еще Тимур-султан [47]. Получив сообщение о продвижении Бабура в Хисар, они немедленно отправили гонцов в Самарканд и Бухару, для того чтобы как можно быстрее собрать силы для отпора противнику [48].

К этому времени борьба за власть среди узбекских султанов прекратилась, основные разногласия были урегулированы: вместо Суюнч-хана верховным правителем объявили Кучкунчи-хана. Узнав о наступлении Бабура, военачальники кочевых узбеков Севинчак-султан, Джанибек-султан, Убайдулла-хан и другие собрались в Карши на совет, чтобы обсудить вопросы, связанные с обороной Мавераннахра. Тем временем войско Бабура дошло до реки Сурхаб и остановилось у моста Пул-и Сангин. С другой стороны моста стояли отряды Хамзы-султана и Махди-султана. Только через месяц, усыпив бдительность противника, Бабур решился дать сражение. Оно закончилось полным поражением кочевых узбеков.

Автор «Тарих-и Рашиди», бывший очевидцем битвы, основной причиной успеха Бабура назвал неудачно выбранную кочевыми узбеками позицию. Их лагерь, например, был расположен далеко от реки, в низине, его окружали горы, а узкие горные тропы ухудшали маневренность войск и затрудняли отступление.

Атака армии Бабура, отборный отряд которой возглавлял Мирза-хан, оказалась для кочевых узбеков неожиданной. Начавшись после полудня, к вечеру сражение закончилось. Хамза-султан, Махди-султан и некоторые другие военачальники были захвачены в плен. Бабур «сделал с ними то же самое, что Шейбаниды сделали с ханами моголов и султанами чагатайцев» [49], т. е. казнил. Победители долго преследовали противника. После битвы у Пул-и Сангина Бабур уже не встречал серьезного сопротивления.

Теперь армия Бабура двинулась на Карши, где укрепился Убайдулла-хан. Подойдя к городу и убедившись, что он хорошо укреплен, Бабур решил не осаждать его, а попытаться захватить другие, менее защищенные города. Когда же эта задача будет выполнена, изолированный и оставшийся без союзников Карши не сможет долго сопротивляться. Поэтому он повернул свою армию в Бухару, где, по его сведениям, гарнизон был небольшой. Однако Убайдулла-хан, догадавшись о замысле Бабура, оставил Карши и, опередив Бабура, успел войти в Бухару первым.

Но в самый решительный момент, когда войска Бабура вступили в окрестности Бухары, Убайдулла-хан не принял боя, оставил город и ушел в Туркестан. Вслед за ним отступили в Туркестан и узбекские войска, находившиеся в Самарканде.

Махмуд бен Вали [50] объясняет паническое отступление узбекских войск крайней непопулярностью Шейбанидов в Мавераннахре, население которого сохранило симпатии к представителям династии Тимура. Бабур торжественно вступил в Самарканд [51]. Как выразился Мухаммад Хайдар, такого величия и пышности, с которыми вошел в Самарканд Бабур, еще не видели человеческие очи [52]. Воцарившись в Мавераннахре,

Бабур первым делом щедро наградил своих союзников и приближенных. Мирза-хан получил Хисар, Хутталан и Бадахшан, т. е. удел своего отца Султана Махмуд-мирзы, Фергана досталась Султану Саид-хану, в Бухаре правителем стал Ширим-тогаи [53], остальные области Мавераннахра Бабур оставил себе [54].

На первый взгляд положение Бабура выглядело прочным. Шейбаниды вроде бы отказались от притязаний на Мавераннахр и находились далеко, в степях Туркестана, а других соперников не было. Отношение населения к новому правителю казалось абсолютно лояльным. Однако это благополучие было призрачным.

Власть Бабура распространялась на сравнительно небольшую территорию, но и здесь он не был полноценным хозяином. Исполняя обещание, данное иранцам, Бабур приказал провозглашать хутбу и отчеканить монеты на имя шаха Исмаила и двенадцати имамов. Но так как подавляющее большинство населения Мавераннахра исповедовало ислам суннитского толка, а шах Исмаил был шиитом, эти меры Бабура были восприняты весьма болезненно.

Было известно, что в своих владениях шах Исмаил преследовал мусульман-суннитов, жестоко расправлялся с ними.

Как указывал Мухаммад Хайдар, в Мавераннахре считали, что союз Бабура с Ираном вызван «чрезвычайными обстоятельствами борьбы с поработителями, и как только цель будет достигнута и иго кочевников сброшено, то все связи с нечестивцами-шиитами будут сразу же разорваны» [55].

В свою очередь, Хафиз Таниш Бухари отмечал, что жители Мавераннахра вначале были довольны победой падишаха Бабура, но вскоре, став свидетелями его недостойных действий, начали просить Аллаха о скорейшем избавлении их от него [56].

Большую роль в усилении антитимуридских настроений в стране, и в частности в подрыве авторитета Бабура, сыграла, по-видимому, агитация духовенства, часть которого придерживалась прошейбанидской ориентации. Так, в Самарканде некоторые представители местного духовенства, в том числе шейхи влиятельного суфийского ордена Накшбендие всячески подталкивали население на открытые выступления против Бабура, запугивали горожан тем, что правитель будет насильно обращать их в шиизм. Одним из активных деятелей духовенства, проводивших антитимуридскую пропаганду, был бывший придворный хронист Шейбани-хана и ярый сторонник кочевых узбеков Фазлуллах бен Рузбехан Исфахани, который не успел покинуть Самарканд и жил там теперь в качестве почетного пленника [57].

А. А. Семенов приводит слова из «Сулук-ул-мулук», приписываемые Рузбехану: «Я в это время был в богохранимом

Самарканде собеседником печали и уныния, пленником еретиков и заблудших, и не было у меня ни возможности отправиться куда-либо, ни способа общения с другом и каким-либо [сочувствующим] собеседником. Я все время взирал с ожиданием на ту большую дорогу, по которой могли бы прийти узбекские султаны, и тем самым, как бы факелом, освещал темные ночи своей жизни. Каждый день птичка души моей вылетала за ячменем страстного желания видеть предмет отсутствующий (т. е. кочевых узбеков.— *С. А.*), авось какая-либо голубка доставит мне письмо из той страны или какое-либо облако со стороны Туркестана прольет каплю милосердия умирающему от жажды в пустыне страстного желания»[58].

Бесспорно, однако, что недовольство Бабуром в Мавераннахре было вызвано не только и не столько причинами религиозного характера, сколько общей ситуацией в стране после захвата власти Тимуридами.

Будучи представителем своего класса, Бабур и не помышлял об облегчении участи широких народных масс. Страдая от тяжкого гнета Шейбанидов, простой народ надеялся на лучшую жизнь при новом правителе. Но, легко захватив власть, правитель и его сподвижники напрочь забросили государственные дела и главное внимание уделяли развлечениям. Солдаты Бабура — а главным образом это были чужеземцы: афганцы, моголы, кизилбаши — грабили население, бесчинствовали, безнаказанно творили суд и расправу над мирными жителями. Со своей стороны, самаркандская феодальная и клерикальная верхушка, рассчитывавшая с возвращением Бабура вернуть себе утраченные при Шейбанидах привилегии, была недовольна растущим влиянием Сефевидов, в вассальной зависимости от которых как бы находился Бабур.

Рост антитимуридских настроений в Мавераннахре не остался секретом от узбекских султанов, в частности от самого энергичного из них, Убайдуллы-хана, наставником которого был Фазлуллах бен Рузбехан. Последний, по-видимому, и уговорил Убайдуллу предпринять поход на Мавераннахр, вселив в него уверенность в победе. Вряд ли бы иначе Убайдулла осмелился на такой рискованный шаг.

Для того чтобы привлечь симпатии населения Мавераннахра, Убайдулла решил сделать главную ставку на религиозные чувства народа. Он представил себя не как борца против Бабура — представителя враждующей династии, а как против Бабура — врага суннитов, врага истинной веры. Себя же Убайдулла объявил единственным, кто способен защитить суннитов от шиитов. Поэтому перед началом похода он посетил мавзолей Ходжи Ахмада Ясави в Ясах[59] и издал фирман о реставрации его могилы в знак преклонения перед этим крупнейшим мусульманским схоластом. Принятая Убайдуллой торжественная клятва гласила, что если Аллах дарует ему побе-

ду над Бабуром, то никогда и ни при каких условиях он «не преступит велений шариата и все свои дела и поступки будет исполнять в соответствии с ним» [60].

Уверенный в своих силах, Убайдулла убеждал своих родичей поддержать его и вместе выступить против Бабура. Однако те отреагировали на этот призыв отрицательно. Одни просто посмеялись над Убайдуллой, другие пытались доказать ему, что этот поход непременно окончится неудачей [61].

В апреле 1512 г. Убайдулла во главе пятитысячного отряда [62] выступил из Аркука и через несколько дней уже был в Гиждуване. Оттуда он двинулся на Бухару. Наместник Бухары укрылся в крепости.

Узнав о выступлении Шейбанидов, Бабур разделил свое войско на две части и отправил один отряд к Ташкенту, где сидел назначенный им правитель Ахмад Касим Кухбар, а сам с 40-тысячным войском [63] двинулся в Бухару. По свидетельству не вполне беспристрастного Фазлуллаха бен Рузбехана, армия Бабура в походе шла нестройно, толпой, как будто направлялась на охоту [64]. Убайдулла, видимо опасаясь вступать в бой, оставил свои позиции под Бухарой и отступил в пределы Хайрабадского тумана. При первых сообщениях об уходе Убайдуллы бухарский наместник принялся слать гонца за гонцом к Бабуру, убеждая того поторопиться, чтобы настичь кочевых узбеков. Наконец у озера Кули-Малик, между Хайрабадом и Каракулем [65], противники встретились, и 28 апреля 1512 г. произошел решающий бой. Результат его оказался совершенно неожиданным: «общипанные воины Убайдуллы, которые восемь месяцев тому назад опрометью бежали от Бабура... теперь наголову разбили великолепное войско на конях в полном вооружении» [66]. По словам Фазлуллаха бен Рузбехана [67], Бабур, задумав окружить противника, не заметил контрманевра Убайдуллы и сам оказался обойденным.

После битвы при Кули-Малик Бабур отступил в Бухару. Проведя ночь в арке, он на рассвете с величайшей поспешностью уехал в Самарканд, где также не рискнул задержаться. По образному выражению автора книги «Сулук-ул-мулук», «восседавший [раньше] в полном великолепии на прекрасном коне, Бабур [теперь] верхом на верблюде должен был галопом нестись в Самарканд» [68]. Собрав своих приближенных и домочадцев, он навсегда покинул столицу Мавераннахра, в которой на этот раз пробыл восемь месяцев.

В. В. Бартольд, касаясь причин этого поражения Бабура, указывает на его чрезмерную беспечность во время наступления войск Убайдуллы-хана [69]. А. А. Семенов по этому поводу пишет: «Трудно сказать, какие были причины столь необычайного факта полного разгрома ничтожным отрядом узбеков армии, в 10—15 раз превышавшей численностью своего противника, причем ни у той, ни у другой стороны не было огне-

стрельного оружия и орудий, сражались в конном строю только холодным оружием». И далее: «Может быть, видную роль в этом сыграли всегда вероломные, беспринципные и нестойкие в бою моголы, с которыми судьбе суждено было связать Бабура» [70].

Как уже указывалось, армия Бабура, прибывшая в Мавераннахр, была разношерстной. Подавляющее большинство ее состояло из отрядов шаха Исмаила, примкнувших к Бабуру в Бадахшане, а также моголов, которые до этого служили у Шейбани-хана и после его поражения под Мервом в 1510 г. перешли к Бабуру. Сравнительно небольшое количество составляли чагатайцы, представители горных племен и других народностей Афганистана, которых Бабур набрал в Кабуле перед походом в Мавераннахр. После установления господства Бабура в Самарканде выявились острые противоречия между иранскими военачальниками и местной феодальной и духовной знатью. По косвенным данным можно предположить, что сам Бабур, хотя и соблюдал лояльность по отношению к шаху Исмаилу, одновременно в какой-то форме и выражал недовольство действиями кизилбашей. Так, один из военачальников шаха, служивших в армии Бабура, по имени Мухаммаджан, сообщал своему повелителю, что Бабур после победы над Самаркандом и Бухарой стал высокомерным и намеревается порвать союз с Ираном [71]. Получив это сообщение, Исмаил Сефеви в начале 1512 г. отправил в Мавераннахр эмира Наджима Сани во главе сильного отряда, по-видимому для того, чтобы принудить Бабура к полному повиновению.

Тем временем армия Убайдуллы-хана захватила Бухару и Самарканд и, преследуя Бабура, двигалась в Хисар. Поэтому Наджим Сани вопреки своим первоначальным замыслам вынужден был сосредоточить все силы для отпора Убайдулле-хану. Он обратился к Бабуру с просьбой объединить их войска, тот дал согласие, и у Дарбанд-и Аханин они встретились. Борьба с кочевыми узбеками возобновилась. Однако союз Бабура с шахом Исмаилом становился все более непрочным. Жестокая расправа с мирным населением захваченного у кочевых узбеков Карши, которую учинил Наджим Сани, окончательно оттолкнула Бабура от иранцев.

И Бабур принял решение. В ноябре 1512 г. в разгар сражения за Гиждуван он, улучив подходящий момент, покинул своего союзника. Наджим Сани был разбит, попал в плен и поплатился за свои злодеяния головой. Союз между Бабуром и иранцами перестал существовать.

Шах Исмаил, однако, не потерял надежд на восстановление прежних отношений с Тимуридами. Он послал в Мавераннахр своего агента Мирама с поручением перехватывать все письма Бабура, которые направлялись в Бухару, а также войти в доверие к приближенным Бабура. Однако, судя по

данным источников, Бабур больше не стремился к дружбе с шахом Исмаилом Сефеви. Возобновление тесных отношений между Тимуридами и Сефевидами наступило при наследнике Бабура — Хумаюне, который потерпел поражение в борьбе за власть с Шер-шахом Суром и вынужден был бежать в Иран.

Глава VIII

СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ БАБУРА

Во второй половине XV — начале XVI в. в Индии происходило дальнейшее углубление феодальных отношений. Укрепление могущества крупных феодалов (мукта) сопровождалось усилением эксплуатации крестьян и городского торгово-ремесленного населения. Ухудшение положения трудового народа, рост политической активности городского сословия привели к резкому обострению социальной борьбы в различных частях Индии, в том числе в Делийском султанате, в период правления династии Лоди.

Ее основатель Бахлул (1451—1489) принадлежал к роду Лоди, одной из ветвей афганского рода Гильзаев. Его дед Султан-шах был назначен правителем Сирхинда еще Хизр-ханом [1]. Окружение Султан-шаха составляли афганцы, служившие в качестве наемников при делийских правителях. Со смертью Султан-шаха его владения и должность унаследовал Бахлул. Значительно увеличив свое войско, которое он набирал главным образом из афганцев, Бахлул со временем стал одним из наиболее влиятельных феодалов в государстве Сайидов. Теперь Бахлула уже не удовлетворяло положение одного из заурядных провинциальных князьков, он стал мечтать о делийском троне.

В то время Индия являла собой картину феодальной раздробленности. В Декане, Мальве, Гуджарате, Джаунпуре и Бенгалии правили независимые феодальные владетели; лишь Пенджаб, Двуречье Ганга и Джамны (Доаб) и район Дели подчинялись султану Дели [2]. Как писал Фериштa, характеризуя политическую жизнь Делийского султаната в канун установления власти династии Лоди, весь Хиндустан стал принадлежать отдельным группировкам, повсюду в стране появились независимые государи [3]. Аналогичные сведения встречаются и у других хронистов [4].

Феодальная раздробленность в стране особенно усилилась после смерти Мухаммад-шаха Сайида, в период правления его сына — султана Ала-ад-дина (1442—1443).

В этой обстановке Бахлул Лоди, воспользовавшись раздорами при дворе, вошел в доверие к визирю султана Хамид-ха-

ну и с его помощью захватил делийский престол. Затем он расправился уже с самим Хамид-ханом и стал единоличным правителем Дели. 19 апреля 1451 г. Бахлул Лоди был официально провозглашен султаном Дели.

Бахлул Лоди предпринял энергичные меры для расширения территории своего султаната. Сначала он подчинил себе княжество Мевat, включавшее в себя Гургаун, Алвар и Агру. Ахмад-хан Мевати поспешил признать власть Бахлула. Интересно при этом, что Бахлул оставил фактическое управление Меватом в руках его властителя Ахмад-хана, ограничившись лишь номинальным признанием последним своего сюзеренитета. Точно так же султан поступил с правителем Самбхала Дарья-ханом. Затем Бахлул распространил свою власть на Кол (современный Алигарх) и ряд других районов, которые ранее входили в состав Делийского султаната лишь формально.

Укрепив свои позиции в близлежащих от столицы областях и подчинив более слабых соседей, Бахлул Лоди решил покорить и другие отдаленные земли, в частности княжество Джаунпур. По словам средневекового хрониста, «его самой важной задачей было восстановление контроля Дели над Доабом и его районами, а также над Джаунпуром» [5]. Историки рассказывают о частых войнах между правителем Джаунпура и султаном Дели. Иногда вину за это возлагают на правителя Джаунпура Махмуд-шаха Шарки, который был женат на дочери последнего представителя династии Сайидов. Именно жена Махмуд-шаха, согласно указаниям ряда хронистов, подстрекала Махмуд-шаха напасть на Дели. Первое такое нападение имело место, когда Бахлул отправился в поход на Мултан. Однако он успел своевременно вернуться и нанес своему врагу поражение. В конечном счете после целого ряда подобных столкновений победа осталась за султаном Бахлулом Лоди.

В 1479 г. Хусейн-шах, который пришел на смену скончавшемуся Махмуд-шаху, был низложен, а вместо него правителем Джаунпура стал Барбак-шах, сын Бахлула Лоди. Присоединение Джаунпура к Делийскому султанату значительно усилило Бахлула, которому вскоре после этого удалось сделать своими вассалами правителей Калпи, Дибалпура, Бари и Алипура. Однако во время экспедиции в Гвалиор он скончался, так и не успев вновь завоевать потерянные ранее султанатом Декан, Бенгалию, Раджпутану и Мальву.

Историки характеризуют основателя династии Лоди как тонкого политика. Бахлул прекрасно понимал, что прочность его власти полностью зависит от поддержки его соотечественников. Поэтому он был внимателен к их интересам и требованиям, в частности, пригласил ко двору много знатных афганцев и не скупился на большие земельные пожалования. Ха-

рактерными качествами этого правителя, по сообщениям источников, были отсутствие высокомерия, подчеркнутая простота в обращении. Так, он никогда не допускал, чтобы его придворные стояли перед ним, во время официальных приемов держал себя весьма демократично, садился не на трон, а на ковер, и т. п.

Историки описывают Бахлула в высшей степени великодушным человеком, всячески подчеркивая его доброту и даже кротость. Указывается, что он довольствовался положением «первого среди равных» [6]. «Если, бывало, они (его вельможи. — *С. А.*) были им недовольны, он так усердно старался умиротворить их, что лично отправлялся к ним домой, снимал с полки меч, клал его перед обиженным; больше того, он даже иногда снимал свой тюрбан с головы и просил прощения... Он поддерживал братские отношения со всеми военачальниками и солдатами» [7].

Бахлул Лоди сформировался как феодальный правитель в то время, когда могущество крупных феодалов достигло своего апогея. С одной стороны, феодальная знать противилась контролю государства над ее доходами и политическими акциями, стремясь в конечном счете к полной независимости. С другой стороны, феодалы все же были заинтересованы в такой центральной власти, которая бы их устраивала; в частности, они активно поддерживали завоевательную политику своих султанов.

С приходом к власти Сикандара Лоди (1489—1517), третьего сына Бахлула, старые традиции во взаимоотношениях государя с афганской феодальной верхушкой были пересмотрены. По данным хроник, Сикандар Лоди пришел к власти в результате острого противоборства между различными феодальными группировками, которое возникло сразу же после смерти Бахлула. Сторонники одной из них намеревались посадить на делийский трон внука Бахлула, Азама Хумаюна, второй — старшего сына Бахлула, Барбак-шаха. Благодаря усилиям влиятельного Хани-хана, возглавлявшего третью группировку, к власти пришел Сикандар, и 17 июля 1489 г. он официально был объявлен султаном.

Мы уже упоминали выше, что Бахлул Лоди, стремясь обеспечить себе поддержку крупнейших феодалов, в том числе своих родственников, передал им в управление наиболее важные округа государства. Барбак-шаху был пожалован Джаунпур, Алим-хан (Ала-ад-дин) получил Кармангпур, Шах Мухаммад (племянник Алим-хана) — Бахранг, Азаму Хумаюну достались Лакхнау и Калпи, а хану Джахану — Бадаун [8]. Дели и другие округа получил Сикандар.

Как вообще-то и следовало ожидать, подобное расчленение страны оказалось основой для феодальных усобиц, которые усиливались по мере ослабления верховной власти. Поэтому

Сикандар сразу после вступления на престол взял курс на создание единого государства с сильной центральной властью. Сначала он напал на Алим-хана, — который хотя и был его дядей, однако не скрывал своих претензий на делийский трон, — и нанес ему поражение. Затем Сикандар заставил признать свою власть Азама Хумаюна и Татар-хана Лоди. Все эти события произошли в течение одного года [9].

Борьба Сикандара с правителем Джаунпура Барбак-шахом также завершилась успешно. Барбак-шах был его старшим братом и имел все права на верховную власть. Сначала Сикандар попытался договориться с братом мирным путем. Однако Барбак-шах отказался вступать в какие-либо переговоры, что сделало столкновение неизбежным. В бою Барбак-шах был разбит и попытался найти убежище в Бадауне, однако хан Джахан приказал посадить его под стражу, с тем чтобы впоследствии передать Сикандару. Все же Сикандар проявил великодушие к побежденному, оставив его номинальным правителем Джаунпура.

Значительное расширение границ государства способствовало укреплению авторитета Сикандара. Восточные границы при нем достигли Бенгалии [10]. Историки называют Сикандара Лоди «сильным правителем», который решительно подавлял мятежи непокорных эмиров. Однако его военные операции требовали больших расходов, и это с неизбежностью приводило к обнищанию и разорению народных масс, которые поэтому иногда выступали на стороне мятежных феодалов.

Так было, например, во время восстания заминдаров в Джаунпуре в 1491/92 г. Барбак-шах не сумел подавить это восстание, чем настолько прогневал Сикандара, что был отозван в Дели и заключен в тюрьму [11]. Новый правитель Джаунпура, Мухаммад-шах, начал свою деятельность с жестоких расправ над населением. Это вызвало всеобщее возмущение. К восставшим заминдарам присоединились крестьяне. По утверждению историков, восстание, в котором участвовало около 100 тысяч человек, охватило и другие провинции страны. Был убит Шер-хан, правитель Керрата [12]. Тогда по приказу Сикандара на подавление восстания были брошены значительные силы. Азам Хумаюн и Хани-хан двинулись на Джаунпур со стороны Удха, Мубарак-шах повел наступление через Кара, а сам Сикандар напал на Чунар — сильно укрепленный город этой области [13], после чего разрушил Арил. Преследуя разбитые отряды повстанцев, Сикандар повел свое войско на Дибалпур и Шамсабад и далее на Везирабад. Все эти города были опустошены и разграблены. Особенно жестокой была расправа в местности Дивтори.

Из сообщений историков вырисовываются и причины, которые побудили крестьян взять в руки оружие.

Постоянные войны нарушали нормальные экономические

связи, препятствовали торговле, поставке продовольствия в города. Крестьянство было разорено налоговыми поборами, военные отряды феодалов жгли и уничтожали посевы. Фериштa сообщает: «В 911 г. х. (т. е. 1505 г.) султан Сикандар отправился в Гвалиор и более месяца задержался в Дибалпуре. Он приехал на берег реки Чамбал и, оставив здесь своих сыновей — Джалал-хана и Ибрахима, двинулся дальше; в пути ему пришлось задержаться из-за недостатка зерна. Султан отправил Азама Хумаюна, Ахмад-хана, Мужахид-хана в Гвалиор за зерном» [14].

Но, несмотря на то что Гвалиор находился на пересечении торговых путей, его правитель не смог снабдить войско султана необходимым количеством зерна.

По данным Феришты, Сикандар, «предусмотрев благополучие своих подданных, запретил взимать налог с торговли (закят), особенно с зерна». Это мероприятие Сикандара историк датирует 904 г. х. (1498/99) [15].

Не подлежит сомнению, что налоговая политика султана отнюдь не была следствием его «доброты и справедливости». Естественно, она диктовалась настоятельной потребностью стимулировать продуктивность крестьянского хозяйства, улучшить положение с продовольствием.

По отношению к индусам Сикандар Лоди проводил политику религиозной нетерпимости. Подобная политика вызывала глубокое недовольство населения, большая часть которого исповедовала индуизм. В «Тарих-и Фериштa» рассказывается следующий эпизод. В Калпи некий брахман по имени Юдхин утверждал, что истинен не только ислам, но и индуизм. Местный правитель отправил его в Дели, где между ним и группой мусульманских богословов был проведен религиозный диспут. В итоге Юдхину было предложено отречься от своих убеждений и принять ислам. Он отказался и по приказу Сикандара был казнен [16].

Сикандар Лоди не ограничился покорением Джаунпура и позднее — Бихара. Он стремился расширить территорию своего султаната, мечтал захватить Гвалиор, Дибалпур и Мальву. Плацдармом для ведения военных действий против этих княжеств он сделал Агру, обладавшую мощной цитаделью (с 1504 г.). Но в течение длительной и упорной борьбы ему удалось подчинить лишь Дибалпур. Умер Сикандар Лоди 22 ноября 1517 г.

Его сын Ибрахим-шах (1517—1526) вел упорную борьбу против вольницы феодалов, за подчинение их центральной власти. Его правление ознаменовалось дальнейшим обострением социальных противоречий и усилением феодальных распрей в стране. Ибрахим добивался безусловного подчинения афганской военно-феодальной знати своей воле и жестоко подавлял малейшие проявления независимости либо неповиновения. Он

обрушил, по словам Ахмада Ядгара (автора хроники «Тарих-и Салатин-и Афагана»), репрессии на старых и преданных вассалов династии Лоди.

В частности, он в противоположность отцу и деду не делал различий между афганской феодальной знатью и иноплеменниками, заявляя, что у правителя не должно быть родственников. Афганские эмиры, которым до того разрешалось сидеть в присутствии султана, должны теперь были стоять перед его троном скрестив на груди руки.

Недовольные Ибрахимом афганские феодалы объединились вокруг Джалал-хана, правителя Джаунпура. Ибрахим приказал Джалал-хану покинуть Джаунпур и прибыть в его ставку, но тот не подчинился приказу и, бежав в Калпи, объявил себя государем [17]. Так, он заключил союз с крупнейшим военачальником Ибрахима Азамом Хумаюном и вместе с ним напал на крепость Ауд. Ибрахим лично повел войско против мятежников и заставил их отступить. Тогда Джалал-хан напал на Агру, намереваясь разорить город, однако один из военачальников Ибрахима, Малик Адам, сумел убедить Джалал-хана отказаться от своих притязаний на власть. «Если ты... прекратишь бить в барабан,— писал Малик Адам,— разрушишь свой [шахский] шатер и будешь поступать подобно другим эмирам, то мы будем просить Ибрахима сохранить за тобой Калпи».

Джалал-хан согласился на эти условия, но Ибрахим, захвативший Калпи и Итаву, не пожелал их выполнять. Он взял Гвалиор (местный индусский правитель признал себя вассалом Дели), затем — Гондвану. В Гондване Джалал-хан попал в плен и был казнен.

Методы, применяемые Ибрахимом Лоди в его борьбе с недовольными феодалами и соседними государствами, дали хронистам повод охарактеризовать его как «весьма хитрого и вероломного человека» [18].

После устранения Джалал-хана политика Ибрахима, направленная на подавление сепаратистских настроений среди феодалов, приобрела особенно деспотический характер. Теперь он решил покончить с Азамом Хумаюном, союзником казненного Джалал-хана, одним из старейших и наиболее уважаемых представителей афганской знати. Азам Хумаюн со своим сыном Кутлуг-ханом был брошен в тюрьму, а другой его сын, Ислам-хан, правитель Кара, был смещен со своего поста, на который Ибрахим назначил брата Азама Хумаюна — Ахмад-хана. Действуя таким образом, Ибрахиму удалось противопоставить друг другу членов одного могущественного феодального дома.

Когда Ислам-хан узнал о том, что его отец и брат находятся под арестом, он напал на Кару, разбил Ахмад-хана и вновь завладел городом. Ислам-хана поддержали афганские феода-

лы из Лакхнау [19], в частности Икбал-хан и Саид-хан Лохани. Восстание приобрело угрожающий характер. В распоряжении мятежных феодалов оказались 40-тысячная армия и 500 боевых слонов. Им удалось захватить Газипур. Ибрахим направил против мятежников Ахмад-хана, которому написал: «Если этот бунт не будет подавлен, то это будет означать, что Вы заодно с ними (т. е. с восставшими. — *С. А.*)» [20].

Тем не менее все попытки Ахмад-хана разгромить восстание не дали результатов. На последовавших затем переговорах мятежные феодалы потребовали от Ибрахима освобождения Азама Хумаюна из-под стражи и восстановления его прежнего положения в государстве. Однако Ибрахим отверг эти требования. Во главе большой армии, к которой присоединились также Дарья-хан и Насыр-хан Лохани с войсками из Бихара и Бианы, он сам выступил против восставших. Только тогда восстание было подавлено.

Политика Ибрахима Лоди, направленная на ликвидацию могущества феодальной знати, физическое уничтожение наиболее влиятельных ее представителей, не принесла тех результатов, на которые рассчитывал султан.

Как сообщает придворный историк Акбара, Низам-аддин Ахмад ал-Херави, «ненависть и вражда эмиров к султану Ибрахиму перешла все границы; многие эмиры страны, такие, как Миян Бехуда, Азам Хумаюн, которые были главными эмирами [государства], скончались в заключении. [После этого] Дарья-хан Лохани — правитель Бихара, Хани Джахан Лоди, Миян Хасан Фармули и другие, охваченные ужасом и страхом, объявили себя независимыми, бросив этим открытый вызов [султану Ибрахиму]» [21]. Даже те, кто всегда поддерживал Ибрахима, не могли рассчитывать на его доверие. Так, по словам Феришты, несмотря на активное участие в подавлении восстания афганских феодалов, в немилость к Ибрахиму попал правитель Бихара Дарья-хан. Вскоре после этого был убит видный вельможа Миян-хан. И все же остановить бурно развивающийся процесс децентрализации Ибрахим Лоди был не в силах.

Одним из тех феодалов, которые попали в немилость к главе Делийского султаната, был и правитель Пенджаба Давлат-хан [22]. Чтобы проверить правильность слухов о жестоких расправах Ибрахима Лоди над его приближенными и о своей опале, он отправил в Дели своего сына Гази-хана. Тот вернулся в Пенджаб с самыми неутешительными вестями и предупредил отца, что на своем посту в Лахоре он долго не продержится. Тогда Давлат-хан и принял решение, предопределившее во многом дальнейшие судьбы Индии,— обратился за помощью к правителю Кабула Бабуру.

В своих воспоминаниях, касаясь событий 932 г. х., Бабур писал: «С 910 г. х. (1503/04), когда был покорен Кабул, и до

этого времени я всегда мечтал завладеть Хиндустаном, но иногда этому препятствовало скудоумие беков, а иногда — отсутствие поддержки со стороны родичей, так что поход в Хиндустан и покорение земель этой страны не осуществлялись. Наконец эти препятствия отпали, никто из беков и вельмож, малых или знатных, ни слова не мог сказать против моего намерения. В 925 г. х. (1519) мы повели войско, приступом взяли Баджаур, подвергли избиению всех его обитателей и пришли в Бхир. Не отдавая города на поток и разграбление, мы обложили жителей выкупом за безопасность, собрали четыреста тысяч шахрухи деньгами и товарами, раздали добычу воинам и некоторым нукерам и возвратились в Кабул. С тех пор и до 932 г. х. (1525/26) я усиленно стремился завоевать Хиндустан и за семь или восемь лет пять раз водил туда войска. На пятый раз господь великий, по своей милости и великодушию, ослабил и поверг в ничтожество такого противника, как султан Ибрахим, и подчинил нашей власти страну, подобную Хиндустану» [БН, л. 269а].

«После смерти Сикандара Лоди, — писал Низам-ад-дин Херави, — в период правления его сына Ибрахима, афганские эмиры обрели силу и отказались повиноваться султану Ибрахиму. По этой причине в Хиндустане начались беспорядки. Воспользовавшись этим, Захир-ад-дин Мухаммад Бабур стал искать пути покорения Хиндустана. Он отправлялся туда походом четыре раза, но [только] после пятого похода добился исполнения своей желанной мечты — стал падишахом в Дели» [23].

По вопросу о том, когда и при каких условиях у Бабура возникла идея похода в Индию, имеются различные суждения [24]. Одни исследователи считают, что это произошло сразу же после захвата Бабуром власти в Кабуле. Сторонник такой точки зрения Денисон Росс писал: «Будет справедливо предположить, что именно тогда, когда Бабур наводил порядок в своем новом государстве (Кабуле. — *С. А.*) и не совсем успешно попытался собрать с него годовой налог, его впервые вдохновила мечта об Индии» [25].

Согласно другой концепции, идея о создании государства на территории Индостана появилась у Бабура после его неудачного похода в Мавераннахр в союзе с иранским шахом Исмаилом Сефеви.

Ее сторонник С. Лен-Пул сомневался в том, что Бабур «видел свою цель в завоевании Индии, когда он только прибыл в Кабул. Заявления самого Бабура, — отмечал он, — указывают на то, что Самарканд имел для него гораздо большую притягательность. Когда же его любимая мечта погибла, сраженная его многочисленными неудачами и непобедимой мощью узбеков, именно тогда, а никак не раньше, мечта Бабура об индийской империи приняла отчетливую форму» [26].

Нам бы хотелось в этой связи привести одно высказывание Бабура, относящееся к 1507/08 г., когда Шейбани-хан готовился напасть на захваченный Бабуром Кандагар. Выступая перед своими советниками и военачальниками и убеждая их в необходимости избежать прямого столкновения с повелителем кочевых узбеков, Бабур, в частности, указал: «Столь чужие нам люди и исконные враги, как узбеки и Шейбани-хан, завладели всеми землями, прежде подвластными потомкам Тимура. Тюрки и чагатаи, которые еще остались в разных углах и краях, одни из корысти, другие поневоле, примкнули к узбекам. Я остался [один] в Кабуле, враг весьма силен, а мы очень слабы. Заключить мир надежды нет, сопротивляться тоже нет возможности. Имея столь сильного и могущественного противника, нам надо найти для себя какое-нибудь место; пока есть еще время и возможность, следует уйти подальше от такого мощного и грозного врага. Следует направиться либо в Бадахшан, либо в Хиндустан; необходимо решить, в которую из этих двух стран нам пойти». И далее: «...я и некоторые приближенные беки предпочитали идти в Хиндустан...» [БН, л. 213а].

Как представляется, процитированный выше фрагмент из «Бабур-наме» проливает свет как на те возможные мотивы, которые побудили Бабура принять решение о походе в Индию, так и на время зарождения у него соответствующих планов.

Итак, как мы видели, Бабур совершил всего пять походов в Индию. Первые два подробно описаны в «Бабур-наме». Что касается следующих двух его разведывательных походов, то сведения о них в доступных нам источниках отсутствуют. Лакуна в «Бабур-наме» не дала возможности и позднейшим авторам (Гульбадан-бегим, Абул-Фазлу, Фериште и др.) дополнить историю Бабура, ибо сами они использовали в качестве основного первоисточника его собственные воспоминания.

Абул-Фазл относит первый поход Бабура в Индию к 910 г. х. (1505 г.), второй — к месяцу джумад-ул-аввал 913 г. х. (сентябрь 1508 г.), третий — к месяцу мухаррам 925 г. х. (январь 1519 г.). Установить точно дату четвертого похода Абул-Фазлу, по его собственному признанию, не удалось [27], однако он полагает, что поход этот был совершен в 930 г. х. (1523/24).

Сунджан Рай Мунши первым походом Бабура считает его нападение на Мултан в 912 г. х. (1506/07), второй его поход (в окрестности Мандавара) он относит к 913 г. х. (1507/08), третий (в Бхир) — к 925 г. х. (1519), четвертый (в Лахор и Дибалпур) — к 930 г. х. (1523/24) [28].

Фериштa считает, что первый поход Бабура состоялся в начале 1519 г., когда его войско переправилось через Синд (в персоязычных хрониках — Нил-Аб). Второй поход Бабура, по мнению этого историка, есть не увенчавшееся успехом наступление на Лахор в конце того же года.

Попытка Бабура захватить Лахор не удалась лишь потому, что кашгарский правитель Саид-хан внезапно напал на принадлежавшую Бабуру крепость Зафар, а правитель Кандагара за его спиной вступил в переговоры с Ираном.

«Прологом к первому акту вторжения Бабура в Индию», по меткому выражению С. Лен-Пула, явился его поход в Баджаур, состоявшийся в 1519 г.[29]. Подробное описание этого похода содержится в «Бабур-наме» [БН, л. 217а, 218а]. Бабур отмечает, в частности, то, что баджаурцы не знали огнестрельного оружия, они «никогда еще не видели ружей и потому совершенно не опасались их; больше того, слыша ружейные выстрелы, они становились напротив стрелков и делали, издеваясь, всякие непристойные движения» [БН, л. 217а]. Крепость была взята штурмом, и почти все ее защитники уничтожены. «На крышах, на улицах, в переулках и в домах лежало бесконечное множество мертвецов, — сообщает Бабур, — люди ходили туда и назад прямо по трупам» [БН, л. 218а].

Область Баджаура была передана в управление эмиру Ходже Калану. Из Баджаура Бабур выступил на восток через Бунир и 17 февраля 1519 г., перейдя вброд Инд выше Аттока, двинулся в Бхир. «Когда мы уходили из Баджаура, — пишет в этой связи Бабур,— то имели в виду захватить Бхир... Так как граница Хиндустана находилась неподалеку от Бхира, то нам пришло на ум тотчас же направиться туда налегке; быть может, воинам что-нибудь и достанется» [БН, л. 222а].

Как известно, еще в 1398 г. Пенджаб был захвачен Тимуром. После ухода из Индии он передал часть бывших владений делийских султанов Хизр-хану, преемник которого Мубарак-шах в течение первых лет своего правления платил дань Тимуридам. На этом основании Бабур считал себя законным наследником завоеванных некогда Тимуром земель[30].

«... Так как эти области, то есть Бхир, Хуш-Аб, Чин-Аб, Чиниут, некоторое время были во власти тюрка, то мы смотрели на них, как на свои владения, — подчеркивал Бабур. — Силой или миром, мы твердо решили их взять и завладеть ими» [БН, л. 223б]. Стремясь снискать расположение жителей этого района, Бабур запретил своим воинам грабить и обижать население. Одновременно в Бхир был отправлен представитель Бабура Абдуррахим-бек, чтобы «задобрить жителей» и успокоить их. В итоге правитель Бхира Али-хан, сын правителя Лахора Давлат-хана, без сопротивления сдал город и заплатил Бабуру большой выкуп.

По словам Феришты, затем Бабур послал Мавлана Муршида в Дели к султану Ибрахиму с требованием вернуть те земли, которые принадлежали потомкам Тимура, т. е. Бхир и примыкающие районы и области. Однако Давлат-хан задержал посла Бабура в Лахоре, опасаясь, что Ибрахим вдруг удовлетворит эти требования и подружится с Бабуром, либо,

отвергнув их, затеет с ним войну в Пенджабе. Такое пассивное противодействие со стороны Давлат-хана не давало Бабуру возможности активно продвигаться в глубь Индии. Тем временем положение в Кандагаре и Бадахшане осложнилось. Первому постоянно угрожал Шах-бек Аргун, а из Бадахшана Бабур, по словам Гульбадан-бегим, получил весть, что «Мирза-хан умер, а Мирза Сулейман слишком мал, чтобы [управлять], а узбеки близки; подумайте о том, чтобы Бадахшан не упал из рук» [31]. В конце концов Бабур вернулся в Кабул.

Этот поход Бабура оказался весьма удачным по своим результатам, ибо им были покорены Бхир, Хуш-Аб, «страна Чин-Аба» (территория между реками Джейлем и Чин-Аб). Повсюду он назначил правителей из числа своих приближенных: в Бхире — Хинду-бека, в «стране Чин-Аба» — Хусейна Ираки, а на территории между Бхиром и Синдом, т. е. зе́мли карлуков, хазара, хати, гиясвалов и китибов,— Мухаммада Али Дженг Дженга [БН, л. 228а, 232а]. Вся эта территория имела большое стратегическое значение, поскольку город Бхир считался «воротами Хиндустана» [32].

Из «Бабур-наме» известно о целом ряде мероприятий Бабура, проведенных в 1519 г. и, видимо, связанных с подготовкой к очередным походам в Индию: осмотр урожая в Кабуле, в туманах Нингнахар, Алишанг и Ниджрау; намерение перестроить крепость Пешавара для приспособления ее к хранению зерна [БН, л. 244а]. Эти факты, на наш взгляд, противоречат мнению индийского историка Трипатхи о том, что Бабур на данном этапе своей карьеры не мог и помышлять о такой большой военно-политической акции, как покорение Индии. Мы же считаем названные мероприятия подтверждением того, что Бабур отдавал себе отчет в сложности задач, связанных с завоеванием Индии, и тщательно к нему готовился.

Следующий поход Бабура в Индию состоялся, согласно Фериште, в 1520 г. Ему удалось покорить Сиалкот и Саидпур [33], но положение дел в Кандагаре стало настолько серьезным, что дальнейшее продвижение в глубь Индии пришлось отложить.

Тем временем правитель Кандагара Шах-бек Аргун через посредничество правителя Хорасана Амир-хана и при его согласии выразил готовность стать вассалом иранского шаха Тохмаспа I, наследника шаха Исмаила. Бабур осадил Кандагар и упорно штурмовал крепость. Наконец, в 1522 г. город пал. Шах-бек Аргун бежал в Синд. Покорение Кандагара развязало Бабуру руки для того, чтобы бросить все силы на завоевание Индии. Его поход на Лахор в 1523 г. явился фактически своего рода прелюдией решающего столкновения с армией султана Ибрахима на Панипатском поле.

Поход Бабура в Лахор и захват им Дибалпура не описаны в «Бабур-наме». Очередной пробел в этих мемуарах, относящийся к периоду между 1519 и 1526 гг., не дает возможности

проанализировать этот поход с учетом интерпретации его самим Бабуром.

По единодушному мнению индийских персоязычных историков, одной из причин этого похода было обострение разногласий между султаном Ибрахимом и правителем Пенджаба Давлат-ханом. Последний, как говорилось выше, обратился за помощью к Бабуру. Он отправил к нему своего сына Гази-хана, и тот заручился согласием Бабура вступить в Пенджаб и оказать Давлат-хану содействие в организации отпора Ибрахиму Лоди.

Бабур выступил из Кабула в 1524 г. Он прибыл в Бхир, а оттуда направился к Лахору и остановился недалеко от него в местечке Шашкурух [34]. Там произошло столкновение его войска с войском султана Ибрахима, которое возглавляли Бахадур-хан, Мубарак-хан Лоди и Бихак-хан Лохани. Кратковременный бой завершился победой Бабура, который вступил в Лахор, а спустя три дня двинулся на Дибалпур и вскоре взял его.

В Лахоре к Бабуру присоединились Давлат-хан и его двое сыновей — Гази-хан и Дилавар-хан. Однако, вместо того чтобы вернуть Лахор Давлат-хану, Бабур отдал ему Джаландхар и Султанпур. Только теперь Давлат-хан понял свою ошибку и, чтобы как-то исправить положение, стал прилагать все усилия к тому, чтобы удалить основные силы Бабура от Лахора. В частности, он настойчиво советовал Бабуру напасть на афганских вождей Исмаила и Бина Джилвани в Тилхара. Бабур сначала согласился, но Дилавар-хан предупредил его об истинных замыслах Давлат-хана: «Мой отец и брат, пустив в ход коварство и измену, затевают зло против Вас и под предлогом борьбы против афганцев Джилвани хотят отправить Ваше войско подальше от Вас» [35]. Одновременно бежавший к Бабуру дядя султана Ибрахима, Алам-хан, предложил ему Лахор в обмен на помощь для захвата делийского престола. В результате Бабур пришел к мысли, что при завоевании Индии поддержка со стороны таких влиятельных феодалов, как Дилавар-хан и Алам-хан, была бы ему очень кстати. Поэтому он и назначил Дилавар-хана правителем областей Джаландхар и Султанпур, которые были ранее обещаны его отцу и брату, а Дибалпур отдал Алам-хану. Правителем Лахора стал эмир Бабура Абдул Азиз Мирахур, Сирхинда — его приближенный Хосров Кукельташ, а Каланпура — его военачальник Али Дженг Дженг [36]. Все они получили указание Бабура поддерживать Алам-хана в его борьбе за Дели, а сам он возвратился в Кабул.

Воспользовавшись отсутствием Бабура в Пенджабе, Давлат-хан напал на Султанпур, разбил войско Алам-хана и захватил Дибалпур, а затем атаковал Сиалкот. Дилавар-хан попал в плен, а Алам-хан бежал в Кабул. Овладев большей

частью Пенджаба. Давлат-хан в 1524 г. в сражении под Сирхиндом разбил войска султана Ибрахима. Бабур же понимал, что борьба Алам-хана с султаном Ибрахимом одинаково обессилит обоих; именно поэтому он и поддержал намерение Алам-хана ускорить поход на Дели. Что касается Давлат-хана, то судьба его представлялась Бабуру предрешенной, ибо, оказавшись меж двух огней (Бабуром и султаном Ибрахимом), Давлат-хан неминуемо должен был проиграть.

Глава IX

ПАНИПАТСКАЯ БИТВА

К концу 1525 г. в руках Бабура оставался только Лахор, вся остальная территория Пенджаба, включая Султанпур, Дибалпур, Сиалкот и Каланджар, вновь отошла к Давлат-хану и его старшему сыну — Гази-хану.

В связи с разрывом отношений между Бабуром и Давлат-ханом Ахмад Ядгар сообщает о письме, которое последний получил от султана Ибрахима[1]. Правитель Дели выразил свое удивление тем, что Давлат-хан пригласил Бабура в Хиндустан, и обещал ему, что если он выступит против Бабура и разобьет его, то Пенджаб будет вновь передан ему, Давлат-хану, в управление.

В своем ответе Ибрахиму Давлат-хан написал, что Бабура на Индию навлек не он, а злодеяния самого султана Ибрахима.

Однако, отвергнув предложение Ибрахима, Давлат-хан не собирался принимать сторону Бабура, который сильно ограничил его привилегии и власть в Пенджабе. И, повесив на пояс две сабли в знак вызова обоим своим противникам, Давлат-хан предпринял активные и, как уже говорилось, успешные военные действия. Наступление Давлат-хана, поставившее под угрозу позиции Бабура в Пенджабе и других индийских землях, вынудило его принять самые решительные меры.

В ноябре 1525 г. Бабур выступил из Кабула. Это был пятый и последний поход Бабура в Индию. События, связанные с этим походом, подробно описаны в «Бабур-наме». Естественно, что наиболее детально представлены в воспоминаниях Бабура те из них, которые происходили в его собственном лагере.

4 ноября 1525 г. Бабур переправился через Инд и двинулся к Сиалкоту. В декабре к нему присоединились со своими отрядами его сын Хумаюн и Ходжа Калан, один из самых испытанных его эмиров, правитель Газни [БН, л. 252а].

С присоединением бадахшанских (Хумаюна) и газнийских войск силы Бабура значительно возросли. Это была самая большая армия, которую он когда-либо имел. Правда, о ее численности источники сообщают противоречивые данные. Согласно «Бабур-наме», она не превышала 12 тысяч человек [БН, л. 254а], Фериштa называет другую цифру — 10 тысяч.

Когда Бабур прибыл в пенджабский городок Бикрам, он узнал от местного правителя Вали Кизила, что Сиалкот пал, а его наместник Хосров Кукельташ потерпел поражение от Давлат-хана. За этим последовали еще более тревожные вести: Давлат-хан и Гази-хан собрали войско численностью в 20 или 30 тысяч человек, взяли Каланур, город в Пенджабе, и готовились к походу на Лахор [БН, л. 254а]. Бабур спешно отправил туда гонца с приказанием лахорским бекам не вступать в бой до его прибытия, а сам направился в Бахлулпур — крепость близ Сиалкота, надеясь перехватить здесь противника. Однако в районе Сиалкота Давлат-хана не оказалось.

Приближение армии Бабура, по-видимому, заставило Давлат-хана отказаться от похода в Лахор. Почему-то он опасался непосредственного столкновения с Бабуром. Последний даже вынужден был запросить лахорских беков о том, «где находится враг, узнать от сведущих людей, в каком месте он мог бы с нами столкнуться» [БН, л. 255б].

Однако генерального сражения так и не произошло. Возможно, из-за разногласий между Давлат-ханом и его союзниками его армия, вчетверо превышавшая силы Бабура, рассеялась; по данным «Тарих-и Фериште», Давлат-хан ушел в Милват, а Гази-хан в горы [2].

Войска Бабура плотным кольцом окружили Милват, блокировали также две близлежащие крепости — Кутил и Гингут, и Давлат-хан, оставив все надежды на спасение, сдался. За Гази-ханом была отряжена погоня, однако тому удалось уйти. Бабур сохранил жизнь Давлат-хану и его семье, но его казну и имущество конфисковал. Судя по рассказу Фериште, большое впечатление на Бабура произвели не богатства Давлат-хана, а редкие рукописи, обнаруженные им в книгохранилище Гази-хана. Часть рукописей Бабур отправил в Кабул, а остальные подарил Хумаюну [БН, л. 259б].

Давлат-хан вскоре умер — по дороге в Милват, куда Бабур велел его заточить. Это произошло 19 февраля 1526 г., и Бабур стал полновластным хозяином Пенджаба.

Но задерживаться здесь он не собирался. Назначив правителем Милвата Мухаммада Али Дженг Дженга и оставив в городе гарнизон, он выступил на Дели: «...я поставил ногу в стремя решимости, взял в руки поводья упования на бога и пошел на султана Ибрахима, сына султана Бахлула Лоди, афганца» [БН, л. 261а].

Навстречу ему по правому берегу Джамны двигалась армия Ибрахима. Кроме того, на помощь султану Дели выступил из Хисар-Фируза отряд его правителя Хамид-хана.

Ко времени Панипатской битвы Бабур обладал уже обширными военными познаниями и громадным боевым опытом. Ему были известны тактические приемы и маневры Шейбанихана, шаха Исмаила Сефеви, Султана Хусейна и других круп-

нейших военачальников той эпохи. В его армии был отряд, состоявший из солдат, вооруженных ружьями, были пушки, которые обслуживались турецкими артиллеристами, при том, что у его противника вообще не было огнестрельного оружия.

Узнав о продвижении Хамид-хана с целью соединить свои силы с армией султана Ибрахима, Бабур приказал Хумаюну перехватить войско правителя Фируза и разбить его. Восемнадцатилетний сын Бабура блестяще справился с поручением. Удачный исход этого небольшого сражения весьма обрадовал Бабура. «Это было первое выдающееся дело и первый поход Хумаюна; оно явилось прекрасным предзнаменованием на будущее», — пишет он в своих воспоминаниях [БН, л. 263а]. Вслед за этим в Миан-Дуабе был разбит пятитысячный разведывательный отряд Ибрахима во главе с Дауд-ханом и Хатим-ханом [3]. Эти первые победы Бабура, по-видимому, внесли разброд в ряды союзников Ибрахима. Фериштa и другие историки сообщают о переходе на сторону Бабура одного из эмиров делийского султана, Бин Джилвани, с войском из 3 тысяч человек [4].

В начале апреля армии противников подошли к Панипатскому полю.

Построение армии Бабура было довольно сложным и учитывало опыт ведения боя в разных странах Среднего Востока. Армия имела центр (которым командовал сам Бабур) и два крыла (правое — во главе с Хумаюном и левое, во главе которого были поставлены Мухаммад-султан и Махди Ходжа) [5]. Им, в свою очередь, были приданы вспомогательные подразделения: «правый фланг центра» и «левый фланг центра», а также легкие отряды на краях обоих флангов. Командование этими подразделениями было поручено самым искусным и опытным эмирам. Правым флангом центра командовали Чин Тимур-султан и Шах Мансур-султан, левым флангом центра — Халифа и Ходжа Калан, на краю левого фланга действовали Вали Кизил и Малик Касым, на краю правого фланга — Кара-Кузи и Абдул-Мухаммад Найзабоз; эти два отряда должны были участвовать в маневре «тулгама», т. е. при появлении противника обходили его справа и слева и атаковали с тыла. Командование авангардом войска было поручено Хосрову Кукельташу, Ахмаду Али и др. Специальный отряд выполнял разведывательные функции. Был также выделен и особый «ударный отряд» (обозначаемый термином *тарах*) во главе с одним из лучших военачальников Бабура — эмиром Абдул Азизом Мирахуром. (Кстати говоря, по имеющимся у нас сведениям, Бабур использовал такое воинское подразделение лишь в одном сражении — при Панипате.)

Построение армии султана Ибрахима не описывается историками, но, по их единодушному мнению, она насчитывала

около 100 тысяч солдат и имела тысячу [6] боевых слонов, между тем как у Бабура было, как уже говорилось, от 10 до 12 тысяч воинов.

Учитывая подавляющее численное превосходство противника и предполагая, что именно он первым начнет наступление, военный совет, созванный Бабуром, решил: «...с одной стороны будут пригороды и дома, а другие стороны надо укрепить повозками и щитами и поставить за повозками стрельцов и пехотинцев» [БН, л. 264а]. Дело в том, что перед этим был издан приказ по войску собрать как можно больше повозок, которых в конечном счете набралось 700. Как явствует из текста, город Панипат Бабур использовал в качестве прикрытия одного из флангов. Другой фланг был прикрыт рвом и частоколом из поваленных деревьев и колючего кустарника, а для защиты фронта армии Бабур использовал, как он замечает, прием «румов» (турок). «Устаду Али Кули было приказано, по обычаю румов, связать повозки между собой вместо цепей ремнями из сыромятной бычачьей кожи. Между каждой парой повозок ставят шесть-семь щитов; стрельцы становятся за повозки и щиты и стреляют из ружей» [БН, л. 264а]. При этом среди подобных укреплений были оставлены промежутки, через которые могли пройти в ряд 100 или 150 всадников [БН, л. 264б].

Уже 12 апреля в лагере Бабура были закончены все приготовления, однако Ибрахим медлил. Судя по характеристике Бабура, султан Ибрахим был неопытным полководцем: «Ни при переходах его не было порядка, ни на стоянках, ни в походах не видно было рвения (у его воинов. — *С. А.*), ни в битвах» [БН, л. 265а].

Чтобы побудить противника к активным действиям, Бабур по совету некоторых военачальников предпринял внезапную ночную атаку на его позиции.

21 апреля 1526 г. войско Ибрахима построилось для боя. Казалось, что основной удар будет обрушен на правую сторону центра. Однако, приблизившись к линии обороны Бабура, передние ряды делийцев остановились. По скопившимся массам воинов Ибрахима солдаты Бабура открыли огонь из пушек и ружей. Тем временем конница Бабура стремительно атаковала противника с тыла.

Бабуру удалось не только быстро отразить натиск Ибрахима, но и взять инициативу в свои руки и самому перейти в наступление. Битва продолжалась до полудня, и в конце концов Бабуру удалось сломить сопротивление делийской армии. Противник обратился в бегство, оставив на поле битвы 15—16 тысяч человек убитыми. Погиб и сам султан Ибрахим.

Ахмад Ядгар сообщает, что Бабур, узнав о гибели султана Ибрахима, направился к тому месту, где лежало тело убитого, и, приподняв его голову, воскликнул: «Слава твоей храб-

рости!» Затем он приказал похоронить его с почестями. Однако автор «Тарих-и Дауди» Абдуллах приводит рассказ, будто бы услышанный им от 120-летнего старца, участника битвы при Панипате, который утверждал, что сам видел, как султан Ибрахим, спасаясь бегством, утонул в Джамне[7]. По некоторым другим сведениям, Ибрахим-шах якобы прожил еще год после Панипатской битвы[8]. Однако все эти сообщения, видимо, недостоверны. Согласно «Бабур-наме», султан Ибрахим был убит в бою. Тело его после битвы опознал один из эмиров Бабура, по имени Тахир Тибри.

Выиграв сражение при Панипате, Бабур направил свои войска для захвата Дели и Агры. 24 апреля 1526 г. он вступил в Дели. 27 апреля 1526 г. в мечети города близким другом и наставником Бабура Шейх Зейном[9] была прочитана хутба на имя Бабура.

Каковы были причины столь быстрой и убедительной победы Бабура над Ибрахим-шахом? В трудах персоязычных хронистов Индии нет объективного анализа факторов, обусловивших разгром войска делийского султана. Не находит глубокого и всестороннего освещения этот вопрос и в большинстве работ западноевропейских ученых, посвященных истории Индии. Ряд исследователей ограничиваются лишь подведением итогов битвы при Панипате, а поражение Ибрахим-шаха объясняют отсутствием у него военного таланта.

Бесспорно, что исход борьбы был во многом обеспечен военным искусством Бабура, в том числе умелым расположением войска за цепью укреплений (сдержавших натиск армии Ибрахима и его боевых слонов), применением быстрых фланговых ударов (тулгама) и обеспечением своевременной переброски подкреплений в нужный участок боя. Однако победа Бабура была облегчена тем, что армия Ибрахим-шаха явно уступала его собственной по своим боевым качествам. Здесь, несомненно, сказались усиление феодальной анархии в Делийском султанате, политическая децентрализация и ослабление власти верховного правителя.

Бабур отмечал, что при желании Ибрахим-шах мог набрать еще больше воинов, но правитель Дели, в характере которого «преобладала скупость» и который «стремился копить деньги без предела», не согласился увеличить свою армию перед решающей битвой [БН, л. 264б]. Однако вряд ли эта мера могла сделать делийскую армию более боеспособной, а власть султана — более прочной.

Военачальники Ибрахима, среди которых было много недовольных политикой султана, проявляли неповиновение. Некоторые из них перешли на сторону Бабура. Да и среди сражающихся в битве при Панипате военачальников Ибрахима было, по-видимому, немало доброжелателей Бабура. Например, еще во время пребывания Бабура в Сирхинде к нему прибыл по-

сланец одного из вассалов Ибрахима, эмира Араиш-хана, с просьбой ускорить наступление на Дели [БН, л. 261].

Анализ исторической ситуации в государстве Ибрахим-шаха Лоди показывает, что его власть была обречена. Непрерывные феодальные междоусобицы и мятежи против центральной власти, безуспешные попытки подавления сепаратизма могущественных эмиров подрывали военную мощь государства. Крестьяне и торгово-ремесленное население городов были настроены враждебно к своим угнетателям, как к султану и его чиновникам, так и к мятежным феодалам, военные столкновения между которыми пагубно отражались на состоянии земледелия и городского хозяйства. Жестоко эксплуатируемые и разоряемые феодалами трудящиеся массы ненавидели своего правителя, его ставленников и конкурентов. Военные победы Бабура в этой обстановке явились лишь последним ударом, положившим конец правлению династии Лоди в Северной Индии.

Глава X

БОРЬБА БАБУРА ЗА УПРОЧЕНИЕ СВОЕЙ ВЛАСТИ В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ (1526—1530)

Победа при Панипате не означала еще установления власти Бабура в Северной Индии. Вся территория к востоку от Агры оставалась в руках независимых афганских и тюркских военачальников и индийских раджей. Биана, Мевat, Дибалпур, Гвалиор, Рапри, Этава и Калпи были суверенными княжествами, и их владетели видели в Бабуре врага, посягавшего на их свободу. В городах к северо-востоку от Агры спешно сколачивалась коалиция против Бабура.

Таким образом, перед Бабуром как государственным деятелем стояла чрезвычайно сложная задача. Положение усугублялось и тем, что пришедшие с Бабуром его союзники и соплеменники были для местного населения чужаками, их язык, обычаи, культура, образ жизни резко отличались от того, что они встретили в Индии.

С недоверием относились к Бабуру и широкие народные массы. Завладев огромными сокровищами султана Ибрахима, Бабур тем не менее не сумел оградить свое войско от голода. В Агре и Дели замерла торговля, на базарах исчезли зерно и другие необходимые товары. «Когда мы прибыли в Агру, — рассказывает Бабур, — между нашими людьми и тамошними людьми сначала царила удивительная рознь и неприязнь. Воины и крестьяне тех мест боялись наших людей и бежали... когда мы пришли в Агру.. весь народ от страха бежал. Для нас и для коней нельзя было найти пищи и корма. Жители деревень, из вражды и ненависти, оказывали неповиновение, воровали и разбойничали; по дорогам невозможно было ходить. Мы еще не успели разделить казну и назначить в каждую область и местность крепких людей; к тому же в том году было очень жарко; люди во множестве разом падали и умирали от действия губительных ветров» [БН, л. 294]. Поэтому главное, что должен был сделать Бабур с самого начала, — это завоевать симпатии населения и феодальной верхушки, проводя политику, которая бы выгодно отличала его от Ибрахима.

Надо, к сожалению, отметить, что крупнейшие хронисты

Абул-Фазл, Фериштa и Ахмад Ядгар крайне мало сообщают о политических акциях Бабура после захвата Дели. Однако даже то, что нам удалось обнаружить, убедительно показывает, что Бабур сразу попытался наладить дружественные отношения с той частью индо-афганской феодальной знати, которая лояльно отнеслась к новому сюзерену.

Такая политика Бабура особенно наглядно проявилась в многочисленных земельных пожалованиях тем индо-афганским феодалам, которые поддержали его в это время. Шейх Гуран, одним из первых перешедший на сторону Бабура с 2—3 тысячами лучников, был пожалован уделом в Миан-Дуабе, Али-хан Кермани также получил владение, дающее доход в 25 лакхов танга. Некоторые из этих пожалований были огромны. Например, Фируз-хану была отдана во владение область Джаунпур с доходом в 1 крор 46 лакхов 5 тысяч танга, Шах Баязид получил область Ауд с доходом в 2 крора 48 лакхов 50 тысяч танга, Махмуд-хан — Газипур с доходом в 90 лакхов 35 тысяч танга, Кази-Джия — 20 лакхов танга и т. д. [1].

Трудности со снабжением армии, с которыми пришлось столкнуться Бабуру, непривычный климат, враждебное отношение местного населения породили чувства разочарования и тоски среди его воинов: многие из них не скрывали своего желания вернуться в Кабул. Постепенно эти настроения усилились, ими были охвачены даже самые испытанные военачальники. Среди них был и Ходжа Калан, верный советник и друг Бабура. Наконец сторонники возвращения на родину обратились с этой просьбой к своему повелителю. Намерение самого Бабура обосноваться в Индии им поколебать не удалось, но и тому пришлось пойти на уступки. Бабур удовлетворил желание Ходжи Калана о пожаловании ему Газни, Гардиза и местностей, которые были населены хазарейцами Султана Масуда, а также удела Гхурам в Индии [БН, л. 295б]. В то же время он поручил Ходже Калану установить «твердую власть и порядок» в Кабуле и Газни. Опыт и энергия Ходжи Калана были там крайне необходимы, и теперь Бабур мог в общем быть спокоен за свои афганские владения. Твердая решимость Бабура остаться в Индии, его искусная внутренняя политика принесли свои плоды. Постепенно он сумел добиться поддержки многих видных феодалов. Ахмад Ядгар писал: «Бабур с каждым обращался с такой добротой и щедростью, что страх и ужас покинули сердца людей, и они чувствовали расположение к его величеству» [2].

Однако и противники Бабура не теряли времени даром. Во главе афганской верхушки, занявшей враждебную позицию по отношению к Бабуру, встал сын Давлат-хана — Мухаммад-хан. Против его войска, выступившего из Бихара в Канаудж, Бабур отправил Хумаюна. Но самым опасным его соперником был могущественный раджпутский князь Рана Санга, имевший

репутацию храброго и опытного полководца. К нему примкнули многие правители округов, расположенных в западной части Индии.

Рана Санга был одним из наиболее влиятельных раджей Индии. «Князья Марвара и Амбара изъявили ему покорность, а раджи Гвалиора, Аджмира, Сикри, Калпи, Чандара, Бунди, Гограона, Рампура были его данниками или платили дань верности как вождю. Его облик выдавал в нем истинного воина: один глаз у него был выбит в стычке с братом, рука потеряна в бою с делийским султаном Ибрахим-шахом Лоди, а на теле было около 80 ран от мечей и копий»[3]. Ко времени прихода Бабура в Индию его войско насчитывало 100 тысяч воинов. При нем княжество Мевар достигло апогея своего могущества (1509—1528). Более чем кто-либо из князей Раджпутаны Рана Санга был близок к тому, чтобы объединить все раджпутские княжества под своей властью.

Ранее Бабур и Рана Санга были союзниками. Еще в бытность Бабура в Кабуле Рана Санга обратился к нему с предложением о совместном выступлении против Ибрахима Лоди. Вот что говорится об этом в «Бабур-наме»: «Рана Санга-нечестивый, когда я был еще в Кабуле, прислал человека, выражал доброжелательство, и мы порешили так: „Если государь, то есть я, придет в область Дели, то я, [Рана Санга], уйду оттуда на Агру“» [БН, л. 298а]. Действительно, во время похода Бабура на Лахор Рана Санга оказал упорное сопротивление армии, посланной против него Ибрахимом Лоди; тем самым он, бесспорно, способствовал успешной кампании кабульского правителя в Пенджабе. По мнению К. А. Антоновой, «Рана Санга полагал, что ... совершив успешный набег и ограбив Дели, Бабур удовольствуется богатой добычей и вернется в афганские земли»[4]. Тогда сам он сможет легко завладеть всей Северной Индией. Но правитель Мевара просчитался и теперь стремился исправить допущенную ошибку.

К. Маркс отмечал: «*Санграм, властитель Мевара, — раджпутский князь,* подчинивший себе *Аджмир и Мальву* и *признанный сюзереном Марвара и Джайпура,* — двинулся с большим войском на завоевание государства Дели»[5].

Среди союзников Раны Санги были Махмуд-хан, сын султана Сикандара Лоди, раджи Марвара — Барам Див и Нарсанг Див, раджи Чандара — Медина Рай и Хасан-хан Мевати. По словам Феришты, их соединенные силы насчитывали более 200 тысяч воинов[6]. Махмуд-хан прибыл в лагерь Раны Санги с десятитысячной армией. Медина Рай и раджи Марвара имели армию в 60 тысяч человек, Хасан-хан Мевати — в 10 тысяч[7].

Учитывая сложность обстановки и прекрасно понимая мощь Раны Санги, Бабур принял решение вызвать Хумаюна, который к тому времени с помощью лояльных Бабуру местных

князей нанес поражение афганским феодалам. Преследуя их, армия Хумаюна захватила Газипур и Ауд. Оставив в захваченных им городах гарнизоны, Хумаюн через Калпи вернулся в Агру. По словам историков, вместе с ним, для того чтобы участвовать в войне против раджпутов, в Агру прибыл правитель Ауда — Азам-хан Лоди, дядя султана Ибрахима.

Итак, Бабур тщательно готовился к битве с Раной Сангой. Опасаясь предательства, он под предлогом обороны границы своего государства отослал в отдаленные районы некоторых военачальников-индусов. Все же, по сообщению Фериштьі, отдельные индусские феодалы были оставлены им в войске, выступившем навстречу Ране Санге.

Бабур также пытался привлечь на свою сторону Хасан-хана Мевати, однако Рана Санга опередил его. Ахмад Ядгар приводит письмо раджпутского вождя, отправленное Хасан-хану Мевати: «Моголы пришли в Хиндустан, убили султана Ибрахима и захватили страну; ясно, что они таким же образом пошлют армию и против нас обоих; если вы присоединитесь ко мне, мы без труда одолеем их» [8].

Когда весть об этом дошла до Агры, Мирза Хиндал и Махди Ходжа, будущий зять Бабура, были посланы с огромной армией в Мевat, за ними выступил и сам Бабур. Когда Хасан-хану стало известно о приближении врага, он намеренно дал знать Ране Санге, и тот, как пишут историки, «оставил свой дом и собрал армию индусов с намерением начать войну» [9].

После прибытия Хумаюна в Агру Бабур узнал, что его противник продвигается в направлении сильной крепости Биана, находившейся на границе между его владениями и Раджпутаной и имевшей большое стратегическое значение. Бабур принял решение овладеть этой крепостью до подхода армии Раны Санги, однако посланный им отряд был разбит. Тогда Бабур вступил в переговоры с возглавлявшим оборону крепости военачальником Низам-ханом, предложив ему щедрую награду, если Биана будет сдана. Низам-хан принял это предложение. Его примеру последовали правитель Гвалиора Татар-хан и правитель Дибалпура Мухаммад Зайтун. Они без боя сдались Бабуру [БН, л. 304б, 305а].

11 марта 1527 г. Бабур начал укреплять свои позиции в местечке Сикри. Он повторил тот же прием, который был столь успешно использован им в битве при Панипате, т. е. прикрыл фронт армии, соединив цепями телеги и повозки, между которыми были оставлены небольшие промежутки. На левом фланге была установлена артиллерия, которой командовал Устад Мустафа Али. Своеобразным новшеством явилось использование связанных между собой попарно переносных деревянных треножников. Их разместили за рвом, вырытым там, где не было телег и пушек [10]. Все эти приготовления заняли двадцать пять дней.

Немалых усилий стоило Бабуру укрепить и боевой дух своих воинов, находившихся под впечатлением рассказов о непобедимости Раны Санги, мощи его войска. Определенную роль в распространении пораженческих настроений, неуверенности и страха сыграло неудачное столкновение разведывательного отряда Бабура с раджпутами. Наконец, прибывший из Кабула звездочет Мухаммад Шариф заявил, что в эти дни Марс стоит на западе и всякий, кто пойдет войной с этой стороны, будет побежден [БН, л. 311б]. Даже испытанные военачальники принялись убеждать Бабура в невыгодности позиций их войска и неизбежности поражения. По словам Феришты, они утверждали: «Враг весьма силен. Было бы разумно его величеству удалиться в Пенджаб, оставив в крепостях надежные силы. Следует довольствоваться той милостью Аллаха, которую он ниспослал» [11].

В своих мемуарах Бабур писал: «В эти дни, вследствие минувших событий, великие и малые... испытывали большую тревогу и беспокойство. Ни от кого мы не слышали мужественного слова и смелого мнения. Велеречивые эмиры и проедающие свои области вазиры ни в словах, ни в поступках не были смелы; ни в речах их, ни в планах не было мужества» [БН, л. 314б]. Рапри, Чандар, Кол, Канаудж, Гвалиор были захвачены врагом. Афганские эмиры Хайбат-хан и Каранг Андоз бежали из лагеря Бабура в Самбхал, да и вообще «каждый день откуда-нибудь приходили дурные вести» [БН, л. 315а].

Незадолго до сражения Бабур собрал всех военачальников и воинов и выступил перед ними со своей известной речью, призвав всех биться насмерть и принести в том клятву. Провозгласив «священную» войну против «неверных», он зарекся пить вино, а все запасы приказал вылить или превратить в уксус. По его приказу золотые и серебряные бутыли и кубки были разбиты и розданы «достойным того и нищим» [БН, л. 312].

Страстная речь Бабура, его твердая решимость не останавливаться ни перед чем ради достижения победы, по-видимому, оказали ободряющее воздействие на его воинов. Боевой дух армии Бабура, таким образом, значительно укрепился.

Бабур также хорошо понимал, что успех в его борьбе с Раной Сангой во многом зависел от отношения к нему местных жителей. Стремясь завоевать симпатии населения, он издал фирман, в котором заявил о своем намерении «не брать и не взимать тамги (торговый налог.— *С. А.*) в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах» [БН, л. 314а]. Этот документ, текст которого полностью приводится в «Бабур-наме», датирован 24-м числом первого джумада 933 г. х. (27 февраля 1527 г.), т. е. ровно за две недели до решающей битвы. Бабур рассчитывал, кроме того, привлечь на свою сторону местных торговцев-мусульман (в ряде государств фео-

дальной Индии мусульмане занимали видное место среди крупного купечества и в аппарате управления [12]) и связанных с торговлей феодалов, многие из которых были выходцами из Хорасана и Средней Азии. Отмена тамги, способствуя росту торговли и улучшению снабжения городов продовольствием, могла благоприятно влиять и на положение широких слоев городского населения.

Решающее сражение с Раной Сангой произошло 13 марта 1527 г. и было упорным и кровопролитным. Под стремительными ударами Бабура фланги противника дрогнули. Однако раджпуты бросили свои лучшие силы на левый фланг армии Бабура. Казалось, ход боя вот-вот изменится. Все же удачно исполненный Бабуром маневр «тулгама» и артиллерия Устада Мустафы Али, рассеявшая конницу Раны Санги, решили судьбу сражения [13]. Раджпуты обратились в бегство. В бою пали виднейшие союзники Раны Санги — Хасан-хан Мевати, правитель Дунгарпура, Равал Уди Синг Багари, Рай Чандрабан Чухан, сын правителя Чандара — Бхупат Рао и многие другие [БН, л. 323б]. Сам главнокомандующий был тяжело ранен. Победители преследовали бежавших с поля боя солдат противника и убивали их.

После победы при Сикри Бабур щедро роздал своим сподвижникам земельные пожалования. Наряду с эмирами, участвовавшими в сражении, земельные пожалования получили члены тимуридского дома — родственники Бабура по линии Султана Хусейна, родственники со стороны его дяди Юнус-хана, многие женщины — родственницы Бабура. Но особое внимание Бабур уделил своим военачальникам, причем храбрейшие из них получили пожалования, включавшие по нескольку округов либо отдельные города с прилегающими к ним районами.

Хотя Бабур, начиная войну с Раной Сангой, объявил ее «джихадом», в действительности она, конечно, не носила строго выраженного религиозного характера. Например, армия Раны Санги включала отряды, навербованные из различных народностей и племен Северо-Западной Индии, среди которых одним из самых многочисленных был контингент мусульман-афганцев под командованием Хасан-хана Мевати и Махмуд-хана Лоди.

25 апреля 1527 г. Бабур вернулся в Агру. Битва при Сикри («*Индийский Гастингс*» — К. Маркс) окончательно решила исход борьбы за Индию в пользу Бабура. Наряду с этим поражение Раны Санги подорвало могущество раджпутской знати и предопределило ее подчиненное положение в империи Великих Моголов.

В исторической литературе, к сожалению, нет достаточно обстоятельных исследований, посвященных выявлению причин поражения Раны Санги в битве при Сикри.

Рана Санга не уступал Бабуру в отваге, имел громадный

боевой опыт, его армия превосходила армию Бабура по численности более чем в пять раз, и тем не менее он потерпел полное поражение. Почему же это произошло? Не вдаваясь в чисто военные аспекты битвы при Сикри (историки обычно подчеркивают решающую роль артиллерии в победе Бабура), укажем на имеющиеся данные о глубоких противоречиях между Раной Сангой и частью его союзников. Так, Ахмад Ядгар приводит содержание письма Раны Санги, якобы отправленного им военачальнику Бабура Махди Ходже, в котором он писал, что был готов читать хутбу и чеканить монеты с именем «его величества» и вообще не собирался с ним воевать, но его принудил Хасан-хан Мевати. Рана Санга будто бы писал также, что, как только Хасан-хан Мевати погибнет в бою либо попадет в плен, он сам перестанет сражаться. В случае же смерти своего союзника Рана Санга обещал уступить Бабуру его владение — Мевat [14].

По мнению Ахмада Ядгара, стремление Раны Санги избавиться от Хасан-хана Мевати подтверждается и ходом боя. Перед началом сражения Рана Санга, воспользовавшись правами главнокомандующего, построил войско таким образом, что Хасан-хан Мевати должен был принять на себя первый удар противника. Так оно и произошло. Хасан-хан Мевати, сражаясь на правом крыле армии Раны Санги, действительно был атакован мощными силами Бабура и погиб вместе со своими воинами.

Даже если эта информация Ахмада Ядгара не вполне достоверна, сам факт подобной интерпретации событий, безусловно, свидетельствует об отсутствии единодушия среди различных групп индийских феодалов в их борьбе против Бабура.

Положение в стране оставалось, однако, серьезным. Разрозненные отряды Раны Санги продолжали оказывать сопротивление. К тому же многие города и крепости Восточной Индии, где были размещены гарнизоны Бабура, были захвачены его врагами. Так случилось, в частности, в Канаудже, правитель которого Мухаммад Дулдай был вынужден оставить город. Одновременно на Лукнур, где также правил назначенный Бабуром наместник, напал Бибан Афган, а в Мальве укрепил свои позиции вождь местной знати Медина Рао. Последний был признанным главой раджпутов, а его ставка Чандари славилась как мощная крепость и была важным торгово-ремесленным центром [15]. Медина Рао участвовал в сражении при Сикри, но ему удалось уйти от преследователей и хитростью захватить Чандари.

Предвидя, что Чандари может быть оплотом для нового похода против него, Бабур решил не теряя времени напасть на Медину Рао. Кроме того, покорение Чандари и уничтожение сил Медины Рао имело важное значение как по военно-политическим, так и по экономическим соображениям. Из Чандари

Бабур мог бы контролировать долину Ганга и Джамны, через Мальву пролегал путь в Раджпутану и в центральные районы Хиндустана. В то же время богатая Мальва могла стать хорошим источником доходов и снабжать продовольствием столичную область.

Путь Бабура из Агры лежал вниз по течению Джамны, через которую он переправился у Калпи, а оттуда повернул к Чандари. На отдельных участках его войско проходило через джунгли, и люди должны были прорубать просеки [16].

20 января 1528 г. Бабур достиг Чандари и направил к Медине Рао послов (эмиров Араиш-хана и Шейха Гурана) с предложением заключить мир при условии, если Медина Рао согласится уступить Чандари в обмен на Шамсабад. Однако раджпут наотрез отказался, и столкновение было неизбежным. Тем временем Бабуру сообщили, что его армия, посланная в Бихар против афганских эмиров, разгромлена и, оставив Лакхнау, отступает в Канаудж.

Бабур хорошо понимал, что распространение вести об этом поражении перед самым штурмом крепости Чандари не может не ослабить боевой дух его войска. Поэтому он приказал скрывать эту весть, пока не будет взята Чандари [БН, л. 334а]. В эту же ночь внешние укрепления крепости были захвачены, а утром воины Бабура приступили к штурму ее внутренней части, но пушки Устада Али Кули были бессильны пробить каменные стены. Положение изменилось, когда был обнаружен проход, ведущий от наружной части крепости к цитадели. Устремившись в него, воины Бабура внезапно для раджпутов ворвались внутрь.

В «Бабур-наме» рассказывается об отчаянной храбрости защитников Чандари. Не желая попасть в плен, раджпуты сначала убили всех женщин, а затем яростно бросились на врага и сражались, пока не погибли все до одного.

Итак, бой за Чандари завершился полной победой Бабура. Оставив в крепости Ахмад-шаха, внука ее прежнего правителя — султана Наср-ад-дина, Бабур покинул Чандари [БН, л. 335б].

Тем временем Рана Санга, укрепившийся в крепости Ратхамбхор, решил напасть на Бабура с тыла. Некоторые из его афганских союзников возражали ему, убеждали отказаться от этого шага. Отчаявшись в том, что им удастся этого добиться, они задумали отравить Рану Сангу [17].

Бабуру стало известно о замыслах Раны Санги. Поэтому после захвата Чандари он вознамерился дать своему грозному противнику новое сражение. Однако в это время на востоке взбунтовались некоторые афганские вожди, причем им удалось захватить города Канаудж, Рапри и Шамсабад. Бабур вынужден был изменить первоначальные планы и направился со своей армией в сторону Канауджа [БН, л. 335б].

3 февраля 1528 г. Бабур выступил из Чандари. Путь его лежал через Джамну, Бангармау, Лакхнау. На противоположном (восточном) берегу Ганга стояли повстанцы во главе с Баязидом Афганом. Воины Бабура несколько раз пытались переправиться через реку, им это поначалу удавалось, но всякий раз афганцам удавалось оттеснить врага. Все же после нескольких дней боев афганцы отступили. Баязид Афган укрылся в джунглях. Восстание было подавлено.

13 января 1528 г. в Дибалпур, где разместился двор Бабура, пришло известие из Агры, что Махмуд-хан Лоди напал на Бихар и, взяв в плен его правителя Бахадур-хана, провозгласил себя владыкой этих земель, а многие афганские вожди собираются вокруг него с целью создания новой военной коалиции против Бабура.

Победе над Махмуд-ханом Лоди Бабур придавал большое значение, так как за спиной отпрыска династии Лоди стояли такие известные афганские эмиры, как Бибан и Баязид, а также Шер-хан Сур. Сам Махмуд Лоди был провозглашен Хасан-ханом Мевати и Раной Сангой наследником Ибрахима Лоди; он был одним из храбрейших в битве при Панипате, а после поражения находился в Меваре.

Идея создания военного союза против Бабура во главе с Махмуд-ханом Лоди возникла у ряда влиятельных афганских феодалов Бихара вскоре после поражения Раны Санги. Махмуд-хан был приглашен в Бихар и в конце 1528 г. провозглашен главнокомандующим. Под его знаменем была поспешно собрана довольно сильная армия.

20 января 1529 г. Бабур покинул Агру. Прибыв в местность Дугдуги (в области Кара), он узнал, что афганцы готовятся окружить его войско: эмиры Баязид и Бибан выступили в направлении Сарвара, Фатх-хан Сарвани совместно с самим Махмуд-ханом идут вдоль Ганга, направляясь в Чунар, а третий отряд во главе с Шер-ханом Суром движется на Бенарес [БН, л. 362б]. Присоединился к союзникам и правитель Бенгалии Нусрат-шах.

Бабур разделил свою армию на две части, чтобы направить ее по обоим берегам.

27 марта 1529 г. отряд под командованием Бабура достиг Чунара, а другой отряд, которым командовал Мирза Аскари, вышел прямо к основным силам афганской армии во главе с Махмудом Лоди.

Решительное контрнаступление Бабура, по-видимому, деморализовало некоторых афганских эмиров. (Отметим, что «Бабур-наме» является единственным источником, освещающим эту кампанию, и все исторические хроники опираются на него.) Еще во время продвижения своей армии навстречу противнику Бабур получил послание (по-видимому, мирного характера) от таких известных афганских вождей, как Шер-хан

Сур (Фарид-хан) и др. Не дожидаясь решающего сражения, оставили недруги Бабура и Бихар.

Характерно, что эту весть принес в лагерь Бабура посланец бихарских шейхов [БН, л. 366б]. Отправив в Бихар отряд из 2 тысяч лучников, Бабур назначил правителем Бихара Мухаммада Заман-мирзу, а диваном области — Ходжи Хуршида Ираки.

1 мая 1529 г. армия Бабура переправилась через Ганг, а спустя три дня подошла к реке Гогре. Под прикрытием пушек и пищалей Устада Али Кули воины Бабура начали переправу. Попытки противника отбить их натиск оказались тщетными.

6 мая 1529 г. сопротивление афганцев и бенгальцев было сломлено. Как пишет Р. П. Трипатхи, «это была третья и последняя победа в ряду блестящих побед, которые сделали Бабура хозяином Северной Индии» [18].

Победу при Гогре облегчил Бабуру переход на его сторону афганских феодалов Джалал-хана и Махмуда Нухани, и в награду за это Бабур передал им большую часть Бихара. Махмуду Нухани досталась территория с доходом в 50 лаккхов; награжден был и Джалал-хан, правда, из его доходов крор удерживался казной [БН, л. 375б]. Бабур наградил крупными земельными пожалованиями и других феодалов, выразивших ему свою покорность. «...Я дал разрешение удалиться Баки Шигаулу и войскам из Ауда. Мусе, сыну Маруфа Фармули, который, когда войско переправилось через реку Сару, вернулся и засвидетельствовал мне почтение, я пожаловал удел с доходом в тридцать лаккхов в Амрахе, подарил платье со своего плеча и оседланного коня и отпустил в Амраху» [БН, л. 380а].

Таким образом, не присоединяя формально Бихар к своим владениям, Бабур установил над ним своеобразный протекторат.

Битва при Гогре нанесла серьезный удар по противникам Бабура в лице крупных афганских эмиров, но все же не положила конец их сопротивлению, о чем свидетельствует захват Бибаном и Баязидом Лукнура. Однако при появлении отрядов Бабура они отступили к Далмау, а затем к Махабу [19]. 20 июня 1530 г. Бабур вернулся в Агру.

Нелегкая жизнь, проведенная в походах и сражениях, полная опасностей, требовавшая постоянного напряжения физических и душевных сил, не могла не сказаться на здоровье Бабура. Он все сильнее ощущал усталость, депрессию. Поселившись в Агре, в саду Зарафшан, он занялся благоустройством города, наблюдал за разбивкой садов на берегу Джамны вокруг Агры, сооружением колодцев [20]. По словам Гульбадан, Бабур в это время постоянно жаловался на то, что его утомляют дела, связанные с управлением страной: «Мне опротивело царствовать, хочу уединиться в этом зарафшанском саду,

для моих нужд достаточно одного Тахира-афтабачи (слуги. — *С. А.*)»[21].

Смерть его сына Алвар-мирзы и неожиданная тяжелая болезнь Хумаюна еще более ухудшили состояние Бабура. В «Хумаюн-наме» рассказывается, что в это время Бабур совершил обряд посвящения своей жизни Хумаюну и, когда тот поправился, расценил спасение сына как знак того, что его жизнь перешла к Хумаюну.

Бабур скончался 26 декабря 1530 г. «Этот день был черным днем. Прячась по своим углам, каждый из нас оплакивал смерть отца»[22], — пишет Гульбадан. Ввиду того, что Хумаюн находился тогда в Самбхале, куда отец отправил его для усмирения местного раджи, смерть Бабура сначала держали в тайне, опасаясь, что народ, узнав об этом, по обычаю начнет грабить базары и лавки. По совету некоторых приближенных среди населения начали распространять слухи о том, что Бабур стал дервишем и уступил престол своему сыну Хумаюну[23].

Хумаюн прибыл в Агру через четыре дня после смерти отца и 30 декабря 1530 г. вступил на престол. Бабур был с большим почетом похоронен в Баги-Арам, на берегу Джамны. В период правления Шер-шаха Сура его останки были перевезены в Кабул и погребены в саду Баг-и Вафа.

Глава XI

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ ПРИ БАБУРЕ

Административно-хозяйственная деятельность Бабура до настоящего времени остается практически малоизученной.

Тем не менее в западноевропейской и индийской исторической литературе господствует мнение, что в данной области Бабур себя ничем в общем не проявил.

«В отличие от Шер-шаха и даже от Акбара Бабур был совершенно незнаком с этой страной (Индией. — *С. А.*) и ее народом. При подобных обстоятельствах единственным и лучшим путем предотвращения конфликтов было уважение традиций и обычаев, законов и установлений, существовавших в стране до его вторжения. Такая политика была рассчитана на то, чтобы сохранить законность и порядок, внушить доверие к себе и выиграть необходимое время для тщательного ознакомления со спецификой социально-экономического устройства данной страны,— пишет Р. П. Трипатхи.— Часто говорят, что Бабур был в большей степени полководцем и литератором, чем государственным деятелем. Это замечание может быть признано верным постольку, поскольку он не учредил никаких новых институтов и не провел никаких реформ административной системы ни в Афганистане, ни в Индии» [1].

Однако привлеченные нами материалы представляют административную деятельность Бабура в совсем ином свете, дают, на наш взгляд, основания для пересмотра сложившихся в научной литературе оценок.

Изучение форм феодальной земельной собственности и крестьянского землевладения в Северной Индии XV—XVI вв. показывает, что, сохраняя известную специфику, они имели немало общего с соответствующими институтами в Иране, Афганистане и Средней Азии. Это естественно, если учесть, что уже с конца XII в. Северная Индия входила в состав государства Гуридов, а в начале XIII в. здесь образовался Делийский султанат, привилегированное положение в котором заняла мусульманская феодальная знать, представленная выходцами из Средней Азии и Ирана. В этой связи нормы мусульманского права и социально-экономические установления ислама были

приспособлены к соответствующим индийским институтам, что в какой-то степени облегчалось примерно одинаковым уровнем развития феодальных отношений в Индии, с одной стороны, и ряде стран Среднего Востока — с другой.

Таким образом, мы можем предположить, что многие административные и хозяйственные особенности государственного устройства в Северной Индии отнюдь не были чужды и незнакомы Бабуру.

Многочисленные исследования советских, европейских, индийских и пакистанских ученых показали, что господствующей формой феодального землевладения в Делийском султанате было икта, краткосрочное либо пожизненное феодальное владение, пожалование которого обусловливалось службой (как правило, военной) [2]. (Для обозначения этой формы феодального землевладения персоязычные историки начиная со второй половины XVI в. стали употреблять термин «джагир», а для обозначения его владельца — «джагирдар».) Владелец икта именовался «мукта» или «иктадар». Согласно Фериште, иктадары получали мелкие пожалования, а мукта, как об этом свидетельствуют Барани и некоторые более поздние хронисты, являлись владельцами крупных пожалований, нередко включавших целые области и округа [3]. В «Бабур-наме», кстати говоря, мы не встречаем ни одного из этих терминов.

К. З. Ашрафян, основываясь на источниках XIV — первой половины XV в., делает вывод, что термин «икта» употреблялся в двояком значении: как форма пожалования и сама пожалованная территория, а также как название административной единицы области либо округа. В последнем значении термин «икта» встречается у Афифа в «Тарих-и Фируз-шахи» в месте, где речь идет о пожаловании Фируз-шахом «областей (икта), округов, селений, деревень, садов» [4].

Бадауни, также употребляя это слово в значении «область», для обозначения собственно земельных пожалований феодалам в эпоху Делийского султаната применяет слово «джагир», получивший широкое распространение в исторической литературе его времени (XVI в.), но незнакомое как термин хронистам XIII—XIV вв. [5].

Со второй половины XVI в. термин «джагир» полностью вытеснил из употребления термин «икта». Согласно мнению К. З. Ашрафян, изучавшей эволюцию института «икта», хронологическими рамками его существования можно считать XIII—XV вв.

Появление термина «джагир» К. З. Ашрафян относит ко времени правления династии Суров, поскольку впервые мы встречаем термин «джагир» в его специальном значении в хронике Хасана Али-хана, историографа и приближенного Шершаха Сура, написанной в 1548—1549 гг. [6].

Этот термин используется, в частности, в сочинении Гуль-

бадан-бегим для обозначения земельных пожалований параллельно с термином «джай». Например, рассказывая о приезде из Кабула в Агру более 90 женщин — родственниц Бабура, она отмечает, что всем им было пожаловано «джай ва джагир» [7]. В другом месте «Хумаюн-наме», сообщая о попытке матери султана Ибрахима отравить Бабура, Гульбадан пишет: «Хотя его величество падишах и называл эту злосчастную женщину матерью, определив для нее специальный джагир и оказав большую милость, она осмелилась поднять на него руку» [8]. Все же, хотя Гульбадан и употребляет термин «джагир» применительно к правлению Бабура, но, поскольку она писала свои воспоминания уже при Акбаре (т. е. тогда, когда этот термин имел достаточно широкое хождение), можно полагать, что при Бабуре он еще не был распространен.

Часто встречаются в «Бабур-наме» и другие названия форм феодального служебного землевладения, существовавшие в Делийском султанате еще в XIV—XV вв., а именно «ваджх» и «ваджхдар». К. З. Ашрафян полагает, что термин «ваджх» в XIV—XV вв. употреблялся главным образом по отношению к мелким земельным пожалованиям. И вместе с тем она не проходит мимо того факта, что термин «ваджх», по данным отдельных первоисточников, употреблялся также и в значении земельного пожалования вообще [9].

В источниках XIV—XV вв. словом «ваджх» назывались земельные пожалования рядовым воинам, а для обозначений крупных пожалований чаще всего использовался термин «икта». «Ваджх» как пожалование вообще встречается у Барани, Афифа и у некоторых других авторов. Пожалование «ваджх» предоставляло его владельцу право на получение налогов с определенной территории. По-видимому, во второй половине XIV в. этот термин, не потеряв данного — не исключено, что первоначального — значения, начинает употребляться для характеристики мелкого пожалования простым солдатам— ваджхдарам [10]. В XVI в., судя по «Бабур-наме», термины «ваджх» и «ваджхдар» приобретают уже несколько иной оттенок, чем в более ранних индийских хрониках.

Так, после победы над Хасан-ханом Мевати Бабур распределил между своими военачальниками завоеванные территории. «Думая, что Хосров совершил в битве подвиг, я пожаловал ему в виде помощи и поддержки удел (ваджх) в 50 лакхов и отдал в управление Алвар, — пишет Бабур. — По своему злополучию он начал ломаться и не взял Алвара.

Позднее стало известно, что этот подвиг совершил Чин Тимур-султан. Я пожаловал этому султану в подарок (ваджх) город Тиджар, столицу Мевата, и выдал ему в виде поддержки 50 лакхов» [БН, л. 326б].

Поскольку Хосров Кукельташ и Чин Тимур-султан были крупными военачальниками, становится очевидным, что при

Бабуре ваджх перестал быть только формой мелкого земельного пожалования, предназначенного для рядовых воинов.

Размер и характер ваджха зависели от заслуг военачальников и их влияния в армии и государстве. Примечательно, что Бабур, награждая Хосрова Кукельташа, дарит ему город Алвар — новую столицу Мевата, определив его ваджх в 50 лаккхов, но когда становится известно, что отличился в бою другой военачальник, эмир Тердика, то назначает ему ваджх в размере лишь 15 лаккхов [БН, л. 326б].

Приведенные факты говорят, что при Бабуре термин «ваджх» обозначал уже не мелкий земельный надел для простых воинов, как в Делийском султанате XIV—XV вв., а крупное феодальное пожалование, предоставлявшееся видным представителям служилой знати.

Как явствует из «Бабур-наме», ваджх жаловался Бабуром и представителям местной знати — афганцам, индусским феодалам и другим, т. е. всем, кто оказал ему поддержку и помогал завоевывать Индию. Так, в 1528 г. ко двору Бабура в Гвалиор прибыли посланцы Асуки, одного из вассалов Викрамаджита, второго сына Раны Санги. «...Изъявляя покорность и готовность мне служить... Асука просил себе для поддержания жизни [удел] (ваджх) с доходом в 70 лаккхов. Было решено, что, когда Асука сдаст Рантанбур, ему будут пожалованы просимые владения» [БН, л. 342б].

В начальный период военных действий между Раной Сангой и Бабуром последний решил захватить имевшую важное стратегическое значение крепость Биана. Бабур обещал оборонявшему Биану военачальнику Низам-хану щедрую награду, если он сдаст крепость. В итоге так оно и произошло. Низам-хану был пожалован ваджх в Миан-Доабе с доходом в 20 лаккхов [БН, л. 304а].

Обычно Бабур жаловал своим вассалам ваджх с доходом от 15 до 70 лаккхов. С одного лаккха дохода ваджхдар обязан был направить в войско государя определенное количество воинов. Такой обычай существовал в Индии до Бабура (ср.: «область, приносящая доход в один лакх, поставляет сотню всадников, а область с доходом в один крор — десять тысяч» [БН, л. 317б]).

Бабур справедливо видел в быстром обогащении ваджхдаров основу для сепаратистских настроений. Поэтому одновременно он предпринимал активные меры для укрепления центральной государственной власти и, когда в этом была необходимость, заставлял раскошеливаться крупных феодалов. Об этом, в частности, свидетельствует один фирман Бабура, изданный в 1528 г. Вот что он писал в своих мемуарах: «Казнохранилища Сикандара и Ибрахима в Дели и Агре совершенно опустели. Для снаряжения войска, приобретения пороха и уплаты пушкарям и стрельцам я приказал каждому, кто полу-

чал содержание, внести в диван в четверг, 8 сафара (23 октября. — *С. А.*), 30 сотых долей своего жалованья на расходы по приобретению этих припасов и оружия» [БН, л. 345а]. Кроме того, многие распоряжения Бабура, безусловно, предполагали изъятие ваджха в случае неповиновения или еще какого-либо проступка со стороны пожалованного лица [ср. БН, л. 356а]. Меры Бабура по укреплению власти верховного правителя до настоящего времени не привлекали специального внимания исследователей; между тем они дают основания для уточнения характеристики ваджха как формы феодального землевладения. Ваджх был временным земельным пожалованием, обусловленным лояльностью центральной власти, и не свободным от налоговых обязательств по отношению к ней.

Наряду с термином «ваджх» для обозначения земельных пожалований в «Бабур-наме» использован термин «паргана». В толковом словаре персидского языка мы находим следующее объяснение этого термина: «Паргана — такой участок земли, с которого собирают земельный налог (харадж-и-мал), но ученые парганой считают совокупность деревень и селений...» [11]. Согласно «Бабур-наме», вся территория между Гангом и Джамной, известная в исторических источниках под названием Миан-Доаб, делилась на паргана, каждая из которых представляла собой особую территориально-административную единицу.

В XVI—XVII вв. термин «паргана» обозначал административную единицу области или округа. Например, Фериштa, рассказывая о борьбе за власть между Бахлулом Лоди и Хан-и-Ханамом, пишет, что последний был разбит своим противником в местности Кедха в паргана Хизирабада [12]. Бабур, описывая свои карательные операции против афганских эмиров Баязида и Бибана, упоминает, что районы Балаур и Сугандпур, которые он проходил, преследуя мятежников, являются паргана, «зависящими» от города Калпи [БН, л. 380а]. В другом месте бывший правитель Мевата Али-хан согласился присоединиться к Бабуру; ему была пожалована в Миан-Доабе паргана, дающая 25 лакхов дохода [БН, л. 296б].

Паргана могли образовываться и в результате раздела более крупных областей. Как свидетельствует Абул-Фазл, однажды Акбар, охотясь в Гуджарате, был поражен громадным количеством оленей в этих местах, что вызвало у него ассоциацию с Гератом, где водилось множество коней. Вот почему, когда Акбар решил организовать здесь новую паргана, он назвал ее Гератом [13].

Паргана включала в себя несколько деревень, расположенных вблизи города. Старосты деревень подчинялись владетелю паргана, феодалу, являвшемуся одновременно представителем центральной власти. Обычно паргана принадлежала крупным феодалам.

Подобно икта, паргана жаловались Бабуром как военачальникам, пришедшим в Индию вместе с ним, так и представителям местной знати. Обычно эти пожалования делались после завоевания какой-либо территории. Правда, в отдельных случаях Бабур жаловал паргана еще до их захвата, что, несомненно, пробуждало аппетиты и крупных и мелких феодалов и, в свою очередь, обеспечивало их поддержку завоеваниям самого Бабура.

Таким образом, термин «паргана», помимо того что он сохранил при Бабуре устоявшееся значение как территориально-административной единицы, стал использоваться и как синоним феодального земельного пожалования.

Судя по данным источников, в частности некоторых фирманов Бабура, центральная власть вела учет всех паргана и их доходов, что было крайне необходимо для фискального ведомства государства в его практической деятельности.

Характерно, что Бабур не называл жалуемые им владения среднеазиатскими терминами, сложившимися в государстве Тимуридов. Мы имеем в виду, например, «союргал» — термин, наиболее распространенный в XV в. как в Иране, так и в Средней Азии. Союргал хотя и считался служебным владением, но был освобожден от уплаты налогов государству и передавался по наследству. Отказ Бабура от этого термина символизировал, на наш взгляд, его отрицательное отношение к союргалу как институту, усиливавшему позиции крупных феодалов, закреплявшему их экономическую, а следовательно, и политическую независимость от центральной власти. Стремление Бабура к ограничению влияния лиц, которым доставались земельные пожалования, было неразрывно связано с политикой укрепления государства, борьбы с сепаратистскими тенденциями и настроениями. Непременным условием этого процесса был рост государственной земельной собственности.

В XV—XVI вв. индийские феодалы в основном не вели своего хозяйства. Специфика земельных отношений в Индии в это время состояла в том, что феодал юридически не владел землей и крестьянами, а имел лишь право сбора налога. Феодал не распределял землю между крестьянами, не вмешивался в дела общины. Для него земельные владения были лишь источником определенного дохода, и ему было безразлично, из какой местности и от каких крестьян поступит этот доход [14].

Характерной особенностью аграрных отношений в Индии, как известно, было существование сельской общины. В XV—XVI вв., насколько можно судить по данным источников, она переживала процесс имущественной дифференциации и социального расслоения, начавшийся уже задолго до этого периода. Основная масса крестьян-производителей, хотя и представляла довольно пеструю картину в имущественном плане, в социальном отношении (несмотря на наличие разных кастовых

групп среди них) была более или менее однородной, поскольку все ее члены зависели от феодала — собственника земли.

Значительную роль в качестве посредника между крестьянами и феодалом играла общинная верхушка. Старосты располагали крупными земельными наделами, освобожденными от государственного налога, и имели право облагать рядовых общинников определенными сборами в свою пользу. Такая практика способствовала не только обогащению общинной верхушки, но и ее феодализации. Процесс феодализации общинной верхушки начался, видимо, одновременно с процессом имущественной дифференциации общинников и развивался по мере ее углубления. В XV — начале XVI в. общинная верхушка составляла, по существу, низшее звено феодального класса, хотя и сама испытывала на себе гнет вышестоящего феодала и частью своих интересов была по-прежнему связана с основной массой общинного крестьянства.

Хотя в источниках обнаружены отдельные случаи смещения феодальным правителем сельских старшин, тем не менее в целом общинная верхушка сохраняла свои позиции во время политических потрясений, в том числе во время завоевания Индии Бабуром. Дело, видимо, в том, что перераспределение земельной собственности Бабур производил на более высоких ступенях феодальной иерархии, лишая земель главным образом членов династии Лоди, а также близких к ним представителей индусско-афганской знати.

Персоязычные хроники Индии времен Делийского султаната используют различные термины для обозначения представителей общинной верхушки, в частности старост: «хута», «чаудхари», «мукаддам» [15]. В мемуарах Бабура мы постоянно встречаемся с одним из этих терминов, а именно «мукаддам». В качестве синонима к нему Бабур также использует узбекский термин «улуг». Некоторые сведения «Бабур-наме» представляют интерес для анализа социального положения феодализировавшейся сельской верхушки.

К. З. Ашрафян приводит интересные выдержки из книги Ибн Баттуты [16], согласно которым область Дели была разделена на округа, по сто деревень в каждом, которые назывались «сади» (сотня). Все деревни, входящие в сади, имели, по данным Ибн Баттуты, своего главу — чаудхари. Ответственным за сбор налогов был мутасарриф — чиновник фиска.

Однако в индийских исторических хрониках XV—XVI вв. термин «сади» не встречается. Подавляющее большинство источников, в том числе и «Бабур-наме», употребляют термины «паргана», «ваджх» и «джагир».

Термин «паргана» в своем специальном значении подменял ставший обычным со второй половины XVI в. термин «джагир». Не удивительно поэтому, что эти термины могли употребляться параллельно [17].

Сравнение характерных черт таких институтов, как ранний джагир и паргана, показывает их идентичность. Владетели их не вели собственного хозяйства на пожалованных им землях, зачастую живя вдали от них и управляя ими через своих представителей — сборщиков налогов. Вместе с тем нельзя сказать, что джагирдар и парганадар совсем не вмешивались в жизнь деревни. Через сборщика налогов они добивались распашки малопригодных земель для повышения общей суммы налога, настаивали на посеве более интенсивных культур, с которых крестьяне платили более высокие ставки налога, и т. д. [18].

Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах термин «паргана» стал обозначать служебное держание и когда вышел из употребления популярный в Индии XIII — первой половины XV в. термин «икта», недостаточно освещен из-за отсутствия необходимых для этого материалов. Вот почему дальнейшее изучение всех форм феодального землевладения в Индии того времени продолжает оставаться актуальной задачей, стоящей перед индологами-медиевистами.

Глава XII

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА БАБУРА

Налоговая система, обеспечивая максимальную эксплуатацию крестьянского хозяйства, должна была в то же время не допустить его разорения, так как оно являлось основой экономического благосостояния феодалов. Именно этим диктовалась и налоговая политика феодального государства.

Важным источником для изучения налоговой политики Бабура является его трактат в стихах «Мубайин», о котором мы предварительно уже говорили ранее (см. с. 7). На наш взгляд, это произведение в определенной степени позволяет оспорить мнение о том, что главная заслуга в стабилизации налоговой системы в Северной Индии в начале XVI в. принадлежит исключительно Шер-шаху.

«Мубайин» — относительно мало известный труд Бабура, не имеющий ни одного перевода и на протяжении долгого времени остававшийся, по существу, вне поля зрения историков-индологов. Между тем популярность и авторитет «Мубайин» в средневековой Индии а также в Афганистане и Средней Азии несомненны [1].

Первая публикация отрывков из «Мубайин» принадлежит И. Н. Березину, который поместил их в своей хрестоматии турецкого языка в качестве образца чагатайского текста [2]. Попытка А. Н. Самойловича издать критический текст «Мубайин» осталась неосуществленной. Однако сама рукопись с комментариями — по преимуществу филологического характера — А. Н. Самойловича хранится ныне в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [3].

«Мубайин» написан в стихах, в форме маснави. Он состоит из пяти глав. Две первые и две последние главы посвящены изложению обязанностей мусульман и имеют богословскую направленность. Третья глава целиком посвящена нормам и характеру налогового обложения и называется поэтому «Книга о закяте». В этой главе Бабур излагает свои взгляды на известные ему принципы налогообложения, на формы налогов.

О значении «Мубайин» как важного источника, раскрывающего налоговую политику последних Тимуридов, автор этих строк уже несколько раз высказывался в некоторых своих публикациях [4], где на фоне социальных условий Маверан-

нахра подвергались анализу отдельные замечания Бабура о налогообложении, содержащиеся в «Мубайин». Рассмотрение этого труда в соотнесении с социальными условиями Северной Индии накануне ее завоевания Бабуром дает, как нам кажется, основания для постановки вопроса в новом аспекте: не связано ли появление «Мубайин» с далеко идущими планами Бабура относительно Индии?

Приспособление мусульманского права к управлению государством — такова важная практическая задача, которую ставил перед собой Бабур. В его труде нашли отражение сложившиеся к тому времени социально-экономические отношения и институты.

Бабур понимал важность налоговой политики, установления оптимальных налоговых ставок как средства контроля над доходами — и соответственно могуществом и влиянием — феодальных владетелей. Здесь надо сделать небольшое отступление и рассказать о налоговой политике другого крупного государственного деятеля этой эпохи — Шер-шаха Сура (1472—1545).

В отличие от Бабура Шер-шах не оставил никаких собственных произведений. Его фирманы были потом зафиксированы его биографом Хасаном Али-ханом. В «Бабур-наме» Шер-шах упоминается лишь в связи с разгромом Бабуром коалиции афганских эмиров. В трудах средневековых историков отсутствуют данные о месте и времени рождения Шер-шаха. Выяснением этого вопроса занимались современные индийские ученые К. Канунгу и П. Саран, и некоторые детали им удалось уточнить. Так, Канунгу, опираясь на данные «Махзан-и афгана» [5], утверждает что Шер-шах родился в Хисар-Фирузе. В исследовании Сарана местом рождения Шер-шаха назван Баджаур, а временем — 1472 г. [6]. Так или иначе, Шер-шах был старше Бабура примерно на 11 лет.

Шер-шах начал свою карьеру при Сикандаре и Ибрахиме Лоди. Его отец Хасан-хан в период правления Сикандара Лоди находился на службе у правителя Джаунпура. Последний пожаловал своему вассалу несколько паргана: Сасарам, Хаспур, Нанда возле Бенареса. Юный Фарид (настоящее имя Шер-шаха) попросил у своего отца передать ему одно из его владений для управления, но получил отказ. Тогда он покинул отца и отправился в Джаунпур. Здесь при дворе Джалал-хана Фарид получил образование. Он знал «Сикандар-наме», был знаком с «Гулистаном» и «Бустаном» Саади, интересовался биографиями выдающихся государей. Благодаря своим знаниям он приобрел большой авторитет среди ученых, и многие из них нередко обращались к нему за советом [7].

Поэтому, когда отец Фарида прибыл в Джаунпур, то мудрецы этого города сказали ему: «Ты большей частью находишься в Джаунпуре на службе у Джалал-хана, поэтому

управление паргана целесообразнее передать Фариду»[8]. С согласия Ибрахима Джалал-хан добился выделения Фариду паргана в Пенджабе. Через некоторое время он завязал дружеские отношения с Бихар-ханом, сыном Дарья-хана, который был правителем Самбхала и родичем Бахлула Лоди. Тем временем борьба между Бабуром и Ибрахимом Лоди за власть в Индии вступила в решающую фазу. «Скоро стало известно о том, что Бабур и Ибрахим Лоди сошлись в сражении на Панипатском поле, что Ибрахим убит, а царство Дели перешло в руки Захир-ад-дина Бабура. Тогда Фарид-хан поступил на службу к Бихар-хану, который принял титул султана Мухаммада, чеканил монеты, и по всей стране на его имя читалась хутба»[9]. Бихар-хану Фарид и был обязан своим титулом «Шер-шах», который тот присвоил ему после удачной охоты на тигра. Затем Шер-шах вернулся в свои владения, что не понравилось правителю Бихара, который в этом поступке усмотрел признаки неповиновения, ибо, как пишет хронист, «время было неспокойное и никто не доверял до конца другому»[10].

Рассорившись с правителем Бихара, Шер-шах приходит в Агру и поступает на службу к Джунайд-барласу[11]. Это происходит после установления власти Бабура в Северной Индии. Джунайд-барлас дал Шер-шаху войско, с помощью которого тот не только вернул свои владения, но даже захватил еще несколько паргана[12]. Хасан Али-хан сообщает, что Шер-шах в составе свиты Джунайд-барласа побывал при дворе Бабура. За время, которое он там провел, он, естественно, смог ближе познакомиться с деятельностью Бабура по управлению государством. По словам Хасана Али-хана, Бабур отметил, что Шер-шах обладает необыкновенным умом и что на его лице признаки необыкновенной судьбы.

Совершенно ясно, что биограф Шер-шаха идеализирует своего повелителя, приукрашивает его деяния и поступки. К сожалению, сведения Хасана Али-хана используются многими европейскими и индийскими историками без какого-либо критического подхода к ним. Например, сравнивая деятельность Шер-шаха с деятельностью Бабура, они признают у последнего только полководческий талант, приписывая, с другой стороны, Шер-шаху необыкновенные способности администратора. Принято считать, что во время своей службы при дворе Джунайд-барласа Шер-шах якобы критиковал систему управления, существовавшую при Бабуре, вменял ему в вину отсутствие дисциплины в его армии. Он выдвинул лозунг сплочения афганской феодальной знати, объединения ее сил. Приводя последний факт в качестве доказательства «мудрости Шер-шаха»[13], некоторые историки забывают, что с этим призывом Шер-шах выступил тогда, когда сам попал в немилость к Бабуру, испортив, кроме того, отношения со многими своими со-

племенниками. Все же соперничать на равных с Бабуром Шершах не мог. Только с помощью Джунайд-барласа ему удалось снова отобрать у правителя Бихара свой бывший джагир и сохранить за собой определенную власть и соответственно влияние, что было крайне важно для этого честолюбивого и, бесспорно, способного феодального деятеля.

Как уже говорилось, в «Бабур-наме» не имеется никаких заслуживающих внимания данных о Шер-шахе. В частности, ни слова не сказано ни о попытке последнего провести реформу налоговой системы, ни о характере его правления. Представляется странным, почему Бабур, довольно много рассказывая о ряде крупных представителей афганской и индийской феодальной верхушки, с которыми ему приходилось сталкиваться, почти ничего не говорит о Шер-шахе. Ведь сомневаться в наблюдательности Бабура, его способности обнаружить и оценить талантливого полководца или администратора не приходится. Напомним, кроме того, и такие его слова в сообщении о событиях 932 г. х. (1525/26): «Я упомянул и изложил особенности и качества земли и обитателей области Хиндустана, насколько они были мне известны и мною установлены. В дальнейшем, если попадется на глаза еще что-нибудь, достойное записи, я это расскажу и, если услышу что-нибудь, что стоит слушать, поведаю» [БН, л. 292а]. Добавим, что Бабур как мемуарист отличался редкой объективностью и вряд ли не отметил бы в своих воспоминаниях то, что действительно было бы «достойным записи».

Все это наводит на мысль, что так называемая административная реформа Шер-шаха в начале XVI в. не была таким из ряда вон выходящим новшеством, каким его преподносит Хасан Али-хан в книге, написанной в середине XVI в. по поручению внука Бабура — Акбара.

Посмотрим, что же представляли собой нововведения Шершаха в вопросах налогообложения и чем они отличались от идей Бабура в его книге «Мубайин».

Согласно данным Хасана Али-хана, Шер-шах прежде всего предоставил земледельцам (музариан) право самим выбирать способ выплаты налогов. Некоторые старшины (мукаддам) заключили письменные соглашения на определенную денежную сумму, другие предпочли уплату натурой. Шер-шах выдал арендные договоры, получил соглашения и установил платежи за обмер полей (джарибана) и жалованье сборщикам податей и землемерам (махассилана).

Земельный налог должен был взиматься в размере $^1/_3$ валового урожая. В целях предотвращения злоупотреблений практиковалась выдача специальных документов (кабулият-и патта), в которых содержался перечень крестьянских платежей и указывались время и форма, в которых они выплачивались. Хищения чиновников строго карались. Упорядочение Шер-ша-

хом налогового сбора имело целью увеличение производительности крестьянского хозяйства, разоряемого в течение многих десятилетий жестокими и длительными войнами.

Из-за отсутствия необходимой документации, относящейся ко времени правления Шер-шаха, среди исследователей его деятельности существует много разногласий по тем или иным ее аспектам.

В книге индийского ученого Сарана красной нитью проходит мысль о том, что в основе новой налоговой системы Шер-шаха лежат древнеиндийские способы налогообложения, ибо, отмечает Саран, в древней Индии были известны три системы обложения земли налогом: доля с урожая, сдача в аренду, система джариба [14]. Морленд, придерживаясь в целом той же точки зрения, что и Саран, считает, однако, что до Аурангзеба вторая система в сколько-нибудь значительных масштабах в стране не существовала.

Основываясь на данных Абул-Фазла, Саран приходит к выводу, что во времена Шер-шаха в Северной Индии при уплате налога с зерна преобладала система измерения, единицей которой был гяз [15]. Он полагает также, что система сдачи в аренду, возможно, существовала еще до Шер-шаха, затем была вытеснена, но вновь возобновлена при Акбаре.

Таким образом Саран приходит к выводу, что в основе налогообложения при Шер-шахе лежали все три традиционные налоговые системы.

Согласно сообщениям Хасана Али-хана, Шер-шах говорил крестьянам: «С этого дня я даю вам выбор в отношении формы уплаты [налога]: либо деньгами, либо натурой». Как передает Аббас-хан, некоторые из земледельцев соглашались на джариб (определение ренты-налога путем измерения земли) [16]. В этой связи Морленд высказывает предположение, что введению уплаты налога по системе джариб крестьяне Северной Индии всецело обязаны реформам Шер-шаха Сура.

Изучение «Мубайин», в частности раздела «О земельных налогах», указывает на широкое использование издольного труда в сельском хозяйстве Индии и показывает, что издольная аренда не была явлением, свойственным лишь эпохе Акбара, а была известна задолго до него. Система джариб также не была изобретением Шер-шаха, поскольку о ней писал в «Мубайин» Бабур задолго до того, как она была введена Шершахом. Вот что пишет Бабур:

«Если земледелец [способен к возделыванию] и земля пригодна для посева, но крестьянин не засевает, что скажет по этому поводу законовед? Пусть не приводит [крестьянин] причину, почему не обработал землю и не посеял. Землю несостоятельного человека пусть возьмет имам и пусть сдаст ее в издольную аренду» [«Мубайин (далее — М)», л. 63].

Бабур определяет единицу пахотной меры — джариб: «Те-

перь расскажу тебе о втором способе [налогообложения]. Знай, что этот вид называют муваззаф. При этом способе необходимо определить [размер] джариб [земли]. Как бы ни определил размер ее амин, знай, что джариб участка — 60 на 80 гязов» [М, л. 63].

В «Мубайин» определяются также формы и размеры существовавших налогов. Эти данные содержатся, в частности, в третьей главе — «Книге о закяте».

Как известно, рента-налог в персоязычных хрониках Индии XIII — середины XVIII в. определяется несколькими терминами — «харадж», «махсул», «мал» и «мал-и-джихат». Наиболее универсальным являлся термин «харадж», который вплоть до конца XVIII в. не только был книжным выражением (как в Иране), но и использовался в официальных падишахских фирманах [17]; «харадж», «махсул» и «мал» употребляются в источниках также в качестве собирательного термина для обозначения всей совокупности податных сборов — «доходы», «поступления».

Главу «Книга о закяте» Бабур делит на четыре раздела, где перечисляет различные виды известных ему налогов. Так, в четвертом разделе рассказывается об условиях закята; о видах товаров, с которых взимался закят; о накдийе (налог наличными деньгами); о налоге саваим (со скота); о торговом сборе; о расходах по закяту; о лицах, с которых не взимался закят; об ушре и харадже; о налоге садака-и фитра и др.

Из этого краткого перечня видно, что Бабур в «Мубайин» пытался проанализировать употребление термина «закят». Вот что он пишет в этой связи:

В четырех видах [бывает] мал-и закят.
Слушай, перечисляю [я] каждый из них.
Знай: [первый] — накдийе, [а другой] — саваим,
Еще — мал-и тиджарат, послушай:
Уплати еще закят, [взимаемый] с земли.

Из этого ясно, что термин «закят» в Мавераннахре, Хорасане и Северной Индии употреблялся в значении основного земельного налога, торгового сбора, сбора наличными деньгами и налога со скота.

Из последующего контекста становится известно, что кроме основных, перечисленных выше налогов существовал ряд чрезвычайных налогов, которые Бабур определяет термином «фазл» [М, л. 54а] [18].

Для сбора налога необходимо было определить нисаб, т. е. единицу зерна или скота, с которой брался налог. В соответствии с рекомендациями Бабура нисаб устанавливался два раза в год — в начале и в конце его. Бабур пишет:

Необходимо [определить] нисаб, ты знай:
[Делать это надо] в начале и в конце года
[М, л. 53б].

Подобные регламентации, с одной стороны, упорядочивали взимание налогов, с другой — закрепляли неукоснительные в условиях феодального государства обязанности крестьян — возделывание земли и выплачивание налога. Последний при этом не зависел от реально выращенного урожая, не учитывал вероятные потери (из-за плохих климатических условий или феодальных междоусобиц, во время которых посевы нередко уничтожались).

В тех местах, где погодно-климатические условия позволяли выращивать два урожая в год, сбор хараджа два раза в год также предусматривался, ср.:

Если земля даст [тебе] дважды урожай,
То уплати и свой харадж два раза [в год].

Размер поземельного и других налогов был своего рода мерилом отношений феодалов с крестьянами. В «Мубайин» раскрывается мировоззрение Бабура — типичного представителя господствующего класса. Обращаясь к своим подданным, Бабур призывает их к полной покорности, так как лишь при безусловном повиновении крестьян, сполна уплачивающих государственный налог, возможны расцвет и благополучие государства.

Как известно, в исторических источниках VIII—X вв., написанных на арабском языке, различались две категории хараджа — мукасама и мисаха. Мукасама взимался с определенной доли урожая, причем натурой, а мисаха поступал с земель, зафиксированных в кадастре. В зависимости от размеров земельных участков и характера выращиваемых на них культур налог взимался ежегодно и в смешанной форме (деньгами и натурой), причем на ставки мисаха не влияло количество урожая [19]. Интересно, что Бабур также делил харадж на две категории, однако вместо термина «мисаха» он употребляет «муваззаф», так как первый утерял к тому времени свое техническое значение. О видах хараджа Бабур приводит данные в разделе «Мубайин», который называется «Вопросы ушра и хараджа». Бабур пишет:

Узнай, что харадж бывает в двух видах.
Первый называется мукасама.
Скажу о нем, ты послушай,
Чтобы ты мог всегда его различить.
Налог с урожая, который называется так,
[Чтобы] каждый, поразмыслив, смог определить
[равен ли он]
Одной трети или трем десятым
Всего [урожая] — его предел половина...
Теперь спешу рассказать о втором виде [хараджа].
Знай: этот вид называют муваззафом.
При этом способе необходимо определить [размер]
джариба.
Знай: джариб земли [—это] 60 на 60 гязов
[М, л. 63].

Как видно из приведенного отрывка, налог мукасама определялся в $^1/_3$ часть урожая и максимальный размер его достигал половины урожая. Эти данные — единственные в своем роде, так как в других известных нам источниках информации о размере поземельного налога нет. С нашей точки зрения, соответствующие сведения «Мубайин» должны быть подвергнуты чрезвычайно внимательному анализу, поскольку они могут указывать на вполне реальные черты аграрного строя Северной Индии первой трети XVI в.

Можно предположить, что система налогообложения, очерченная Бабуром в «Мубайин», легла в основу налоговой политики его преемников в Индии. Размер поземельного налога в эпоху Акбара был идентичен тому, о котором писал в свое время Бабур.

Некоторые налоговые термины, приведенные в «Мубайин», употреблялись и при правлении Аурангзеба, а поземельный налог достигал половины урожая.

Очевидно, что сведения Бабура в «Мубайин» о харадже и характере налогового обложения внесут существенные коррективы в установившееся мнение ученых, которые утверждают, что в источниках XV — первой половины XVI в. вообще отсутствуют данные о размере поземельного налога. Например, в исследовании, посвященном аграрным отношениям в Северной Индии в интересующий нас период, читаем: «В доступных нам источниках по истории Северной Индии XV в. отсутствуют данные о размере поземельного налога. По-видимому, это связано в значительной степени с резким сокращением земель, составляющих объект государственной феодальной собственности» [20]. «Я не нашел ничего, что показывало бы, какова была доля продукции, установленная в это время в качестве налога» [21], — говорит Морленд. В работах индийских ученых Сарана и Канунгу также содержатся аналогичные высказывания, и из-за отсутствия у них данных о размере поземельного налога во времена Бабура они в своих исследованиях опираются лишь на свидетельства Абул-Фазла и автора книги «Махзан-и афгана» [22].

В зарубежной научной литературе распространена точка зрения, согласно которой налоговая политика Акбара основывалась на реформах, проведенных Шер-шахом. Ознакомление с «Мубайин» Бабура показывает, что Акбаром были, вероятно, учтены также и те принципы, которые изложены в упомянутом труде Бабура.

Из «Мубайин» очевидно, что метод обложения налогом, основанный на обмере земли, был хорошо известен во времена Бабура. Когда и при каких условиях в Индии стали пользоваться системой джариб, установить трудно. Возможно, что она применялась и до Шер-шаха и Бабура, хотя именоваться могла иначе. Достаточно вспомнить, что налоговое законода-

тельство Ала-ад-дина Хильджи также предполагало применение обмера для установления налоговых ставок, хотя за единицу площади бралась бисва. Тем не менее к XVI в. более привычным был, видимо, раздел урожая, что и дало средневековым хронистам повод утверждать, что система налогообложения на основе обмера земельного участка была введена Шер-шахом.

Подобную практику Шер-шах ввел во всех своих владениях: Пенджабе, Самбхале и др. Хасан Али-хан отмечал, что, после того как правитель Самбхала усмирил непокорных заминдаров, «они... раскаясь в своем воровстве и грабительстве на больших дорогах, стали уплачивать в городах свой налог в соответствии с измерением земель»[23] Аббас-хан Сарвани сообщает, что Шер-шах приказывал своим чиновникам измерять засеваемую площадь, вычислять урожай и соответственно определять налог. При этом во внимание принимался также и вид засеваемой культуры. Доля урожая отчуждалась в пользу мукаддама. Аббас-хан утверждает, что до Шер-шаха не существовало обычая измерять землю, однако мы уже видели, что аналогичный метод был рекомендован Бабуром в его трактате «Мубайин».

Этот метод, называемый «амал-и джариб», был лишь одним из методов налогообложения, причем наименее выгодным для крестьян, так как они были обязаны выплатить его в конце года вне зависимости от реального урожая. При другой системе обложения, исходившей из раздела урожая, делился в тех или иных долях реально выращенный урожай; в этом случае харадж соответствовал $^1/_3$ выращенного урожая, как отмечал Бабур в «Мубайин». Эта система была легче для крестьян в том отношении, что здесь учитывались потери урожая в случае стихийного бедствия или недорода. Мы не знаем, которой из упомянутых двух систем Бабур отдавал предпочтение. Что же касается Шер-шаха, то он, хотя и предоставлял крестьянам право выбора между натуральным и денежным налогом, предпочитал, видимо, систему обмера земли, как это явствует из повествований феодальных хронистов[24].

Крестьяне кроме земельного налога должны были платить налог с фруктовых садов, в размере $^1/_{10}$ части урожая. При этом потери в урожае не учитывались. На страницах «Мубайин» читаем:

> [Если] земли засажены деревьями, например фруктовыми,
> бахчевыми [культурами], розами
> И им подобными, [то] независимо от сохранности плодов...
> Отдай одну десятую долю закята с них.
> Таково решение, и нет в этом сомнения [М, л. 59б, 60а].

Если крестьяне собирали в лесах фрукты или мед, они также должны были платить за это налог:

Если собираешь мед и фрукты с гор,
Отдай ушр с них обоих [М, л. 60а].

С неплодоносящих культур, целинных земель, камышовых болот и девственных лугов харадж не взимался [25].

Конечно, платить налог надо было за воду. Небезынтересны некоторые данные, относящиеся, видимо, к налогу за орошение. В «Мубайин» читаем:

Устанавливая чигир с целью орошения,
Ты обязан уплатить половину $^1/_{10}$
[части урожая] [М, л. 60а].

Иммунитетная грамота от 1654 г., выданная во время правления Шах Джахана, содержит перечень 16 налогов и повинностей (такалиф-и дивани ва муталабат-и султани), от которых освобождался джагирдар [26]. Однако среди них нет налога за выпас скота. Этот налог по своему значению был одним из наиболее важных наряду с поземельным налогом — хараджем.

Харадж взимался исключительно с посевных площадей крестьян и был характерен для земледельческих районов страны. Что касается налога за выпас скота, то он взимался с кочевников-скотоводов. Материалы об этом налоге встречаются в исторических источниках сравнительно редко. Нормы обложения здесь не были устойчивыми. Доступные нам исторические источники, кроме малозначительных отдельных эпизодов, не содержат информации о стандартной мере налога с пастбищ. Единственный документ, более или менее подробно рассказывающий об этом налоге, — «Мубайин» Бабура.

Для определения данного налога Бабур употребляет термин «саваим» [М, л. 55б], в источниках XIV в. использовался термин «кара-йе чараи», а во второй половине XVII в.— «гаучараи» [27]. В «Бабур-наме» имеется термин «мал», который, как известно, обозначал налог вообще, в том числе налог со скота [БН, л. 145а].

Размеру налога за выпас скота посвящен раздел «Мубайин», который озаглавлен «Саваим баяни». По словам Бабура, налог саваим взимался главным образом с пасущегося скота (баранов, коз, верблюдов, коров, лошадей) при условии, что возраст животных составляет не менее года; животные должны были пастись на пастбищах не менее полугода; для того чтобы стадо было обложено налогом, в нем должно было быть не менее 40 голов.

С баранов и коз взимался одинаковый налог, с крупным рогатым скотом, а также с верблюдами дело обстояло по-иному.

Говорят, с сорока баранов закят равен одному барану.
Продолжай платить так, пока [количество их] не
достигнет ста двадцати одного.

Со ста двадцати одного уплати две головы,
Но если достигнет двухсот одного, то отдай три.

Если количество баранов в стаде превышало 400 голов, то владелец отдавал с каждой сотни по одному барану, пока количество стада не достигало 10 000.

Такой же размер налога взимался со стада коз.

Для коз решение такое, как и для баранов.
Как с баранов, уплати с [коз] закят.

Единицей обложения налогом крупного рогатого скота считалось стадо в 30 голов. С этого количества брали одно животное трехлетнего возраста, с 60 голов — двух животных годовалого возраста. За пять верблюдов взимали одного барана, за 10 — двух, за 15 — трех. С 26 верблюдов полагалось взимать одного трехлетнего верблюда, с 46 — одного четырехлетнего, с 61 — одного пятилетнего и т. д.

Приведенные налоговые ставки свидетельствуют о покровительстве государства крупным скотоводам, видимо феодалам-собственникам, так как по мере увеличения численности стада относительный размер налога уменьшался. Например, владелец стада баранов от 40 до 121 головы отдавал по одному животному с каждых 40 голов, в то время как владелец стада до 10 000 голов платил по одному барану с каждой сотни животных.

Два раздела «Мубайин» посвящены торговым сборам. Это «Рассказ о налоге с наличных денег» и «Рассказ о торговом сборе».

В первом разделе Бабур останавливается на торговом сборе, взимаемом только с мусульманских купцов, причем наличными деньгами (золотом, серебром). По словам Бабура, с каждых 20 мискалей золота взимался один мискаль. По мере увеличения дохода купца доля налога по отношению к доходу уменьшалась. Например, купец, имея 100 мискалей золота, должен был платить с каждых 20 мискалей по 0,5 мискаля, т. е. уже не 5 мискалей, а 2,5. Упоминая о налоге с серебряных денег, Бабур отмечает, что с каждых 40 дирхемов взимался один дирхем.

Во втором разделе «Мубайин» Бабур излагает свои принципы налогообложения иностранных купцов. Торговый сбор Бабур делит на две категории: сбор, взимаемый с купцов, которые приезжают из дружественных государств (здесь имеются в виду страны ислама); сбор, взимаемый с купцов, которые приезжают из враждебных государств (немусульманских).

По отношению к первой группе купцов был установлен налог в размере $^1/_{20}$ части их общего дохода, а по отношению ко второй группе Бабур рекомендует следующее:

Если в странах неверных подло обворовывают
Мусульманских купцов, то вы не допускайте подобного
В своих действиях; верните часть их имущества,
Чтобы они имели возможность добраться в свою страну.
Если купец неверующий и приехал из мусульманских стран,
То пусть сборщик податей возьмет [с него] $^1/_{20}$ часть
[дохода].
А если торговец [прибыл] из неверующей страны,
Взимайте столько же, сколько взимают они в их стране
с мусульманских купцов.
Если они берут все имущество мусульман,
То пусть мусульмане не поступают подобно им,
Чтобы они могли вернуться в свою страну
[М, л. 57б].

При этом, если купец оказался из страны, с которой еще не установлены торговые отношения, и соответственно размер торгового сбора с мусульман в той стране неизвестен, Бабур рекомендует взимать его в размере $^1/_{10}$ части дохода купца:

Если неизвестно, сколько они взимают,
Пускай взимают [одну] десятую [часть]
[М, л. 57б].

Бабур, естественно, стремился создавать для купцов такие условия, чтобы они больше торговали, расширяли свои торговые операции. Например, чем больше были доходы купца, тем меньший налог ему приходилось платить. Если у купца золото и серебро, взятые в отдельности, не достигают размера нисаба и поэтому не могут быть обложены налогом, то Бабур специально оговаривает, что налог следует исчислять с их общей стоимости. Эту свою мысль он излагает следующим образом:

Если твое золото и серебро [в отдельности]
Не достигают размера, соедини их вместе
И уплати закят с них
[М, л. 57б].

Торговая деятельность купцов и их интересы охранялись государством, которое разработало ряд мер, защищающих их права. Так, согласно «Мубайин», торговый сбор не взимался с тех, кто покупал вещи, чтобы их продавать:

Что бы ты ни купил для торговли,
Или для сдачи в аренду,
Или для себя что-нибудь
С намерением выгодно продать...
Знай, не обязателен закят.

Нормы налогообложения в мусульманских странах (Арабский Восток, Средняя Азия, Иран,— во время правления мусульманских династий — Индия) нашли отражение во многих трудах средневековых законоведов. Известным авторитетом в этих вопросах считался Абу Юсуф Якуб, создавший труд «Ки-

таб ал-харадж», который содержал разнообразные сведения социально-экономического характера в VIII в.

Большую популярность снискал труд «ал-Хидоя», написанный видным богословом XI в. ал-Маргинани. Тот факт, что вскоре после захвата Северной Индии британские колонизаторы перевели эту книгу на английский язык, говорит о широком применении и действенности принципов и норм «ал-Хидоя» в жизни Индии по крайней мере вплоть до колониального периода.

Бабур был хорошо знаком с «ал-Хидоя» [БН, л. 3б]. Сопоставление сведений Бабура, приведенных в «Мубайин», о налоге харадж и соответствующих разделов труда ал-Маргинани показывает, что в целом Бабур излагает те нормы налогообложения, которые существовали в его время, хотя в известной степени и основывается на материалах «ал-Хидоя».

Анализ данных Бабура и ал-Маргинани показывает, что к XVI в. в применении целого ряда налогов произошли определенные изменения по сравнению с XI в. Например, согласно «ал-Хидоя», харадж собирался всего один раз в год после жатвы (осенью). Бабур же предлагает взимать его два раза в год в тех местах, где дважды снимается урожай.

Можно в итоге сказать, что «Мубайин» не только отражает нормы шариата и экономические взгляды Бабура, проливая свет на многие особенности его административной деятельности в Афганистане и Индии, но и содержит ценный материал для исследования ряда аспектов социальной жизни этого региона, в развитии которых было немало общих черт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование в Кабуле и Северной Индии государства Захир-ад-дина Мухаммада Бабура было обусловлено целым рядом факторов политической и социально-экономической жизни народов Средней Азии, Афганистана и Северной Индии в конце XV — начале XVI в.

Феодальная анархия, воцарившаяся в государстве Тимуридов после смерти Шахруха (1447 г.), привела к его распаду. Независимые султанаты, образовавшиеся на развалинах этого государства: один — со столицей в Герате, другой — в Самарканде, также раздирались феодальными междоусобицами. Период феодальной раздробленности переживала в это время и Северная Индия, на территории которой существовало несколько государств, где правила мусульманская (чрезвычайно неоднородная этнически, включавшая афганцев, тюрков и представителей других народов) или индусская феодальная знать.

Сепаратизм феодалов был непосредственно связан с ростом их экономического могущества, основой которого была крупная феодальная собственность. Господствовавшими в это время формами феодальной собственности (или феодального служебного держания) становятся союргал (в государствах Средней Азии и Ирана, где правили Тимуриды) и инам, или поздний икта (в Делийском султанате), которые, являясь продолжением и развитием более ранних форм феодальной собственности (икта в Средней Азии и Иране и раннего икта в Делийском султанате), были следствием роста феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников и усиления их зависимости от феодалов. Возросшая феодальная эксплуатация, тяжесть которой умножалась разорением деревень и городов в результате междоусобных войн, ухудшала положение трудящихся.

Не случайно, что вторая половина XV — начало XVI в. ознаменовались обострением классовых противоречий в государствах этого региона, выразившимся в восстаниях крестьян и городской бедноты, в сектантских движениях и пр.

Все это порождало у большинства феодалов заинтересованность в крепкой центральной власти, способной покончить с многочисленными народными выступлениями и обеспечить поступление феодальной ренты.

Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в кон-

солидации феодальных сил в различных странах Среднего Востока и Индии, где в начале 50-х годов XVI в. были созданы мощные феодальные государства — Сефевидов (в Иране), Шейбанидов (в Средней Азии) и, наконец, Великих Моголов (в Северной Индии). Последнее было образовано усилиями среднеазиатской, главным образом тюркской и отчасти афганской феодальной знати, предводительствуемой Бабуром.

Сплотившихся вокруг Бабура среднеазиатских феодалов толкала на завоевание новых земель острая межфеодальная борьба, происходившая в Средней Азии, успех в которой склонился в сторону кочевых узбеков во главе с Шейбани-ханом. Потерпев в этой борьбе поражение, Бабур устремился на Восток — в Кабул и Северную Индию.

Утвердив свою власть в Кабуле и значительной части владений разбитого им последнего делийского султана, Ибрахим-шаха Лоди, Бабур положил тем самым начало правлению в Индии династии Великих Моголов.

Знакомство с историческим материалом изучаемого периода показывает, что Бабур был сыном феодальной эпохи, видным представителем своего класса. Вполне закономерно, что его государственная деятельность в Кабуле и в Индии была направлена на укрепление устоев феодального общества путем эксплуатации простого народа и осуществления захватнической политики. Но вместе с тем нельзя не отметить, что Кабур был талантливым поэтом, ценителем искусства и литературы, способным полководцем и администратором.

Внутренняя политика Бабура была направлена на расширение и укрепление социальной базы его власти. Она выражалась, в частности, в привлечении им на свою сторону части представителей местной знати из индийцев (раджпутов и др.), афганцев и тюрков, занимавших привилегированное положение и в Делийском султанате. С этой целью он активно использовал такое испытанное средство, как раздача служебных пожалований. Эта тенденция во внутренней политике Бабура прослеживается очень отчетливо, несмотря на то что одновременно им осуществлялись самые решительные меры по борьбе с непокорными феодалами.

Бабур стремился также заручиться поддержкой верхушки некоторых афганских и индийских племен. Он осыпал милостями предводителей тех племен, которые выражали ему повиновение и готовность служить. Несомненно, что этот союз был взаимовыгоден. Поддержка государством племенных вождей, включение их в феодальную иерархию, бесспорно, способствовали укреплению власти феодализировавшейся племенной знати над ее соплеменниками.

Неотъемлемой частью политики, направленной на создание сильного феодального государства, была земельно-налоговая политика Бабура. Меры, принимавшиеся им в этой области,

некоторые законодательные акты (в частности, указ о выплате феодальными владетелями в казну $^1/_3$ части их доходов) способствовали росту государственной земельной собственности, закреплению зависимости феодалов от центральной власти.

Усиление последней отражало объективно развивавшиеся в обществе тенденции к политической стабилизации, в которой были заинтересованы различные социальные слои — и мелкие и средние феодалы, и крестьянство, и торгово-ремесленное население городов. Эти тенденции в значительной мере были связаны с интересами развития экономики феодального государства, земледелия как основы ее и феодального города — центра торговли и ремесла. Административно-экономические мероприятия Бабура не утратили своей актуальности и после его смерти. Доказательством этому является осуществление ряда земельно-налоговых реформ Шер-шахом Суром и позднее — Акбаром, реформ, в принципе соответствовавших начинаниям Бабура.

Как известно, эпоха правления Моголов была периодом расцвета в Индии так называемой индо-мусульманской культуры, впитавшей элементы культурных традиций народов как Индии, так и Среднего и Ближнего Востока.

Как явствует из известных нам материалов, немалое значение при дворе Великих Моголов вплоть до конца XVII в. имел родной язык Бабура и его ближайшего окружения — староузбекский (чагатайский) [1], на котором были написаны как прозаические, так и поэтические его творения. Последние (частично переведенные позднее на персидский язык, например «Бабур-наме») не только служили преемникам Бабура своего рода политическим завещанием, но и явились источником литературных заимствований для персоязычных индийских историографов и поэтов. В то же время творчество самого Бабура, его язык испытали в некоторой степени влияние индийской культуры, языка урду.

Бабуром были произведены в Индии работы по благоустройству некоторых городов, сооружению крупных зданий различного назначения, разбивке садов и парков и т. д.

Вот почему высказывание Дж. Неру о том, что в XVI в. «в Индии произошли большие сдвиги и новые стимулы вдохнули свежесть и жизнь в искусство, архитектуру» [2], можно в определенной степени связать и с тем вкладом, который сделан в историю индийской культуры во времена Бабура.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[1] В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор,— Сочинения, т. VII, М., 1971, с. 305.

[2] Абдулкадыр бен Малик-шах Бадауни, Мунтахаб ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 25, л. 113а, л. 114а.

[3] Там же.

[4] Бабур, Мубайин, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № А-104.

[5] Первый — в Музее литературы им. Алишера Навои АН УзССР, второй — в рукописном фонде ИВ АН УзССР, а третий — в личной библиотеке автора этих строк (последний список подарен автору научным сотрудником ИВ АН УзССР Л. А. Азиз-Заде).

[6] Сейид Мир Сиддик, Наме-йе Хосрован, ркп. ИВ АН УзССР, № 2255, л. 19а.

[7] [E. Blochet], Catalogue des manuscrits persans de la bibliothéque Nationale, par E. Blochet, Paris, t. I—IV, 1905—1937.

[8] The History of India as Told by its own Historians. The Muhammadan Period, ed. from Posthumous Papers of the Late Sir H. M. Elliot by J. Dowson, vol. IV, London, с. 288.

[9] The Babar-nama, transl. by A. S. Beveridge, Leiden, 1905, с. XLIV.

[10] Абул-Фазл, Акбар-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 6, л. 626.

[11] The Babar-nama, с. XLV.

[12] С. А. Азимджанова, Индийский диван Бабура, Ташкент, 1966.

[13] Н. Д. Миклухо-Маклай, Хондемир и «Записки Бабура»,— сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, с. 237—249.

[14] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, ркп. ИВ АН УзССР, № 1430.

[15] Абул-Фазл, Аин-и Акбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 6.

[16] Фериште, Тарих-и Фериште, ркп. ИВ АН УзССР, № 864.

[17] Низам-ад-дин Херави, Табакат-и Акбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 1535.

[18] Абдулкадыр бен Малик-шах Бадауни, Мунтахаб ат-таварих.

[19] Тарих-и Мухаммади, ркп. ИВ АН УзССР, № 52.

[20] The Babar-nama, с. XLIX.

[21] Бабур-наме, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № 685.

[22] Бабур-наме, изд. Н. Ильминского, Казань, 1857.

[23] Вакаи-наме-йе падшахи, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № 117/590.

[24] К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.), М., 1965, с. 7.

[25] The Babar-nama, с. XLIX.

[26] Grand Dictionnaire universel du XIX Siecle par Pierre Larousse, t. 10, Paris, с. 11—12.

[27] Захир-ад-дин Мухаммед Бабур, Лирика, пер. с узб. Л. Пеньковского, предисл. Е. Бертельса, Ташкент, 1943.

[28] Бобир, Танланган асарлар. Нашрга тайёрловчилар С. Азимжонова, А. Каюмов, Тошкент, 1968; Бабур, Избранные сочинения, сост. С. Азимджанова, А. Каюмов, Ташкент, 1959.

[29] Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои, Ташкент, 1940; Алишер Навои. Сборник статей, Ташкент, 1946.

[30] Бобирнома, Тошкент, 1948.

[31] Э. Рустамов, Узбекская поэзия первой половины XV в., под ред. Е. Э. Бертельса, М., 1963; Н. Малаев, Узбек адабиети тарихи, Тошкент, 1963.

[32] Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958.

[33] Бобирнома, Тошкент, 1960.

[34] С. А. Азимджанова, Индийский диван Бабура, Ташкент, 1966.

[35] А. Мухтаров, Надписи с именем Бабура в верховьях Зеравшана (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), М., 1960; С. Азимджанова, Некоторые экономические взгляды Захир ад-дина Бабура, изложенные в «Мубайине» (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), М., 1960. Ее же, Новые данные о «Хатт-и Бабури» (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), М., 1964.

[36] S. A. Azimjanova, New Data concerning Khatt-i-Baburi,— «Central Asian Review», 1964, vol. XII, № 2.

[37] Рашид Ахтар Надви, Тарджуме-йе Тузук-и Бабури, Лахор, 1956.

[38] Персидский текст насчитывает 246 страниц, перевод на урду — 289 страниц. Мирза Мухаммад Ширази выражает недоумение в связи с замечанием переводчика о том, что на 936 г. х. (1529/1530) рассказ Бабура прерывается. Это обстоятельство говорит о незнании издателем персидского списка истории создания «Бабур-наме».

[39] Рашид Ахтар Надви, Тарджуме-йе Тузук-и Бабури, с. 1.

[40] Там же.

[41] Мирза Насир-ад-дин Хайдар, Тарджуме-йе Тузук-и Бабури, Карачи, 1962.

[42] Там же, с. 9.

[43] См. об этом подробно: Н. Д. Миклухо-Маклай, Хондемир и «Записки Бабура», с. 237—249.

[44] В. А. Ромодин, ссылаясь на работу В. Рушбрука «Политическая карьера Бабура» (1881), замечает, что тогда «Бабур принимал участие в борьбе, которую вели между собой афганские племена» (В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, М., 1965, с. 12). Однако не исключено, что эти сведения — домысел самого Рушбрука, ибо ни в одном известном нам источнике на это нет даже намека.

[45] The Babar-nama, с. XXXVI.

[46] Там же.

[47] М. Салье, Малоизвестный источник по истории Узбекистана «Михман-наме-и Бухара»,— «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. 3, Ташкент, 1954; Фазлуллах ибн Рузбехан, Михман-наме-и Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1414; Фазлуллах Рузбехан Исфахани, Сулук-ул-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 5779. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, Михман-наме-йи-Бухара (Записки бухарского гостя), пер., предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой, М., 1976.

[48] Фазлуллах Рузбехан Исфахани, Сулук-ул-мулук, л. 2б.

[49] Лакх=100 000.

[50] Фазлуллах Рузбехан Исфахани, Сулук-ул-мулук, л. 2б.

[50а] Там же, л. 11б.

[51] Махмуд бен Вали, Бахр ал-асрар, ркп. ИВ АН УзССР, № 1383.

[52] Абдуллах бен Мухаммад бен Али Насруллахи, Зубдат ал-асар, ркп. ИВ АН УзССР, № 608.

[53] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, ркп. ИВ АН УзССР, № 1430, л. 169б.

[54] Там же, л. 171.

[55] Там же, л. 171а.

[56] Там же, л. 187а.

[57] Там же, л. 202а.

[58] Там же, л. 142б.

[59] The Babar-nama, с. XIII—XLIII.

[60] Завершение «Тарих-и Рашиди» датируется автором 952 г. х. месяца зулхиджи, т. е. мартом 1546 г. (Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 157а).

[61] Помимо литографированных изданий (Бомбей — 1845, 1848, 1854, 1871 и Лакхнау — 1883, 1890) имеются многочисленные списки труда Мирхонда. Прекрасный узбекский перевод этого сочинения хранится в ИВ АН УзССР (ркп. № 6787).

[62] Хондемир, Хабиб ас-сияр. Бомбей, 1857.

[63] Один экземпляр рукописи «Таварих-и гузида Нусрат-наме» хранится в Британском музее (ркп. № 02, 3222), другой — в ЛО ИВ АН СССР (ркп. № В-745). См.: Таварих-и гузида Нусрат-наме, исследование и критический текст А. М. Акрамова, Ташкент, 1967.

[64] Искандар Мунши, Тарих-и Алам-ара-йе Аббаси, Тегеран, 1896.

[64а] А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча,— «Известия ГАИМК», 1930, т. VI, вып. II, с. 45; А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр,— «Труды АН Таджикской ССР», т. XII, 1954; В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Ташкент,— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XV, СПб., 1903, с. 188, 204; Мир-Али-Шир. Сборник к 500-летию со дня рождения, Л., 1928.

[65] А. Н. Болдырев, Зайн-ад-дин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии), Сталинабад, 1957; его же, Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв.,— «Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. II, 1938; его же, Очерки из жизни Гератского общества в XV—XVI вв.,— «Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. IV, 1947; Зайн-ад-дин Васифи, Бадае-ал-вакае, ч. I—II, критический текст А. Н. Болдырева, М., 1961.

[66] А. Н. Болдырев, Таджикский писатель XVI в. Зайн-ад-дин Васифи и его произведение «Удивительные события», Л., 1954, с. 6.

[67] См., например: H. J. Raverty, Notes on Afghanistan and Part of Baloochistan, Geographical, Ethnographical and Historical, extracted from the Writings of the little known Afghan and Tajzjik Historians, Geographers and Genealogists, the Histories of the Ghuris, the Turk Sovereigns of the Dihli Kingdom, the Mughal Sovereigns of the House of Timur, and other Muhammadan Chronicles, and from Personal Observations, London, 1881.

[68] Абдал Хай Хабиб, Таваби-и Кабул дераср-и Гургания-ни Хинд,— «Ариана», т. 4, № 7.

[69] Амин Ахмад Рази, Хафт иклим, ркп. ИВ АН УзССР, № 617; Муин ад-дин Мухаммад Исфизари, Роузат ал-джанат фи оусафи мадинати Херат, ркп. ИВ АН УзССР, № 788.

[70] Микрофильм первого документа получен нами из Лондона благодаря любезности заведующего библиотекой проф. Саргтона. Об этих документах см. также: K. A. Nilakanta Sastri, Sources of Indian History with Special Reference to South India, Bombay, 1964.

[71] Мавлана Хаким Юсуфи, Бадаи ал-инша, ркп. АН ТаджССР, № 102.

[72] Там же, л. 66.

[73] Там же, л. 74.

[74] Там же, л. 95б.

[75] Там же.

[76] Там же, л. 81б, 82.

[77] См.: «Oriental College Magazine», Lahore, 1933, vol. IX, № 3, с. 118, 119.

[78] P. Saran, Two Farmans of Aurangzeb,— «Islamic Culture», Hyderabad, 1945, vol. XIX, № 3.

[79] The History of India as Told by its own Historians, vol. IV; ср.: Abbas Khan, Tarikh-i Sher Shahi, Calcutta, 1952.

[80] Мир Махди Ходжа, Тазкират ал-хавотин, Бомбей, 1888, л. 9.

[81] Gul-Badan Bagam, The History of Humayun (Humayun-nama), transl. by A. S. Beveridge from the only known MS of the British Museum, London, 1902; узбекский перевод: Гульбадан-бегим, Хумаюн-наме, Ташкент, 1959.

[82] Гульбадан-бегим, Хумаюн-наме, с. 36.

[83] Там же, с. 39.

[84] Там же, с. 37.

[85] В индийских архивах она обозначена как «Китаб-и Джахар-шахи», в библиотеке Худабахша — «Тарих-и Хумаюн», в Британском музее — «Тарих-и Хумаюн-шахи». Три экземпляра этой рукописи имеются в хранилище Алигархского университета и один — в Пенджабе, в Национальной библиотеке Патиалы. Во время поездки в Патиалу в 1966 г. нами сделан микрофильм с пенджабского списка, чему мы обязаны проф. Сури и бывшему генеральному секретарю Пенджабского отделения ИСКО Тантому. Благодаря содействию проф. Нурул-Хасана нам удалось получить также микрофильм алигархского списка.

[86] Jauher, Tezkereh al vakiat or Private Memoirs of the Moghol Emperor Humayun, transl. by Major Ch. Stewart, 2-nd ed., Calcutta, 1974, с. 113.

[87] Абул-Фазл, Мактубат-и Аллами, Константинополь, т. 1, 1889.

[88] Рукописный фонд ИВ АН УзССР располагает хорошими списками этого бесценного труда, относящимися к XVII в. Два из них аннотированы (Собрания восточных рукописей, Ташкент, 1952, т. 1, с. 100—101); оба они исполнены мелким, четким насталиком. Об Абул-Фазле см. также: К. А. Антонова, Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара, М., 1952.

[89] К. А. Антонова, Очерки общественных отношений Монгольской Индии времен Акбара, с. 6.

[90] Гульбадан-бегим, Хумаюн-наме, л. 43б.

[91] К. А. Антонова, Очерки общественных отношений Могольской Индии времен Акбара, с. 6.

[92] Абул-Фазл, Аин-и Акбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 1721.

[93] Фериште, Тарих-и Фериште, Лакхнау, 1281 г. х. (1864).

[94] Там же, с. 3, 4.

[95] Там же, с. 98.

[96] Низам-ад-дин Ахмад-шах Херави, Табакат-и Акбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 1345.

[97] Низам-ад-дин Ахмад Херави, Табакат-и Акбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 3341, л. 139а.

[98] К. А. Антонова, Очерки общественных отношений Могольской Индии времен Акбара, с. 9.

[99] H. Lamb, Babur the Tiger: First of the Great Mogols, New York, 1961.

[100] A. Shimmel, Babur Padishah, the Poet with an Account of the Poetical Talent in his Family,— «Islamic Culture. English Quarterly», 1960, vol. XXXIV, № 2.

[102] Khaled Ahmad, Babur's Treatise on Prosody,— «The Pakistan Times», 22.VIII.1976.

[103] W. H. Moreland, The Agrarian System of Moslem India, Cambridge, 1929.

[104] H. M. Caldecott, The Life of Babur, Emperor of Hindostan, London, 1845; S. Lane-Pool, Baber, Oxford (Rulers of India), 1899.

[105] Ахмад Али Кохзад, Бала-и Хисар, т. I, Кабул, 1954.

[106] Абдулхай Хабиби, Афганистан дар аср-и Гурагани Хинд, Кабул, 1962.

[107] J. H. Qureshi, The Administration of the Sultanate of Delhi, 2-nd ed., Lahore, 1944.

[108] P. Saran, Studies in Medieval Indian History, Delhi, 1952.

[109] J. H. Qureshi, The Administration of the Sultanate of Delhi, с. 82.

[110] P. Saran, Studies in Medieval Indian History, с. 70.

[111] S. R. Sharma, Mughal Government and Administration, Bombay, 1951, с. 236.

[112] Там же, с. 248.
[113] R. P. Tripathi, Rise and Fall of the Mughul Empire, Allahabad, 1956.
[114] Там же, с. 55.
[115] I. Habib, The Agrarian System of Mughal India (1656—1707), Bombay, 1963.
[116] История Узбекской ССР, Ташкент, 1967.
[117] И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
[118] В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I—II, М., 1964—1965.
[119] И. М. Рейснер, Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв., М., 1961; К. А. Антонова, Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара; К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.), М., 1965; ее же, Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.), М., 1960; Л. Б. Алаев, Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков, М., 1964.
[120] История Индии в средние века, М., 1968.

Глава II

ФЕРГАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

[1] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 98б; С. А. Азимджанова, К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957, с. 21.
[2] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, Бомбей, 1847, с. 271.
[3] О детстве Бабура в «Бабур-наме» не имеется сведений. Данные о его жизни до вступления на престол приведены Мухаммадом Хайдаром: Тарих-и Рашиди, л. 98а, 98б.
[4] Там же, л. 99а.
[5] Ягач=7—8 км.
[6] Бабур-наме. Записки Бабура, пер. М. Салье под ред. С. А. Азимджановой, Ташкент, 1958, с. 27. Далее все ссылки на это издание будут оформляться непосредственно в тексте, например: [БН, л. 8а (нумерация листов по изданию А. С. Беверидж, см. прим. 9 к гл. I)]. Написание имен собственных в цитатах из «Бабур-наме» унифицировано согласно тексту работы.
[7] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, с. 81.
[8] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 24.
[9] См. также: Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 276.
[10] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 284.
[11] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 24.
[12] Мухаммад Шади, Шах-наме-йе хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5369, л. 215б, 216а, 217а.
[13] Согласно Мухаммаду Салиху, численность войска могольских ханов составляла 40 тысяч человек (Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 122).
[14] Таварих-и гузида Нусрат-наме, Ташкент, 1967, с. 323.
[15] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 95а; Таварих-и гузида Нусрат-наме, с. 339.
[16] Таварих-и гузида Нусрат-наме, с. 324; Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 127.
[17] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 170; Таварих-и гузида Нусрат-наме, с. 335.
[18] Таварих-и гузида Нусрат-наме, л. 58б.

Глава III

КАБУЛЬСКИЙ УДЕЛ В XV — НАЧАЛЕ XVI в.

[1] Абдурраззак Самаркандий, Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн, А. Урунбоев таржимаси, Тошкент, 1969, с. 284.
[2] Ахмад Али Кохзад, Бала-и Хисари, т. I, с. 69.
[3] Впоследствии Пир Али Таз совместно с бадахшанскими эмирами попытался поднять бунт против центральной власти, но безуспешно. Он был схвачен в окрестностях Балха в 1407 г. и казнен в Герате (см.: Абдурраззак Самаркандий, Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн, с. 112).
[4] Там же, с. 253.
[5] Абдурраззак Самарканди, Матла ал-саадайн, ркп. ИВ АН УзССР, № 5374, л. 221б; ср. Ахмад Али Кохзад, Бала-и Хисар, т. I, с. 34.
[6] Абдурраззак Самарканди, Матла ал-саадайн, с. 222а.
[7] Мирхонд, Равзат ас-сафа, ркп. ИВ АН УзССР, № 7108, л. 256а.
[8] Там же.
[9] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 260.
[10] Ср. соответствующий раздел: Амин Ахмад Рази, Хафт Иклим, л. 122а.
[11] Там же.
[12] Мир Гулям Мухаммед Губар, Ахмад-шах — основатель Афганского государства, М., 1959, с. 15, 16.
[13] Там же, с. 16.
[14] Там же.
[15] И. М. Рейснер, Афганистан, М., 1929, с. 55.
[16] В. Гурко-Кряжин, Исторические судьбы Афганистана,— сб. «Афганистан», М., 1923, с. 32.
[17] Бабур направился в Кабул, по-видимому, по этой дороге, так как, описывая свой путь, он рассказывает о встрече с Хосров-шахом в месте слияния Кизилсу с Андар-Аб [БН, л. 123б].
[18] А. Е. Снесарев, Афганистан, т. I, М., 1921, с. 29, 30.
[19] Ахмад Али Кохзад, Бала-и Хисари Кабул, т. I, с. 135.
[20] Н. Вавилов, Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, Л., 1929.
[21] Там же, с. 23—25.
[22] В. В. Бартольд, Иран. Исторический обзор, Ташкент, 1926.
[23] В. В. Бартольд, Иран. Исторический обзор, с. 40, 41.
[24] В. Гурко-Кряжин, Исторические судьбы Афганистана, с. 27.
[25] Там же. Туран — т. е. Туркестан.

Глава IV

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ БАБУРА В КАБУЛЕ

[1] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 289; Фериште, Тарих-и Фериште, Лакхнау, с. 199.
[2] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 99б.
[3] Моголистан — средневековое название территории, прилегавшей к северо-востоку Туркестана.
[4] Х. Хасанов, Захир-ад-дин Мухаммед Бабур, Ташкент, 1966, с. 31, 196.
[5] А. Мухтаров, Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана и их научное значение,— «Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, с. 668.
[6] Это название буквально означает «Страна гор». Кухистаном в исторической литературе считаются горы, расположенные вокруг Зеравшанского хребта.

[7] А. Мухтаров, Таджикские и другие надписи, с. 672.

[8] А. Мухтаров, Надписи с именем Бабура в верховьях Зеравшана, М., 1960, с. 15.

[9] Н. А. Кисляков, Очерки истории Каратегина. К истории Таджикистана, Сталинабад, 1954, с. 42.

[10] Там же, с. 42.

[11] Там же.

[12] А. П. Федченко, Путешествие в Туркестан (1868—1871 гг.), М., 1950, с. 139.

[13] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 173.

[14] А. П. Федченко, Путешествие в Туркестан, с. 131.

[15] Н. Ф. Колосовский, Пути сообщения Таджикистана,— сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, с. 272.

[16] Бабур именует его Баки-тархан или же Баки Чаганиани [БН, л. 120а], а Хондемир — Бакир-беком (Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 294) и Мухаммадом Бакир-тарханом.

[17] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 312; Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 157.

[18] А. А. Семенов, Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов,— «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. I, Сталинабад, 1954, с. 57.

[19] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 312, 313.

[20] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 157.

[21] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 313.

[22] Там же; Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 157.

[23] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 292.

[24] А. А. Семенов, Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, с. 59.

[25] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 292.

[26] Там же, с. 313.

[27] Там же.

[28] Фериште, Тарих-и Фериште, ркп. ИВ АН УзССР № 826, л. 143б; ср.: Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 318.

[30] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 175.

[31] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 318.

[32] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 189.

[33] Фериште, Тарих-и Фериште, л. 143б, 144а.

[34] Там же.

[35] Муким Аргун, сын Зуннуна Аргуна — эмира Бади-уз-Заман-мирзы, в это время был правителем Кабульского удела.

[36] В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, с. 7.

[37] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, с. 348.

[38] В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, с. 373.

[39] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 203, 204.

[40] Там же, с. 216.

[41] Меймен — город в Афганском Туркестане на пути между Гератом и Балхом; Фараб находился к северу от Меймена.

[42] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 324.

[43] Там же.

[44] Мухаммад Салих, Шейбани-наме, с. 203, 204.

[44а] Там же, с. 204, 205.

[45] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. III, с. 326, 327.

[46] Мирхонд, Равзат ас-сафа, л. 143а.

[47] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III. ч. III, с. 354.

[48] Мирхонд, Равзат ас-сафа, л. 195 и др.

[49] В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, с. 366.

[50] Мирхонд, Равзат ас-сафа, л. 145б, 146а.

[51] Фарсах — 7—8 км.

[52] А. Н. Болдырев, Зайн ад-дин Васифи, с. 59—60.
[53] Там же, с. 44.
[54] Там же, с. 49.
[55] Там же.
[56] Там же, с. 51. По данным А. Н. Болдырева, Шейбани-хан вошел в Герат в месяце мухаррам 913 г. х. Датировка Хондемира более точная — 8 мухаррама 913 г. х. (23 мая 1507 г.).

Глава V

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАБУЛЬСКОГО УДЕЛА

[1] Шери — примерно 2 км.
[2] [А. Борнс], Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом ост-индской службы А. Борнсом, ч. 1—3, М., 1849; ч. 2, с. 173—174.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 181.
[5] Мухаммад Исфазари, Равзат-ул-джаннат, ркп. ИВ АН УзССР, № 788.
[6] Мухаммад Тахир-бек Касым, Аджайиб-ат-табакат, ркп. ИВ АН УзССР, № 617.
[7] Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич, Афганистан,— Избранные труды, т. I, М.—Л., 1959, с. 66.
[8] Ахмад Али Кохзад, Бала-и Хисари, т. I, с. 103—105.
[9] Журн. «Кабул», 1937, № 72, с. 77.
[10] Мухаммад Исфазари, Равзат-ул-джаннат, л. 84а—86а.
[11] В. В. Бартольд, Иран. Исторический обзор, с. 41.
[12] Кары — около 70 см.
[13] Мухаммад Исфазари, Равзат-ул-джаннат, л. 194б, 195б.

Глава VI

ОТНОШЕНИЯ БАБУРА С АФГАНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

[1] И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, с. 83.
[2] J. Wood, A Journey to the Source of the River Oxus, London, 1872, с. 127.
[3] [W. Moorcroft and G. Trebeck], Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819 to 1825, London, 1841, с. 385.
[4] [А. Борнс], Путешествие в Бухару.
[5] [Mohan Lal], Travels in the Panjab, Afganistan and Turkistan, to Balk. Bokhara and Herat... by Mohan Lal..., London, 1846, с. 328.
[6] Ch. Masson, Narrative of Various Journeys in Bilochistan, Afganistan and the Panjab... from 1826 to 1838, London, 1842, с. 328.
[7] J. P. Ferrier, Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afganistan, Turkistan and Baloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying between Russia and India, London, 1857, с. 191.
[8] M. Elphinstone, An Account of the Kingdom of Kabul..., London, 1815.
[9] И. П. Минаев, Сведения о странах по верховью Аму-Дарьи (по 1878 г.), СПб., 1879, с. 189.
[10] Там же, с. 185.

[11] [А. Борнс], Путешествие в Бухару, с. 152.
[12] И. П. Минаев, Сведения о странах по верховью Аму-Дарьи, с. 189.
[13] J. Wood, A Journey to the Source of the River Oxus, с. 127.
[14] Народы Передней Азии, под ред. Н. А. Кислякова, А. И. Першина, М., 1957, с. 109.
[15] Ср.: И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, с. 409.
[16] Там же, с. 45, 94, 96, 100, 227, 286, 337.
[17] Там же, с. 55.
[18] В переводе М. Салье слово *ракийат* истолковано как «крестьянин». Однако здесь речь идет об афганцах из племени мехмандов.
[19] S. Lane-Pool, Baber, с. 138—139.
[20] И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, с. 91—92.

Глава VII

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БАБУРА С ШАХОМ ИСМАИЛОМ СЕФЕВИ И ИХ СОВМЕСТНЫЙ ПОХОД В МАВЕРАННАХР

[1] Этот раздел включен в работу по совету И. П. Петрушевского, который, ознакомившись с общим планом исследования, высказал ряд ценных предложений, за что автор приносит ему искреннюю благодарность.
[2] Два предыдущих похода состоялись, как известно, в 1497 и 1500 гг.
[3] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр,— «Труды АН Таджикской ССР», 1954, т. XII.
[4] См., например: Б. Г. Гафуров, Таджики, М., 1975; История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950.
[5] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. IV, с. 65 и сл.
[6] Н. Д. Миклухо-Маклай, Хондемир и «Записки Бабура»,— сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, с. 237—249.
[7] Ср.: В. В. Бартольд, Рец.: *The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia, ed. by N. Elias, London, 1895,*— Сочинения, т. VIII, М., с. 63—73.
[8] См. об этом: Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 155а и сл.
[9] Искандар Мунши, Тарих-и Алам-ара-йе Аббаси, Тегеран, 1896; см.: А. А. Ромаскевич, Иранские источники по истории Туркмении XVI—XIX вв.,— сб. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, с. 9—10.
[10] См.: Камал-ад-дин Бенаи, Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 844; Мухаммад Салих, Шейбани-наме, СПб., 1908; И. Н. Березин, Шейбаниада, Казань, 1849; Таварих-и гузида Нусрат-наме.
[11] Исключение составляет дидактический труд Зайн-ад-дина Васифи (см.: Зайн-ад-дин Васифи, Бадаи ал-вакаи, т. 1—2, М., 1961; ср. также: А. Н. Болдырев, Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.,— «Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», 1947, т. II, с. 313—422 и др.).
[12] В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан,— Сочинения, т. VIII, М., с. 131—132.
[13] Махмуд бен Вали, Бахр ал-асрар, ркп. ИВ АН УзССР, № 2372.
[14] Фазлуллах бен Рузбехан, Сулук-ул-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 2621, л. 9б—12б.
[15] Мухаммад Юсуф Мунши, Муким-ханская история, пер. с таджикского, предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова, Ташкент, 1956; Мир Мухаммед Амин-и Бухари, Убайдулла-наме, пер. с таджикского и примеч. А. А. Семенова, Ташкент, 1957; Г. Мукминова, К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966; Хофиз Таниш ибн Мир Мухаммед Бухорий, Абдулланома (Шарафномайи шохий), 1-жилд, Тошкент, 1966; 2-жилд, Тошкент, 1969; Таварих-и гузида Нусрат-наме.

[16] Дело в том, что по требованию Шейбани-хана Бабур, отступая из Самарканда, был вынужден отдать тому в жены Ханзаде-бегим. Однако вскоре после этого Шейбани-хан, опасаясь, что она будет мстить за брата, развелся с ней и выдал замуж за своего приближенного Сеида Ходи, который, как и его повелитель, погиб в битве под Мервом (Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 106а; Хафиз Таниш Бухари, Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 28б).

[17] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 106а.

[18] Хофиз Таниш ибн Мухаммад Бухорий, Абдулланома, 1 жилд., с. 108.

[19] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 157а.

[20] Яса — сборник законов, составленный во времена Чингисхана.

[21] Ркп. ИВ АН УзССР, № 1375, л. 174а.

[22] Ср.: А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 114.

[23] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 154а.

[24] Там же.

[25] Там же, л. 154б.

[26] Султан Саид-хан жил при дворе Бабура около 1516 г. Затем он получил в управление туман Мандавар.

[27] См.: А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 114, 119; ркп. ИВ АН УзССР, № 1375, л. 174а; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, с. 142.

[28] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 119.

[29] Махмуд бен Вали, Бахр ал-асрар, № 2372, л. 174а, 174б.

[30] Там же; А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 115.

[31] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 115. Подразумевается, что шах Исмаил — шиит; Шейбаниды были суннитами.

[32] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 128б.

[33] Ркп. ИВ АН УзССР, № 1375, л. 175а.

[34] Там же.

[35] Фазлуллах бен Рузбехан Исфахани, Сулук-ул-мулук, л. 96.

[36] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. IV, с. 65.

[37] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 153б.

[38] См.: А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 118, 119, 122.

[39] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 155а.

[40] Ср.: А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 117.

[41] Мухаммад Хайдар приводит имена зачинщиков заговора: Мир Фаридун, Кул Назар-мирза, Мир Аюбмир, Мир Мухаммад, Мир Ибрахим, Ядгар-мирза, Кара-султан, Али-мирза, Мир Гузи-барлас, Мир Доим Али, Мирза Мухаммад, Мирбек Мухаббат, Мир Канбар, Шах-Мазар-мирза, Кутлик-мирза и т. д.

[42] Тарих-и Мунтазими Насири, 1298 г. х., с. 93.

[43] Кизилбаши — букв. «красноголовые», прозвище воинов шаха Исмаила Сефеви, носивших красные шапки.

[44] Абдуллах Насруллахи, Зубдат ал-асар, л. 471.

[45] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 122.

[46] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 156б.

[47] Там же, л. 155б—157а.

[48] Хафиз Таниш Бухари, Абдулла-наме, л. 28б.

[49] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 156б.

[50] Махмуд бен Вали, Бахр ал-асрар, ркп. № 1375, л. 178а.

[51] См.: А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 123.

[52] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, с. 455.

[53] Ширим-тоган — один из беков отца Бабура, Омар Шейха; после смерти последнего служил Бабуру [см. БН, л. 15б, 55а, 59а, 91а и др.].

[54] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. IV, с. 66.

[55] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 158а.

[56] Хофиз Таниш ибн Мухаммад Бухорий, Абдулланома, I жилд, с. 108.

[57] См. об этом: Р. Джалилова, «Мехман-наме-и Бухара», канд. дисс.; А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 124; М. Салье, Малоизвестный источник по истории Узбекистана «Мехман-наме-и Бухара».

[58] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 125.

[59] Фазлуллах бен Рузбехан Исфахани, Сулук-ул-мулук, л. 6а.

[60] Там же.

[61] Там же, л. 5а. По другим источникам (Махмуд бен Вали, Бахр ал-асрар, л. 178б; Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 156а), в походе участвовали и остальные султаны. Главные силы Шейбанидов двинулись к Ташкенту, а Убайдулла пошел на Бухару.

[62] По Мухаммаду Хайдару, у Убайдуллы было всего 3 тысячи воинов (л. 165б).

[63] Фазлуллах бен Рузбехан говорит даже о 70 тысячах человек, что, вероятно, преувеличение (л. 9б).

[64] Там же, л. 10а.

[65] В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, с. 200.

[66] Мухаммад Хайдар, Тарих-и Рашиди, л. 165б.

[67] Фазлуллах бен Рузбехан Исфахани, л. 9б, 10а.

[68] Там же, л. 13а.

[69] В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, с. 140.

[70] А. А. Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, с. 129.

[71] Хондемир, Хабиб ас-сияр, т. III, ч. IV, с. 65, 66.

Глава VIII

СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ БАБУРА

[1] Хизр-хан — основатель династии Сайидов в Индии. Известен также под именем Ислам-хана (Фериште, Тарих-и Фериште, ркп. ИВ АН УзССР, № 612, л. 233а).

[2] Сунджан Рай Мунши, Хуласат ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 1722, л. 219а.

[3] Фериште, Тарих-и Фериште, Лакхнау, с. 172.

[4] Ходжа Низам-ад-дин, ркп. ИВ АН УзССР, № 36/73, л. 175б; Абдулкадыр ибн Мулук-шах Бадауни, Мунтахаб ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 25, л. 98б.

[5] Фериште, Тарих-и Фериште, с. 179.

[6] Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, с. 186.

[7] Фериште, Тарих-и Фериште, с. 179.

[8] Там же, с. 178.

[9] Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, с. 187.

[10] Там же.

[11] Фериште, Тарих-и Фериште, с. 181.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же, с. 183.

[15] Там же, с. 182.

[16] Там же, с. 188.

[17] Там же, с. 189.

[18] Ahmad Yadgar, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 13.

[19] Фериште, Тарих-и Фериште, с. 191.

[20] Там же, с. 190.

[21] Низам-ад-дин Ахмад бин Мухаммад Муким Херави, ркп. ИВ АН УзССР, № 3341, л. 138б.

[22] Ahmad Yadgar, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 23.

[23] Низам-ад-дин Херави, л. 138б.

[24] Высказывалось даже предположение (не имеющее ничего общего с действительностью), что, готовясь к походу на Индию, Бабур для ознакомления с политической и экономической ситуацией в стране, переодетый паломником, побывал вместе со своим визирем в Индии, см. турецкий перевод «Бабур-наме» (Стамбул, 1921, с. 303—312).

[25] The Cambridge History of India, vol. IV, с. 5.

[26] S. Lane-Pool, Baber (Rulers of India), Oxford, 1869, с. 135.

[27] Абул-Фазл, Акбар-наме, ркп. № 1345, л. 35а.

[28] Сунджан Рай Мунши, Хуласат ат-таварих, л. 22.

[29] S. Lane-Pool, Baber, с. 143.

[30] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 201.

[31] Гульбадан-бегим, Хумаюн-наме, с. 30, 33.

[32] R. P. Tripathi, Rise and Fall of the Mughal Empire, Allahabad, 1956, с. 21—26.

[33] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 202.

[34] Там же; R. P. Tripathi, Rise and Fall of the Mughal Empire, с. 23.

[35] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 202.

[36] Там же.

Глава IX

ПАНИПАТСКАЯ БИТВА

[1] Ahmad Yadgar, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 26.

[2] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 203.

[3] Там же, с. 204.

[4] Там же; ркп. ИВ АН УзССР, № 1345, л. 36б; ркп. ИВ АН УзССР, № 3241, л. 143б.

[5] Махди Ходжа — муж Гульбадан-бегим.

[6] Ркп. ИВ АН УзССР, № 826, л. 148б.

[7] Цит. по: H. M. Elliot, The History of India as Told by Its Own Historians, vol. V, London, 1873, с. 30.

[8] Ркп. ИВ АН УзССР, № 3341, л. 145а; Сунджан Рай Мунши, Хуласат ат-таварих, л. 237.

[9] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 205.

Глава X

БОРЬБА БАБУРА ЗА УПРОЧЕНИЕ СВОЕЙ ВЛАСТИ В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ (1526—1530)

[1] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 206.

[2] Ahmad Yadgar, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 34.

[3] W. Erskine, History of India, vol. 1, с. 460—461; S. Lane-Pool, Baber (Rulers of India), с. 174.

[4] История Индии в средние века, М., 1968, с. 381.

[5] К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), М., 1947, с. 23.

[6] Фериштa, Тарих-и Фериштa, с. 208.

[7] Там же.

[8] Ahmad Yadgar, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 34.

[9] Там же.

[10] См.: R. P. Tripathi, Rise and Fall of the Mughal Empire, с. 35.

[11] Ф е р и ш т а, Тарих-и Фериште, с. 202.
[12] Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472, изд. 2, М.—Л., 1958, с. 168, прим. 47.
[13] К. Маркс, отмечая использование в битве при Сикри огнестрельного оружия, говорит о военном балансе Бабура: «В своих позднейших битвах Бабур применял не только стрелы, но и порох; он упоминает о своих *мортирах*, и *мушкетерах*, и *лучниках*; сам он был отличным стрелком из лука» (К. М а р к с, Хронологические выписки по истории Индии, с. 23).
[14] A h m a d Y a d g a r, Tarikh-i Salatin-i Afaghana, с. 36.
[15] R. P. T r i p a t h i, Rise and Fall of the Mughal Empire, с. 40.
[16] Ф е р и ш т а, Тарих-и Фериште, с. 210.
[17] R. P. T r i p a t h i, Rise and Fall of the Mughal Empire, с. 48.
[18] Там же, с. 46.
[19] После смерти Бабура Бибан и Баязид подняли бунт против Хумаюна (см.: Г у л ь б а д а н - б е г и м, Хумаюн-наме, с. 45).
[20] Там же, с. 39.
[21] Там же, с. 37.
[22] Там же, с. 41.
[23] Там же, с. 42.

Глава XI

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ ПРИ БАБУРЕ

[1] R. P. T r i p a t h i, Rise and Fall of the Mughal Empire, с. 50—51.
[2] Ср.: Н. Б. З а х о д е р, История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток), М., 1944, с. 92: К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 77.
[3] К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 73; Б а р а н и, Тарих-и Фируз-шахи, с. 63.
[4] К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 83.
[5] Там же; Б а д а у н и, Мунтахаб ат-таварих, с. 173.
[6] К. З. А ш р а ф я н, Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.), М., 1965, с. 130—131.
[7] Г у л ь б а д а н - б е г и м, Хумаюн-наме, с. 17.
[8] Там же, с. 29.
[9] К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 78.
[10] А ф и ф, Тарих-и Фируз-шахи, с. 221.
[11] Ф е р и ш т а, Тарих-и Фериште, с. 174.
[12] Там же.
[13] Ркп. ИВ АН УзССР, № II/722, л. 336.
[14] К. А. А н т о н о в а, Очерки общественных отношений, с. 67; ср.: А. М. О с и п о в, Индия. XII—XV вв.,— История стран зарубежного Востока, М., 1957, с. 192, 403.
[15] К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 112.
[16] К. З. А ш р а ф я н, Делийский султанат, с. 119, 120.
[17] В письме Шер-шаха Сура султану Джунайду-барласу читаем: «Когда Мухаммад-хан Сур сказал султану Мухаммаду о том, что хотят напасть войском на мои владения (парканат-и-ман), то я, взволнованный [этим известием], поспешно отправился в свой джагир...» (Тарих-и Фериште, с. 223).
[18] К. А. А н т о н о в а, Очерки общественных отношений, с. 72.

Глава XII

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА БАБУРА

[1] Ркп. ИВ АН УзССР, № 2255, л. 19а.
[2] И. Н. Б е р е з и н, Турецкая хрестоматия, ч. I—III, Казань, СПб., 1857—1890.

[3] Рукописный фонд Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, фонд А. Н. Самойловича, № 671, л. 26, 31, 77—79, 82—85, 131—138, 156—158.

[4] С. А. Азимджанова, К истории Ферганы во второй половине XV в., Ташкент, 1957; ее же, Экономические взгляды Бабура (из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.), Ташкент, 1960; ее же, Некоторые экономические взгляды Захир-ад-дина Мухаммеда Бабура, изложенные в «Мубайин» (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), М., 1960.

[5] K. F. Qanungu, Sher Shah, Calcutta, 1926.

[6] P. Saran, Studies in Medieval Indian History.

[7] H. M. Elliot, The History of India, vol. IV, c. 21.

[8] Там же, с. 30.

[9] Там же, с. 36.

[10] Там же.

[11] Джунайд-барлас, по-видимому, недолго правил Агрой, ибо в «Бабурнаме» он упоминается в качестве правителя Джаунпура, а затем Чунара [БН, л. 378а].

[12] H. M. Elliot, The History of India, vol. IV, c. 331.

[13] Там же, с. 331.

[14] P. Saran, Studies in Medieval Indian History, с. 70.

[15] Там же, с. 71. Гяз — мера длины, равная приблизительно 1 м.

[16] Abas Khan Sarwani, Tarikh-i Sher Shahi.

[17] К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии, с. 246; Али Мухаммад-хан Бахадур, Мират-и Ахмади, т. I, с. 268—272; его же, Тарих-и Даулати Шер-шахи, с. 3; Зия-ад-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, с. 323.

[18] Чрезвычайные налоги были известны и под другими терминами, такими, как «харадж», «теджихат», «оварзат» (А. Молчанов, К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои,— сб. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, с. 153—169).

[19] Ю. А. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв.,— «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948.

[20] К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии, с. 256.

[21] W. H. Moreland, The Agrarian System of Moslem India, с. 72.

[22] P. Saran, Studies in Medieval Indian History, с. 82; K. F. Qanungu, Sher Shah, с. 372.

[23] W. H. Moreland, The Agrarian System of Moslem India, с. 206.

[24] H. M. Elliot, The History of India, vol. IV, с. 413—414.

[25] Там же, с. 414.

[26] К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии, с. 268.

[27] Там же, с. 50, 114, 173, 252.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] Например, фирман, разрешающий торговлю в Индии, который был выдан Аурангзебом русскому купцу Семену Маленькому, написан на староузбекском языке.

[2] Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, с. 272.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас-хан Сарвани 5, 22, 141, 145
Абд ал-Вахаб 10
Абд ар-Рахим 84
Абдул Азиз Мирахур 110, 114
Абдулазиз-хан 20
Абдул-Кадыр 41
Абдуллах 116
Абдуллах Насруллахи 5, 15, 17, 22, 86
Абдул-Мухаммад Найзабоз 114
Абдулхай Хабиби 30
Абдулхамид Лахори 28
Абдурразак Самарканди 41, 42
Абдуррахим-бек 108
Абдуррахим-хан 8, 9, 71
Абдуррахман-бек 56
Абу Бекр 92
Абу Бекр-дуглат Кашгари 33
Абул-Макаррам 19, 38
Абул-Мухсин-мирза 63
Абул-Фазл 8, 9, 13, 21, 24—28, 47, 107, 119, 133, 141, 144
Абу Саид 43
Абу Юсуф Якуб 148
Азам-хан Лоди 121
Азам Хумаюн 101—105
Акбар 7—9, 19, 20, 22, 25—29, 31, 105, 129, 131, 133, 140, 141, 144, 152
Ала-ад-дин Джехансуз 73
Ала-ад-дин Сайид 99
Ала-ад-дин Хильджи 145
Алаев Л. Б. 32
Алам-хан 110, 111
Алвар-мирза 128
Александр Македонский 45
Али Дженг Дженг 110
Али Дуст-тогаи 34, 37
Алико 42
Алим-хан 101—102
Али-хан 108, 133
Али-хан Кермани 119
Алишер Навои 11, 12, 19, 29
Амин Ахмад Рази 44, 69
Амир-хан 109
Антонова К. А. 32, 120
Араиш-хан 117, 125
Арши 22
Асаф Али-хан 20
Аскари 28
Асука 132
Аурангзеб 7, 9, 20, 21, 28, 141, 144
Афиф 130, 131
Ахемениды 46
Ахмад Али 114
Ахмад Али Кохзад 30, 41, 46
Ахмад Касим Кухбар 96
Ахмад-мирза 43
Ахмад Суфи 91
Ахмад-хан 103—105
Ахмад-хан Мевати 100
Ахмад-шах 125
Ахмад Ядгар 104, 112, 115, 119, 121, 124
Ахунд-ходжа 20
Ашрафян К. З. 32, 130, 131, 135
Аштарханиды 20

Баба-и Пашагири 49
Бабур 3, 5—41, 43—64, 67—99, 105—135, 137—152
Бадауни 7, 9, 28
Бади-уз-Заман-мирза 53—57, 62—65, 67
Байрам-хан 8
Байсункар-мирза 34, 35
Баки Чаганиани (Бакир-бек, Мухаммад Бакир-тархан) 53—55, 58, 61, 81
Баки Шигаул 127
Барам Див 120
Барани 130, 131
Барбак-шах Лоди 100—102
Бартольд В. В. 6, 11, 47, 72, 86, 96
Бахадур-хан 110, 126
Бахадур-шах 19
Бахлул 59
Бахлул Лоди 99—101, 113, 133, 139
Башар-ад-дин 21, 22, 30
Баязид Афган 126, 127, 133
Беверидж А. 6, 8—11, 14, 16, 29
Бек Тельбы 39
Беленицкий А. М. 11
Бенаи 5
Березин И. Н. 29, 137
Бертельс Е. Э. 11
Бесс 45
Бибан Афган 124, 126, 127, 133
Бин Джилвани 110, 114

Бихак-хан Лохани 110
Бихар-хан 139
Блоше Э. 8
Болдырев А. Н. 11, 18, 32, 64
Боровков А. Е. 11
Борнс А. 68, 76
Букинич Д. 46, 70
Бхупат Рао 123

Вавилов Н. 46, 70
Вали 54, 57, 77
Вали Кизил 113, 114
Васифи Зайн-ад-дин 18, 64, 65
Великие Моголы 16, 17, 20—22, 25, 27, 28, 30, 32, 123, 131, 152
Викрамаджит 132
Вуд Дж. 75, 76

Гази-хан 105, 110, 112, 113
Газневиды 73
Ганда Сингх 22
Ганковский Ю. В. 32
Гафуров Б. Г. 32
Гильзаи 99
Гульбадан-бегим 22—25, 107, 109, 127, 128, 130
Гулямов Я. Г. 12
Гуриды 73, 129
Гурко-Кряжин В. 45

Давлат-хан 105, 108—113, 119
Дарвиш Мухаммад-тархан 34
Дарья-хан 100, 139
Дарья-хан Лохани 105
Дауд-хан 114
Денисон Росс А. 10, 29, 106
Джалал-хан 127, 138, 139
Джалал-хан Лоди 103, 104
Джами Абдуррахман 19
Джанвафа-султан 57
Джанибек-султан 39, 40, 89, 91—93
Джафар-ходжа 54, 55
Джахан 101, 102
Джахангир 7, 9, 20
Джахангир-мирза 17, 37, 58
Джахар 24, 25
Джуйбари 20
Джунайд-барлас 139, 140
Джучиды 86
Дилавар-хан 110, 111
Дильдор-бегим 22
Дьяков А. М. 4, 32

Едгар-шах Арлат 42

Захидов В. Ю. 11, 12
Захир Хусейн 30
Зубай Раги 60
Зуннун Аргун 43, 56, 62—65

Ибн Баттута 135
Ибн Хусейн-мирза 63
Ибрахим II Адил-шах 26, 27
Ибрахим Лоди 29, 103—106, 108—118, 120, 121, 131, 132, 138, 139, 151
Ибрахим-султан 23
Икбал-хан Лохани 104
Ильминский Н. 10, 11, 29
Иноят-хан Разихан 19
Искандар Мунши 5, 17, 86
Ислам-хан 104
Исмаил Джилвани 110
Исмаил Сефеви 14, 15, 17, 20, 82, 85—92, 94, 97, 98, 106, 109, 113

Кази-Джия 119
Кайду Бахадур 41, 42
Камран-мирза 20, 71
Канбар Али-бек 37
Каннолин А. 76
Канунгу К. 138, 144
Кара-Кузи 114
Каранг Андоз 122
Карачар-мирза 42
Касым-бек 40, 82
Касым-кучин 34
Касым-хан 87
Каюмов А. 11, 12
Кер Георг-Якоб 10, 11
Кипак-бай 61, 63
Кисляков Н. А. 51
Колдикот Р. 10
Кононов А. Н. 11
Кохзад 71
Кудсий Убайдулла 13
Куреши Дж. Х. 31
Кутлуг-хан 104
Кучкунчи-хан 87, 92, 93

Лейден Дж. 10
Лен-Пул С. 10, 106, 108
Лэмб Г. 29
Лоди 16, 21, 99, 100, 103, 126, 135

Мавлана Муршид 108
Малаев Н. 11, 12
Малик Адам 104
Малик Касым 114
Малик Мансур 83, 84
Мамбак-султан 92
Мансур-султан 91
ал-Маргинани 149
Маркс К. 120, 123
Маруф Фармули 127
Массон В. М. 11, 32
Массон Ч. 76
Масуд-мирза 42
Махди-султан 89, 92, 93
Махди Ходжа 114, 124
Махим-бегим 22
Махмуд бен Вали 15, 86, 87, 91, 93
Махмуд Газневи 41, 73
Махмуд-мирза 43

Махмуд Нухани 127
Махмуд-султан 53, 56
Махмуд-хан 119
Махмуд-хан Лоди 120, 123, 126
Махмуд-шах Шарки 100
Медина Рао 120, 124, 125
Миклухо-Маклай Н. Д. 9
Минаев И. П. 76, 77
Минорский В. 17
Мирам 20, 97
Мирза Аскари 126
Мирза Джахангир 41
Мирза Мухаммад Ширази 13
Мирза Насир-ад-дин Хайдар 13
Мирза Паянде Хасан Газневи 8
Мирза Пир Мухаммад 41
Мирза Сулейман 109
Мирза-хан 16, 57, 63, 88—90, 93, 94, 109
Мирза Хиндал 121
Мирза Санжар 42
Мир Махди Ходжа 22
Мирхонд 17, 24, 62, 64
Миян Бехуда 105
Миян-хан 105
Миян Хасан Фармули 105
Молчанов А. А. 11
Морленд У. Г. 29, 31, 141, 144
Мохан Лал 76
Мубарак-хан Лоди 110
Мубарак-шах 60, 108
Мубарак-шах (из Дели) 102
Музаффар Хусейн-мирза 63, 65
Мужахид-хан 103
Муким Аргун 58
Мулла Аппак 80
Муминов И. М. 4
Муркрофт В. 76
Муса Фармули 127
Мухаммад Али Дженг Дженг 109, 113
Мухаммад Баки-тархан 37
Мухаммад Бурундук 63
Мухаммад Дулдай 124
Мухаммаджан 97
Мухаммад Зайтун 121
Мухаммад Заман-мирза 127
Мухаммад Исфазари 73
Мухаммад Кули Хисари 8
Мухаммад Курчи 60
Мухаммад Мазид-тархан 37, 38
Мухаммад Масум 43
Мухаммад Махдун 60
Мухаммад Салих 5, 17, 34, 37, 38, 48, 51—54, 56, 57, 62
Мухаммад-султан 114
Мухаммад Талиб Муаммаи 67
Мухаммад Туркестани 56, 57
Мухаммад Хайдар 5, 9, 13—16, 24, 48, 86, 88, 89, 91—94
Мухаммад-хан 119
Мухаммад Хумаюн 20
Мухаммад Хусейн Гурган 16
Мухаммад Хусейн-гурган 48, 50
Мухаммад Хусейн-гурген 36
Мухаммад Шади 38
Мухаммад Шариф 122
Мухаммад Шариф (хронист) 28
Мухаммад Шафи 21, 22
Мухаммад-шах 102
Мухаммад-шах Сайид 99
Мухтаров А. 50

Набиев Р. 12
Наджим Сани 97
Назарбай Туркестани 10
Назарова Х. 11
Нарсанг Див 120
Наср-ад-дин 125
Насыр-мирза 36, 58—60
Насыр-хан Лохани 105
Неру Дж. 152
Низам-ад-дин 22
Низам-ад-дин Херави 9, 22, 27, 28, 105, 106
Низам-хан 121, 132
Нурул-Хасан С. 30
Нусрат-шах 126

Омар Шейх-мирза 33

Паве де Куртель 29
Петрушевский И. П. 32
Пир Али Таз 41
Пир Хисам-ад-дин Рашти 21, 22
Пихи 80

Равал Уди Синг Багари 123
Раверти Х. Дж. 76
Рай Чандрабан Чухан 122
Рана Санга 119—126, 132
Рахул 22
Рашид Ахтар Надви 12, 13
Рейснер И. М. 32, 75, 79, 80, 84
Ромодин В. А. 32
Рузбехан Исфахани 5, 14, 15, 86
Рустамов Э. 12

Саади 138
Сабир Мухаммад 29
Сабуктегин 27
Саид Азар Аббас Ризви 30
Саид Афзал 62
Саид Мухаммад-хан 91
Саид-хан 108
Саид-хан Лохани 105
Сайиды 99, 100
Салье М. А. 12, 71
Самойлович А. Н. 11, 29, 137
Саран П. 31, 138, 141
Саргтон 22
Севинчак-султан 93
Сейид Мир Сиддик 8

Семенов А. А. 11, 32, 85, 88, 89, 92, 94, 96
Сенковский О. 10
Сефевиды 3, 17, 79, 86, 88—90, 95, 98, 151
Сиди Али Дарбан 78
Сикандар Лоди 101—103, 106, 132, 138
Стюарт Ч. 24
Сулайманов Х. 11
Султан Али-мирза 34—38, 51
Султан Ахмад-мирза 33, 34, 57
Султан Ахмад Танбал 36, 37, 39, 40
Султан Ахмад-хан 39, 48
Султан Масуд 74,.77, 80
Султан Махмуд 16, 38, 39, 48, 49, 51
Султан Махмуд-мирза 94
Султан Махмуд-хан 33, 34
Султан-Мухаммад 91
Султан Саид-хан 88, 91, 92, 94
Султан Хусейн 14, 16, 19, 20, 43, 48, 55, 57, 58, 61—64, 69, 72, 113, 123
Султан-шах Лоди 99
Сунджан Рай Мунши 28, 107
Сурур Гуе 71
Суры 24, 130
Суюнчак-султан 40
Суюнч-ходжа-хан (Суюнч-хан) 88—90, 92, 93
Суюргатмыш 42

Танбал 17
Татар-хан 121
Татар-хан Лоди 24, 102
Тахир Тибри 116
Тердика 132
Тимур 19, 35, 41, 45, 57, 93, 107, 108
Тимуриды 5, 6, 11, 14, 16—19, 26, 30, 32—34, 38, 40, 42, 48, 51, 53, 54, 57—59, 62—64, 71, 74, 81, 88, 90, 91, 95, 97, 98, 108, 134, 137, 150
Тимур Пулат 10
Гимур-султан 88—90, 92
Тохмасп I Сефеви 109
Требек Дж. 76
Трипатхи Р. 30, 31, 109, 127, 129

Убайдулла-хан 15, 82, 86, 87, 89, 93, 95—97
Узун Хасан 34, 36
Улугбек Кабули 42, 43, 60, 83
Улугбек-мирза 57
Урус-дурмен 90
Урус-султан 57
Устад Али Кули 115, 125, 127
Устад Мустафа Али 121, 123

Фазлуллах бен Рузбехан Исфахани 5, 14, 15, 86, 90, 94, 96
Фазли 60
Фатх-хан Сарвани 126
Федченко А. П. 51, 52
Фериште (Мухаммад Касым Хинду-шах) 9, 26, 27, 55, 58, 102, 103, 105, 107—109, 112, 114, 119—122, 130, 133
Феррьер Дж. П. 76
Феруз-шах 42
Фируз-хан 119
Фируз-шах 130

Хабиб Ирфан 21, 31
Хадича-бегим 64, 65
Хайбат-хан 122
Халифа 114
Хамза-султан 60, 89, 92, 93
Хамид-хан 99, 100
Хамид-хан (из Хисар-Фируза) 113, 114
Ханзада-бегим 23, 87
Хани Джахан Лоди 105
Хани-хан 101, 102
Хан-и-Ханам 133
Ханыков Н. 75
Хасан Али-хан 130, 138—141, 145
Хасан-барлас 56
Хасан Декча 36
Хасанов Х. 49
Хасан-хан 138
Хасан-хан Мевати 120, 121, 123, 124, 126, 131
Хасан Якуб 34
Хатим-хан 114
Хатиф Карши 53, 54
Хафиз Таниш Бухари 87, 94
Хизр-хан 41, 99, 108
Хиндал-мирза 22
Хинди Мурхи 9
Хинду-бек 109
Ходжа Ахмад Ясави 95
Ходжа-кази 34, 36
Ходжа Калан 108, 112, 114, 119
Ходжа Убайдуллах Ахрар 19, 34, 37
Ходжа Ахья 37, 38
Ходжи Хуршид Ираки 127
Хондемир Гияс-ад-дин 5, 9, 14, 17, 24, 43, 48, 53—56, 62, 85, 86, 90
Хосров Гагиани 80
Хосров Кукельташ 110, 113, 114, 131, 132
Хосров-шах 35, 40, 49, 52—54, 56, 57, 60, 61, 77
Хумаюн 7, 17, 19, 20, 22—25, 27—29, 31, 46, 98, 112—114, 119—121, 128
Хусейн Ираки 109
Хусейн-шах Шарки 100

Чин Тимур-султан 114, 131
Чин Суфи 61, 62

Шарма С. Р. 31
Шах Баязид 119

Шах Баязид (из Андижана) 39, 40
Шах-бек Аргун 109
Шах Вали 64, 65
Шах Джахан 7, 9, 20, 146
Шах Мансур 56
Шах Мансур-султан 114
Шах Мухаммад 101
Шахрух 41, 42
Шахрух-бек **Афшар 91**
Шейбаниды 14—16, 18, 20, 48, 86—88, 90, 93—96, 151
Шейбани-хан 3, 5, 14—18, 32, 34, 35, 37—40, 48—50, 53—65, 85—90, 94, 97, 107, 113
Шейх Гуран 119, 125
Шейх Зейн 7, 8, 116
Шер-хан 80
Шер-хан (из Керрата) 102
Шер-хан Сур (Фарид-хан) 126, 127
Шер-шах Сур (Фарид) 21, 22, 24, 29, 31, 98, 128—130, 137—141, 144, 145, 152
Шиммель А. 29
Ширим-тогаи 94
Шуджа Аргун 43

Цезарь Юлий 11

Эллиот Г. М. 10, 13, 22
Элфинстон М. 9, 10, 76
Энгельс Ф. 59
Эрскин У. 6, 10, 24, 29
Эсан Давлат-бегим 23, 24

Юдхин 103
Юнус-хан 13, 123
Юсуф 59

Ядгар Кукельташ 65, 66
Якубовский А. Ю. 11, 32

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аб-и-истода 72
Абдара 45, 46, 60
Агра 22, 23, 100, 103, 104, 116, 118, 120, 121, 123, 125—128, 131, 132, 139
Аджар *креп.* 57, 58
Аджар *ущ.* 63
Аджмир 120
Адинапур 69, 70, 83
Азербайджан 3, 14, 64
Ак-Рабат 45
Ак-Сарай 77
Аксы 13, 33, 34, 36, 37
Алай *дол.* 51, 52
Алай *хреб.* 51
Алангар 59, 70
Ала-Сай 74
Алигарх 22, 100
Алипур 100
Алишанг 59, 68, 70, 109
Алвар 100, 131, 132
Алтындарья 51
Амбар 120
Амраха 127
Амударья 53, 55, 56, 60, 61, 63, 64, 89, 92
Англия 31
Андар-Аб 44, 45
Андар-Аб *р.* 45
Андижан 5, 12, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 48, 49, 52, 55, 91, 92
Анхуд 53—55, 57, 63
Арабский Восток 148
Аргендаб 46
Ард 46
Арил 102
Аркук 96
Арча-Кутал 52
Архиен 39
Астарабад 26, 63
Астартача 72
Атток 108
Афганистан 3—6, 9—11, 29—32, 41, 44, 46, 47, 52, 68, 70, 74—78, 129, 137, 149, 150
Ахмаднагар 26, 27
Ауд 104, 119, 121, 127

Баба-Илохи 62
Баги-Арам 128
Бадам-Чашме 69
Бадаун 101, 102
Бадахшан 16, 23, 41, 44—46, 49, 57, 59, 60, 78, 79, 88—91, 94, 97, 107—109
Бадгис 63, 64
Баджаур 67, 68, 83, 106—108, 138
Баджаур *р.* 83
Бадрау 74
Бажур Савод 43
Базарак-Паранда 45
Байсун 56
Балкан 53, 56
Бактрия 45
Балаур 133
Балх 20, 41, 44, 45, 53—55, 57, 63, 79
Балх-об 63
Бамиан 45, 46
Бангармау 126
Банкаш 46, 73, 74, 79
Баран 70, 72
Бари 100
Бахлулпур 113
Бахранг 101
Бенарес 126, 138
Бенгалия 99, 100, 102, 126
Биана 105, 118, 121, 132
Биджапур 27
Бикрам 113
Бихар 103, 105, 119, 125—127, 140
Бишаб 50
Ближний Восток 152
Болан 47
Бунди 120
Бунир 108
Бухара 15, 37, 44, 48, 89, 92—94, 96, 97
Бхир 82, 84, 106—110

Вахш 52
Везирабад 102

Газипур 105, 119, 121
Газни 41, 42, 46, 47, 58, 69, 72—75, 77, 78, 112, 119
Газни *р.* 72
Гайбыт 46
Ганг 99, 125—127, 133
Гандавал 83
Гардиз 73, 77, 119
Гарзуван 63
Гаримсер 43, 62
Гарм-Чашма 80
Гастингс 123
Гвалиор 23, 100, 103, 104, 118, 120—122, 132

Гельменд 46
Герат 12, 14, 16, 18, 42, 46, 47, 61—65, 76, 87, 90, 133, 150
Германия 59
Гибрик 75
Гиждуван 10, 96, 97
Гингут 113
Гиндукуш 41, 44—46, 49, 56, 67, 68, 70, 75
Гогра 127
Гограон 120
Гомал 44
Гомал *р.* 47
Гондвана 104
Гуджарат 28, 99, 133
Гумбазак 62
Гур 42, 62, 71
Гур-Банд 45, 62, 71, 72, 76
Гурган 16
Гургаун 100
Гхурам 119

Дабуссия 37
Даки 68
Далмау 127
Дандан-Шикан 62
Дара-и Бам 64
Дара-и Занг 57
Дара-и Нур 58, 60, 70
Дарбанд и Аханин 56, 97
Дашт 47
Дашт-и Шейх 72
Декан 99, 100
Дели 12, 29, 41, 99—104, 106, 108, 110—113, 120, 135, 139
Делийский султанат 31, 99, 100, 105, 116—119, 129—132, 135, 150, 151
Денау 56
Дербент 56
Дехкат 50, 61
Джайпур 120
Джам 63
Джамна 23, 99, 116, 125—128, 133
Джалалабад 68—70
Джаландхар 110
Джаунпур 99—104, 119, 138
Джейлем 109
Джубар 46, 47
Дибалпур 23, 100, 102, 103, 107, 109, 110, 112, 118, 121, 126
Дивтори 102
Динкут 46
Доаб 99, 100, 133
Доши 57
Дугдуги 126
Дунгарпур 123

Европа 10

Забулистан
Замендавар 43, 62
Зармут 73
Зафар 60, 88, 107
Зеравшан 51
Зияуддин 37
Зурмут 78

Илак 49, 51—53, 57
Инд 84, 108, 112
Индия 3—8, 10, 11, 13, 16—18, 20—32, 44, 45, 47, 51, 70, 82, 83, 99, 106—110, 112, 116, 118—120, 123, 127, 128, 130, 132, 134—139, 141, 142, 144, 148—151
Индостан 106
Ирак 44
Иран 3, 14, 17, 24, 44, 47, 87, 89, 91, 94, 97, 98, 107, 129, 134, 148, 150—152
Исфараин 51
Итава 104
Ихтияр-ад-дин 42
Ишкамиш 56, 57, 63

Йиланчик 78

Кабадиан 53, 55
Кабул 3, 9, 13, 14, 16, 18, 19, 22, 30, 41—48, 52, 55, 58, 60—63, 67—69, 71, 73—79, 81—83, 87—89, 91, 97, 105—110, 112, 113, 119, 120, 122, 128, 131, 150, 151
Кабулдарья 46, 78, 83
Казань 10
Каин 63
Кайсар 63
Кала-и Нау Маймене 46
Каланджар 112
Каланпур 110
Каланур 113
Калпи 100, 101, 103, 104, 118, 120, 121, 125, 133
Канаудж 42, 119, 122, 124, 125
Кандагар 19, 20, 41—44, 46, 47, 63, 69, 73, 77, 79, 106—109
Кангли 51
Канибадам 39
Кани-Гил 38
Кара 102, 104, 126
Каракуль 37, 96
Карасу 82
Карату 83
Карачи 13, 29
Карзуван 57
Карнан 48
Карши 34, 37, 54, 56, 93, 97
Касан 33, 91, 92
Каспийское море 44
Катур 75
Кафиристан 45, 71, 74
Качекут 61
Кашгар 16, 39, 88
Кашкал 78

Кашмир 16, 17
Кедха 133
Келиф 57
Керки 54, 57, 63
Кермине 37
Керрат 102
Кеш 89
Кизилсу 45, 52
Кингар 80
Кипчак 45
Ковара 70
Кол 100, 122
Кохлуг (Дарбанд-и Аханин) 56
Кохмерд 57, 58, 62
Кува 33
Куил 80
Кули-Малик 8, 14, 15, 20, 96
Куляб 52
Кунар 58, 70
Кунардарья 70
Кунбел 51
Кунда-Гузар 92
Кундуз 16, 35, 41, 45, 49, 52, 53, 56, 57, 60, 63, 78, 87, 89, 91, 92
Курра-и Тазиян 72
Кутил 113
Кухи-Баба 45
Кухи-Сафа 63
Кухистан 50, 52
Кушка 46

Лакхнау 21, 101, 104, 125, 126
Ламган 68, 69, 83
Ламганат 44, 46, 59, 60, 67, 70, 80
Лахор 12, 17, 24, 105, 107—110, 112, 113, 120
Лахугар 72
Ленинград 137
Лондон 17, 19, 21
Лукнур 124, 127

Мавераннахр 5—7, 14—20, 22, 26, 33—35, 38, 45, 48, 55, 63, 82, 85—87, 89, 90, 92—95, 97, 106, 137, 142
Мазар-и Шериф 46
Мальва 99, 100, 103, 120, 124, 125
Мандавар 58, 70, 80, 107
Марвар 120
Маргилан 33, 34, 39, 40
Матча 49—51
Махаб 127
Машт 80
Мевар 120, 126
Меват 100, 118, 124, 131—133
Меймен 62
Мерв 63, 64, 87—90, 97
Мешхед 63
Миан-Доаб 114, 119, 132, 133
Милват 113
Мич-Грам 82
Моголистан 48
Москва 12
Мултан 42, 100, 107
Мургаб 57, 63, 64

Нагз 44
Нанда 138
Нешхаб 89
Ниджрау 67, 71, 74, 109
Нил-Аб 46, 107
Нингнахар 58—60, 69, 70, 74, 83, 109
Нургил 58, 70
Нусух 39

Оби-гарм (Оббурдан) 49—52
Оби-кабуд 51
Отрар 37
Ош 34, 36, 39, 40, 48, 91, 92

Пагман 72
Паи 63
Пакистан 21, 22, 24, 29, 30
Палгар 50, 57
Панджкура 83
Панджхир 45, 61, 71
Панипат 7, 109, 112—116, 118, 121, 126, 139
Парапамизские горы 76
Парван 45
Париж 8
Паршавур 43
Пенджаб 13, 21, 24, 47, 61, 99, 105, 108—110, 112, 113, 120, 122, 139, 145
Пешавар 9, 44, 60, 80, 84, 109
Петербург 10
Пич 70, 71
Пул-и Сангин 93

Рага 60
Раджпутана 100, 120
Рампур 8, 9, 120
Рантанбур 132
Рапри 118, 122, 125
Регар 56
Регистан 46
Ригак 46
Россия 10, 29
Рум 44

Савад 46, 67, 70
Саидпур 109
Сайгон 45
Самарканд 12, 15, 19, 32—40, 43—45, 48—51, 72, 74, 79, 82, 85, 87, 89, 91—96, 97, 106, 145, 150
Самбхал 100, 122, 127, 139
Сали-Сарай 56
Сара 127
Сар-Аб 77
Сарвар 126
Сары-Ассия 56
Сасарам 138
Сахир 43, 62

Саурана 37
Сери-Пул 35, 38
Се-Ярон 72
Сиалкот 109, 111—113
Сикри 23, 120, 121, 123, 124
Синд 109
Синд *р.* 41, 42, 46, 83, 107
Сирхинд 99, 110, 111, 116
Сиях-Санг 67
Советский Союз 12
Соломоновы горы 73
Средиземное море 44
Средняя Азия 3, 9—11, 17, 21, 28, 31, 32, 35, 44, 45, 85, 87, 123, 129, 134, 148, 150, 151
Средний Восток 114, 130, 151, 152
Стамбул 64
Сугандпур 133
Султанпур 110, 111
Сунак-Курган 67
Сурхаб 51, 52, 92
Сырдарья 37, 48

Таджикистан 18, 49, 56
Тарнаб 65
Тохаристан 41, 49
Ташкурган 46
Ташкент 8, 12, 19, 33, 39, 40, 48, 91, 96
Термез 49, 53, 55, 57
Тиджар 131
Тилхара 110
Токуз-Улам 57
Туб 63
Тул 45
Тулек 43, 62
Тун 63
Туран 47
Туркестан 35, 38, 44, 92—95
Турция 64

Увадж 53, 57
Удх 102
Узбекистан 18, 56, 87
Узгенд 33, 39, 92
Укабайн 67
Улабату 81
Ура-Тюбе 33, 39, 40, 48—51
Ургенч 61

Фараб 62, 63
Фармул 44, 46
Фаррах 43
Фаррах-Руд 46
Фарс 14
Фергана 17, 19, 33, 34, 36, 39, 40, 44, 48, 50—52, 89—92, 94

Хавак 45, 67
Хаджикак 45
Хайбарские горы 82, 84
Хайбатпур 24
Хайрабад 96
Хакан 39
Хаспур 138
Хаталанган 60
Хашнагар 43
Хизирабад 133
Хиндустан 9, 41, 44, 46, 47, 61, 73, 74, 79, 99, 105—109, 139
Хисар 17, 39, 43, 44, 49, 50, 53, 54, 57, 89—92, 94, 97, 112, 121
Хисар *креп.* 50, 51
Хисарак 51
Хисар-Фируз (Фируз) 113, 114, 138
Ходжа Дидор 35
Ходжа Исмаил 81
Ходжа Се-Ярон 46
Ходжент 33, 36, 39, 40
Хорасан 6, 16—20, 22, 26, 27, 34, 40, 44, 46, 48, 49, 52, 57, 72—74, 77, 79, 82, 85, 89, 109, 123, 142
Хорезм 16, 61, 62, 63
Хульм 45
Хундж 14
Хутталан 41, 49, 56, 57, 94
Хуш-Аб 108, 109

Чаганиан 53
Чакан-Сарай 58, 70, 71
Чалак 67
Чамбал 103
Чандар 120, 122, 123
Чандари 124—126
Чарикар 46
Чарх 72
Черное море 44
Чечекту 63
Чилдухтарон 65
Чин 44
Чин-Аб 108, 109
Чиниут 108
Чунар 102, 126

Шавдор 35
Шамсабад 102, 125
Шамта 52
Шамтич 50
Шапуркан 57, 63
Шах-и Кабули 67
Шахрисабз 16, 37
Шахр-и Софа 53
Шахрухия 39
Шашкурух 110
Шиберту 45, 46, 60, 62, 67

Этава 118

Южноазиатский континент 9

Янгиюл 45
Ярлак 35
Ясман 51
Ясы (Туркестан) 37, 95

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Обзор источников и научной литературы 5
Глава II. Фергана во второй половине XV — начале XVI в. . . . 33
Глава III. Кабульский удел в XV — начале XVI в. 41
Глава IV. Начало правления Бабура в Кабуле 48
Глава V. Экономико-географическая характеристика Кабульского удела 67
Глава VI. Отношения Бабура с афганскими племенами 75
Глава VII. Дипломатические отношения Бабура с шахом Исмаилом Сефеви и их совместный поход в Мавераннахр 85
Глава VIII. Северная Индия накануне установления власти Бабура 99
Глава IX. Панипатская битва 112
Глава X. Борьба Бабура за упрочение своей власти в Северной Индии (1526—1530) 118
Глава XI. Земельные отношения в Северной Индии при Бабуре . . 129
Глава XII. Налоговая политика Бабура 137
Заключение 150
Примечания 153
Указатель имен 167
Указатель географических названий 172

Сабахат Азимджановна Азимджанова

ГОСУДАРСТВО БАБУРА В КАБУЛЕ И В ИНДИИ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Л. Ш. Рожанский.* Младший редактор *Г. А. Бурова.* Художник *М. Р. Ибрагимов.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *В. П. Стуковнина.* Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 19/IV 1977 г. Подписано к печати 5/IX 1977 г. А-02950. Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1. Печ. л. 11. Уч.-изд. л. 12,08. Тираж 4000 экз. Изд. № 3989. Зак. № 308. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 20 к.